

Е. И. ПОПОВА

**ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
США** ☆☆☆☆☆
☆☆☆☆☆
**в американской
политологии**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
И КАНАДЫ

Е.И. ПОПОВА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США в американской политологии

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. И. УТКИН

МОСКВА «НАУКА» 1987

В книге рассматриваются — главным образом на материалах 1976—1983 гг. — основные направления американской буржуазной политологии и историографии (консервативное, либеральное, мелкобуржуазно-радикальное), оценка их представителями внешней политики США и перспектив ее развития. Охарактеризована социальная база указанных направлений, связь с ними различных политологических «школ». Автор сопоставляет взгляды представителей трех направлений, исходя из трактовки ими ряда важнейших внешнеполитических позиций США: отношений с СССР, политики в Европе и в развивающихся странах, подхода к ограничению вооружений и разоружению, оценки роли внутренних факторов в определении внешней политики.

Рецензенты:

И. А. ГЕЕВСКИЙ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ

ЕВГЕНИЯ ИВАНОВНА ПОПОВА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Утверждено к печати Институтом США и Канады АН СССР

Редактор издательства А. С. Белоконов. Художник Ф. Н. Буданов
Художественный редактор Г. П. Валлас. Технический редактор Н. П. Переверза
Корректоры Л. Д. Изотова, Л. И. Левашова
ИБ № 36183

Сдано в набор 05.09.86. Подписано к печати 03.11.86. А-04422. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. п. ч. л. 13. Усл. кр.-отт. 13,25. Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 2900 экз.
Тип. зак. 2918. Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ВВЕДЕНИЕ

За четыре десятилетия, прошедшие после второй мировой войны, внешнюю политику США анализировали многие американские авторы. Для этой обширной литературы всегда были характерны возникновение школ, борьба направлений, отражающих расстановку политических сил в стране и изменения международного климата. Различные стороны этой идейной борьбы нашли широкое отражение в многочисленных советских трудах, как собственно по историографии внешней политики США¹, так и по близким к ней более общим вопросам внешнеполитической мысли, представленной в работах не только американских историков, но и политических деятелей, философов, социологов, журналистов². Рассматривались политические и военные доктрины американского империализма, политологические школы «ревизионизма» и «реализма», консервативное и либеральное направления, затрагивался вопрос о методах исследований и многие другие аспекты темы. Обобщающее значение имеет глава И. П. Дементьева по историографии США в целом, помещенная в «Историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки», изданной МГУ под ред. И. С. Галкина (1-е изд.— 1968 г., 2-е — 1977 г.).

Однако появление все новых и новых работ в США, во многом приукрашивающих внешнюю политику американского империализма, консервативная волна конца 70-х — начала 80-х годов, захлестнувшая и общественные науки, пересмотр многих оценок и сдвиги в позициях ряда американских политологов и историков ставят задачу дальнейшей разработки указанных проблем. Вопрос о направлениях решается большинством авторов в рамках своей темы, что привело к фрагментарности общей картины американской историографии и несогласованности во многих оценках, а также в терминологии. К тому же при определении направлений применяются различные подходы: систематизация по методу исследования (например, работы, написанные традиционным методом и основанные на количественном анализе), по тематике, по концепциям в той или иной области, по философским взглядам и т. п.

В данной работе, не претендующей на обобщение рассматриваемой темы во всей ее полноте, предпринята попытка на материале американской литературы по послевоенной внешней политике США установить *характерные признаки* основных направ-

лений буржуазной историографии. (Автор не касается американской марксистской историографии, которая составляет важную и особую тему.) Привлечена в основном литература выпуска 1976—1983 гг., что представляется оправданным как в силу большей изученности предшествующей литературы, так и учитывая отмеченный выше переломный характер рубежа 80-х годов.

Для историографического обобщения и систематизации основным, на наш взгляд, является критерий политической позиции изучаемых авторов. Этот критерий позволяет объединить многих исследователей, расходящихся по ряду частных оценок и концепций, по тематике и методу. Он наиболее прямо и непосредственно соотносится с предметом истории как науки.

С точки зрения указанного подхода принято выделять в литературе США два основных направления — консервативное и либеральное, к которым некоторые исследователи присоединяют и третье — мелкобуржуазный радикализм («прогрессизм»). Материалы данной работы убеждают в том, что три названных направления являются наиболее стойкими и долговременными в политологии и историографии США, охватывая практически всю американскую немарксистскую литературу. Они и положены в основу анализа в данной работе, определяют также ее структуру.

Американская политология, первоначальным объектом которой были политические системы и институты, в настоящее время широко занимается внешней политикой. В отличие от исторической науки и нового ее ответвления — «политической истории», политологии свойственна тематика сегодняшнего дня, большой удельный вес публицистики. Однако во многом она является аналогом того, что у нас принято именовать «новейшей историей». К тому же среди американских авторов политический деятель, публицист, политолог, историк часто совмещаются в одном лице (Дж. Кеннан, Г. Киссинджер, З. Бжезинский, Р. Пайпс и многие другие). Следует также учесть, что для современного развития исторической науки характерны умножающиеся межпредметные взаимовлияния и связи. Все это позволяет включить в следующий ниже анализ существующих в США школ и направлений работы и собственно политологов и историков, объединяя их под термином «политология и историография».

Для выявления характерных признаков каждого из названных выше направлений в области внешней политики США представляется достаточным рассмотрение следующих аспектов: социальный статус изучаемых авторов; оценка ими внутренних факторов внешней политики страны; трактовка советско-американских отношений, проблемы вооружений и политики в Западной Европе (тесная взаимосвязь этих вопросов позволяет отнести их к одному показателю); отношение к развивающимся странам; предложения по внешнеполитическому курсу на будущее.

Исходя из того, что системный подход требует установления иерархии понятий, в тексте данной работы предлагается под

«направлением» понимать общую политическую позицию авторов — консерватизм, либерализм, мелкобуржуазный радикализм (философские аспекты этих направлений не затрагиваются), а под «школой» или «течением» — концепцию группы авторов по какой-либо одной проблеме, одной из сторон внешней политики США или одному периоду.

Так, школа «ревизионизма» занималась пересмотром политики США (прежде всего причин «холодной войны») с позиций критики американского империализма и решающей роли в ней корыстных интересов монополий. Школа «политического реализма» подвергла критике идею всемогущества США и политику силы, намечая более гибкую тактику. Современное течение «нового консерватизма», нападая на «реализм», возрождает идеи «холодной войны». При этом школы могут образовываться (и реально образовывались) не обязательно в рамках одного направления (были и такие — например, либертарианская школа в рамках консерватизма). Упомянутые выше наиболее значительные школы американской внешнеполитической историографии возникали на стыках между направлениями³: мелкобуржуазные радикалы и левое крыло либералов составили школу «ревизионизма», либералы и умеренные консерваторы — школу «реализма», некоторые из бывших радикалов, значительная часть либералов и большинство консерваторов — основу течения «нового консерватизма».

Характерно также, что срок существования школ ограничен. Так, две первые из упомянутых школ расцветали в периоды изменений международной ситуации, требовавших пересмотра курса, или серьезных массовых движений, накладывавших свою печать на текущее развитие буржуазной идеологии (подъем оппозиции «низов» в 60-е годы), но уходили с авансцены с очередным пересмотром внешней политики или изменением внутреннего климата (подъем консервативной волны в конце 70-х — начале 80-х годов). Направления же в своей основе оставались неизменными. Они и составляют главный предмет данного исследования.

Аморфность политической жизни США, расплывчатость границ между партиями и группировками отразились и в историографии, где трудно провести четкие линии, которые разделяли бы направления и школы. Встречается немало промежуточных взглядов, вариантов разного рода. Нередко именно ведущие ученые пропагандировали идеи, не укладывающиеся целиком в прокрустово ложе одного четко ограниченного направления. И это не случайно, поскольку именно они выступали в качестве главных представителей пересмотра старых идей и тем самым создания новых. Однако это не снимает задачи выявления преобладающих и долговременных концепций американской политологии, являющейся существенным элементом всей системы идеологии правящего класса США.

- ¹ Американская историография внешней политики США, 1945—1970. М., 1972; *Аппатов С. И.* Школы и направления в американской буржуазной историографии послевоенных международных отношений и внешней политики США // История и историки. М., 1980; *Егорова Н. И.* Советско-американские отношения послевоенного периода в буржуазной историографии США. М., 1981; Статьи и главы в коллективных трудах Н. Н. Болховитинова, В. В. Согрина, А. И. Уткина и др.
- ² *Арбатов Г. А., Олманс В.* Вступая в 80-е... М., 1983; *Богданов Р. Г., Кокошин А. А.* США: информация и внешняя политика. М., 1979; *Гаджиев К. С.* Эволюция основных течений в американской буржуазной идеологии 1950—1970 гг. М., 1981; *Петровский В. Ф.* Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976; Современное политическое сознание в США. М., 1979; США: военно-стратегические концепции. М., 1980; *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М., 1976; *Шейдина И. Л.* Невоенные факторы силы во внешней политике США. М., 1984; *Яковлев А. Н.* От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века. М., 1984.
- ³ Промежуточный характер школ отмечали В. Ф. Петровский, И. Л. Шейдина и др. советские исследователи.

ПРОГРЕССИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Оценивая американскую историографию, исследователи прежде всего отмечают наличие двух направлений — консервативного и либерального¹. Эти направления явно различимы, отражают позиции истеблишмента, «тех, кто делает политику», им посвящена большая часть исторической и политической литературы США. За последнее время, однако, все чаще указывается на существование в США третьего долговременного направления — мелкобуржуазного радикализма, отмеченного во втором издании «Историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (МГУ, 1977), где глава, посвященная США, написана И. П. Дементьевым, в других коллективных трудах, в работах Н. Н. Болховитинова, Р. Е. Кантора, В. В. Согрина и др.

Установление факта существования третьего направления (при том, что оно значительно уступает первым двум в количественном отношении) особенно важно потому, что это отражает наличие не только в американской литературе, но в самой общественной жизни США постоянной радикальной традиции, влияние на идеологию страны обширных и политически активных «средних слоев». Признание течения мелкобуржуазного радикализма является необходимым шагом к обобщению многочисленных групп и школ, по существу не вписывавшихся ни в одно из двух господствующих буржуазных направлений.

РОЛЬ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО РАДИКАЛИЗМА В ИСТОРИОГРАФИИ И ПОЛИТОЛОГИИ США

Мелкобуржуазному радикализму, при определенном признании его хотя бы частью советской историографии, не повезло в одном отношении: он обозначается самыми разными терминами — в зависимости от темы и периода, о которых идет речь: «экономический детерминизм» — если говорится о последователях Ч. Бирда; «изоляционизм» — если изучаются работы по внешней политике США 1920—1930-х годов; «висконсинская школа» — если рассматривается рабочий вопрос в США; «школа ревизионизма» — если имеются в виду исследования по периоду «холодной войны». Установление связи между радикальной литературой и политическими движениями приводит к таким наименованиям, как «прогрессисты», «молодые радикалы», «новые ле-

вые». Более обобщающими являются термины «мелкобуржуазный радикализм», «леворадикальная традиция». Однако и при попытках обобщения царит разнобой, в частности, описываемое течение сливают с либеральным, в результате чего появляются такие определения, как «умеренные буржуазные либералы», «буржуазный реформизм», некое совместное течение «либералов и радикалов» (С. И. Аппатов).

Все эти подходы открывают ту или иную сторону третьего направления, те или иные его школы по отдельным вопросам, однако, как представляется, назрела необходимость его более однозначного определения, которое уточнило бы его классовую природу, наиболее общие характерные черты его идеологии на всем протяжении его существования. Особенно необходимо разграничить мелкобуржуазный радикализм и либерализм. Четкую границу между ними провести нелегко, особенно в условиях, когда отсутствует единообразное и общепринятое определение того и другого, когда взгляды многих американских авторов эволюционируют и меняются, происходят довольно резкие их переходы от одной политической позиции к другой. Но все же такое разграничение необходимо, так как включение радикалов в число либералов приводит к переоценке буржуазного либерализма — *идеологии правящих кругов*, к приписыванию ему таких демократических и антимонополистических взглядов, которые на деле ему не свойственны и противоречат марксистскому пониманию либерализма как выразителя интересов крупной буржуазии.

Что касается названия «мелкобуржуазный радикализм», верного по существу, оно слишком широко, так как нередко означает и анархистские, и ультраправые и другие течения. В применении к американской действительности наиболее подходящим представляется термин «прогрессизм». Он отражает происхождение течения, его идейную связь с движениями, которые сами себя называли прогрессистскими и возникали на протяжении ряда десятилетий неоднократно. Тем самым дается представление о долговременности направления, его политическом лице и социальной базе, его специфике². По этим соображениям в данной работе для обозначения американского варианта мелкобуржуазного радикализма применяются термины «прогрессизм», «прогрессистский» (но не «прогрессивный»!).

Автор не претендует на рассмотрение прогрессизма за весь период его существования. Однако, исходя из высказанного выше положения о преемственности и связи отдельных школ, можно попытаться установить характерные черты данного направления на основе анализа прогрессистской литературы, посвященной послевоенной внешней политике США.

В исследуемый период с книгами и статьями прогрессистского направления выступало относительно немного авторов. Как правило, они не занимали правительственных постов (в отличие от нередкого у либералов и консерваторов совмещения политической и научной деятельности) и ни в каком другом отношении

не принадлежали к истеблишменту. Наоборот, в ряде случаев они протестовали против политики истеблишмента, участвуя в массовых движениях 60-х годов за гражданские права, против войны во Вьетнаме. Несколько биографий приводятся как типичные.

Довольно единодушно квалифицируется как «ревизионист» основоположник этой школы (наряду с Г. Колко) У. Э. Уильямс³.

Глава «висконсинской школы»⁴ Уильям Эплтон Уильямс родился в 1921 г. в Айове, служил в военно-морском флоте США в 1944—1946 гг., закончил военно-морскую академию. Во время обучения, а затем преподавательской работы в Висконсинском университете, где в 1950 г. защитил докторскую диссертацию, У. Э. Уильямс стал активным участником движения за гражданские права, заинтересовался социалистическими идеями. Многие прогрессисты — его ученики и последователи («висконсинцы», по терминологии Н. И. Егоровой, которая называет в качестве таковых Г. Алпровица, Э. Д. Хоровица, Г. Колко, Р. Гарднера⁵).

У. Э. Уильямс — автор многочисленных трудов, широко известных в СССР благодаря опубликованию на русском языке книги «Трагедия американской дипломатии» (М., 1960; в США — два издания — 1960 и 1977 гг.)⁶. Обозревая историю США от войны за независимость до середины 70-х годов, У. Э. Уильямс исходит из прежних своих достаточно известных критических позиций, которые он сам объясняет как результат широкого общения с рядовыми американскими тружениками. Живя в Орегоне, пишет этот исследователь, он обучался у простых людей — докеров, лесорубов, водителей автобусов и грузовиков, длинноволосых интеллигентов, рыбаков, ремесленников, артистов, домашних хозяек и сторонников отделения церкви от государства, стилигов, бэрчистов, мипитменов — у людей всех возрастов и профессий⁷.

Биография и формирование взглядов Говарда Зинна, известного историка, члена американских ассоциаций историков, политологов, университетских профессоров, автора десятка монографий (на русском языке в сокращенном переводе вышла его книга: США после второй мировой войны, 1945—1971. М., 1977), не менее показательны. Г. Зинн родился в 1922 г., был рабочим и профсоюзным организатором на верфи, затем служил в военно-воздушных силах США, участвуя в боях второй мировой войны. Воспользовавшись ветеранской льготой, он получил среднее образование (одновременно работая в качестве рабочего на складе), а затем высшее, занялся преподавательской и исследовательской деятельностью в Колумбийском (1958 г.) и Гарвардском (1960—1965 гг.) университетах. В конце 50-х — начале 60-х годов, будучи деканом исторического факультета колледжа Спелмана в Атланте (штат Джорджия), он начал активно участвовать в движении за гражданские права негров, выступив также с рядом статей по этому вопросу. В 1964 г., перейдя в Бостонский университет, Г. Зинн стал одним из лидеров национального движения против войны во Вьетнаме, лично побывав в ДРВ.

Книги Г. Зинна, отличающиеся яркой полемической направленностью, посвящены массовым оппозиционным движениям, борьбе за реформы, критике внешней политики США⁸. В исследуемый период Г. Зинн выступил с обширной монографией «A People's History of the United States» (N. Y., 1980), написанной не традиционно, как история деяний правителей, а с точки зрения взглядов массовых участников событий: открытие Америки Колумбом — с точки зрения индейцев, американская революция 1776 г. — с точки зрения бедняков, мексиканская война — солдат, которые на ней сражались, и т. д. Это потребовало от автора кропотливого собирания документов и архивов, отражавших взгляды и оценки «низов», в частности иммигрантов, заключенных и многих других. В то же время это позволило автору подкрепить критику милитаризма и агрессии США новыми конкретными высказываниями, раскрывающими пропасть между интересами народа и правящей элиты.

Том Хейден (р. в 1940 г.), автор ряда брошюр, статей и книг, опубликовавший в 1982 г. книгу «The American Future. New Visions beyond the Reagan Administration» (первое издание — 1980 г.), был одним из ведущих лидеров студенческого движения в 60-х годах (членом Координационного комитета ненасильственных действий, одним из организаторов главного студенческого объединения того времени — «Студенты за демократическое общество», председателем его в 1962 и 1963 гг., автором «Порт-Гуронского заявления»), борцом против войны во Вьетнаме (как и его жена, известная киноактриса Джейн Фонда). Позже он становится активистом борьбы за охрану окружающей среды и рациональное использование истощающихся сырьевых ресурсов, за решение проблем безработицы и инфляции путем «перестройки структуры принятия решений, которая столь очевидно находится в руках исполнителей воли корпораций и несменяемой бюрократии»⁹.

В 1976 г. Т. Хейден выступил инициатором создания в Калифорнии движения, названного «Кампанией за экономическую демократию» (КЭД). По определению самого Т. Хейдена, оно «отражало интересы рабочих и служащих, потребителей, национальных меньшинств, мелкого бизнеса» и применяло такие методы, как проведение своих кандидатов в местные органы управления, лоббирование в законодательных собраниях штатов, участие в правительственных комиссиях, организация демонстраций против апартеида в Южной Африке, против ядерных вооружений¹⁰.

Под аналогичными лозунгами выступал Т. Хейден на выборах 1976 г. в сенат США. «Кампания не увенчалась завоеванием места в сенате, — пишет Т. Хейден, — но было получено 1,2 млн. голосов — вероятно, самое большое в этом столетии количество голосов протеста, поданных за альтернативного кандидата»¹¹.

В предисловии к указанной выше книге Т. Хейден отмечает влияние на его взгляды «активистов кампании за экономическую демократию», а также ряда лидеров и инициаторов массовых

движений (Р. Нэйдера, С. Чавеса и др.). Он подчеркивает, что своими предшественниками считает таких авторов, как Гар Алпровиц, Ричард Барнет, Уильям Домхоф, Майкл Харрингтон, Элвин Тоффлер, Уильям Э. Уильямс, Дэниел Ергин, Говард Зинн. Эти, как и другие имена в его списке, в преобладающем большинстве могут быть отнесены к прогрессистскому течению, хотя встречаются среди них и лица, называющие себя социалистами (Майкл Харрингтон), и писатели, близкие к левому крылу либералов (Д. Ергин, Р. Барнет — советник госдепартамента в период президентства Дж. Кеннеди). Типичная для мелкобуржуазных течений размытость, нечеткость границ проявились здесь достаточно ясно.

Несмотря на свой ограниченный объем, прогрессистская литература достаточно широко освещала проблемы американской внешней политики, отразив их как в обобщающих трудах, посвященных всему периоду существования США¹², так и в исследованиях по отдельным вопросам¹³. Каковы же характерные черты прогрессистского подхода к этим проблемам?

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ И АНТИМОНОПОЛИЗМ

Общей чертой прогрессизма является убеждение, что внешнюю политику следует рассматривать прежде всего с точки зрения внутренней расстановки сил, внутренних экономических и социальных факторов. Этот подход не был, конечно, новым. Он поддерживался и руководящими организациями всех историков США. В 1970 г., например, в ежегодном докладе Американской исторической ассоциации он объявлялся главным путем к преодолению фрагментарности и других кризисных явлений в американской исторической науке¹⁴. Однако ни одно другое течение в историографии США не применяло его столь последовательно и в то же время столь односторонне — сводя внутренние факторы почти исключительно к влиянию монополий.

Экономический детерминизм, идущий еще от Ч. Бирда, трансформировался в трудах прогрессистов в положение о том, что вся внешняя политика США, в частности после второй мировой войны, определялась стремлением монополий к захвату сырья, рынков сбыта, эксплуатации колониальных и отсталых стран.

США вступили во вторую мировую войну потому, писал У. Уильямс, что Япония угрожала перераспределить мировые рынки; лозунги о защите цивилизации и свободы — фальшь, на деле речь шла о рынках и сырье, контроле над морями, прекращении германского экономического проникновения в Латинскую Америку, японского контроля над богатейшими ресурсами Юго-Восточной Азии. Война использована Америкой «как средство распространения (скорее чем сохранения) системы открытых дверей»¹⁵.

Потеряв базы во Вьетнаме, подчеркивал Г. Зинн, США приобрели у Англии базу на острове Диего-Гарсиа — «в регионе, бо-

гатов оловом, джутом, чаем, медью, кобальтом, марганцем, ураном и золотом, близком к нефтяным полям Ближнего Востока»¹⁶. Идея о том, что стремление к захвату сырья, рынков, контроля над колониальными территориями определяло целиком и полностью всю внешнюю политику США после второй мировой войны, лежит в основе книг Н. Чомски¹⁷. Тот же подход применительно ко всем международным отношениям развивал Ричард Барнет, который писал, что центральным вопросом современности является глобальная борьба за энергию, нефть, минералы, продукты питания, воду и другие все более истощающиеся ресурсы. Стремление к контролю над этими ресурсами, по его мнению, — стержень всех международных конфликтов. (Р. Барнет считал, что та же проблема лежит в основе и внутренних трудностей, в частности такой «замедленной бомбы 80-х годов», как безработица¹⁸).

Отличительной особенностью прогрессистской литературы было то, что экономический фактор не изображался ею в виде некой объективной, геополитической категории, национальной необходимости, а увязывался с интересами монополий. Прогрессисты не уставали повторять, что внешнеполитический курс может быть понят только при условии ясного представления о внутренней расстановке сил, о тех группах, которые принимают решения. Чтобы понять внешнюю политику, писал Н. Чомски, надо начинать с социальной структуры: кто определяет внешнюю политику, в чьих интересах, каков источник власти¹⁹. Принятие решений — социальный процесс, отмечал М. Берковиц, оно должно исследоваться в социальном контексте: кем делается внешняя политика, в чьих интересах²⁰.

Ответ давался однозначно: внешняя политика делается монополиями (через обслуживающую их военщину, бюрократию, интеллигенцию) и исключительно в интересах монополий. Этот вывод был исходным принципом, общей главной особенностью прогрессистского направления, что вполне согласуется с обычным антимонополизмом мелкобуржуазных слоев.

Рассматривая коренной вопрос — кто управляет страной, американские историки и политологи выдвинули две основные теории — плюралистскую и элитарную. Плюралистская теория в целом сводится к тому, что политический курс складывается сам по себе, как равнодействующая давлений со стороны всех социальных групп, причем богатство не играет решающей роли. Эту теорию разделяет большинство либералов. Что же касается теории элитарной, то ее активно поддерживали исследователи прогрессистского толка.

В опубликованном в 1977 г. коллективном труде М. Берковица, П. Бока и В. Тучилло подчеркивалось, что главным современным критиком «элитизма» является Райт Миллс, еще в 1953 г. опубликовавший широко известную книгу на эту тему²¹. Авторы подчеркивают основные положения этой работы: власть находится в руках тех, кто управляет политическими, военными и

экономическими структурами страны, в руках немногих, составляющих высший слой в корпорациях, вооруженных силах, профсоюзной бюрократии. Отмечалось при этом, что идет процесс концентрации власти, а именно усиление ее исполнительной ветви — смещение реальных ее прерогатив от тех, кто избран, к тем, кто назначен. Возрастает взаимосвязанность центров власти, слияние их в единую элиту с общей психологией и идеологией. Именно такая элита и решает вопрос о войне и мире, о внешнеполитическом и внутривластном курсе страны, устанавливает господство конформистской идеологии. Миллс допускал плюрализм «на среднем уровне власти»: конгресс, политические партии, группы давления оказывают влияние, но лишь на решение местных или специфических вопросов, не затрагивающих коренные принципы господствующей системы. Что же касается нижнего, массового уровня, то здесь характерны апатия, неинформированность, дезорганизация; это — люди, которыми легко манипулировать и которые не могут сдерживать элиту²².

С конца 50-х и до начала 70-х годов выходили в свет все новые и новые исследования, авторы которых — Уильям Домхоф, Уильям Уильямс, Гэбриел Колко, Ричард Барнет и др. — разрабатывали элитарную модель. При этом появилось немало компромиссных точек зрения. Так, отрицалась связь между экономической, политической, бюрократической, военной элитами (якобы конкурирующими друг с другом, чем сотрудничающими), что означало, конечно, уступку полицентризму. Отстаивалось «совпадение» интересов элиты и нации в целом, особенно в прошлые времена. Г. Колко оспаривал мнение Миллса о самостоятельном влиянии военной элиты, считая, что последний преувеличил его, что военные — лишь орудие в руках корпораций, в составе военно-промышленного комплекса не они играют решающую роль. В основном, однако, прогрессистские историки развивали элитарную теорию «в чистом виде», и прежде всего в ее применении к внешней политике США. Выражалось это в разработке собственного толкования таких понятий, как «национальные интересы», «консенсус», «антикоммунизм», а также в изучении связей между корпорациями и политическими партиями, корпорациями и составом федеральных администраций 70-х годов.

Говоря о концепции «национальных интересов», авторы коллективной монографии «Внутривластные институты и американская внешняя политика. Социальный контекст решений»²³ подчеркивают, что это — центральная идея всей конформистской литературы, посвященной внешней политике. Они критикуют ее использование в целях приравнивания интересов элиты к интересам нации. Они ставят своей задачей выяснить, совпадают ли на деле эти интересы, и дают отрицательный ответ, поддерживая при этом идеи Р. Миллса, а также Ч. Бирда, выдвинутые еще в 1934 г., У. Уильямса («явное предназначение» как отражение нужд могущественных железнодорожных и горных компаний).

Прослеживая историю внешней политики США, они со своей

стороны показывали, как господствующий класс превращал свои узкокорыстные интересы в «национальную потребность». Концепцию «национальных интересов» Н. Чомски называет «государственной религией», «священным табу» всех либералов США, всей касты пропагандистов, которые внедряют в умы рядовых американцев тезис о том, будто бы на внешнеполитической арене действует американская «нация» с ее благородными, демократическими идеалами и принципами. Если же допускаются жестокости, случаются провалы, подобные вьетнамскому, то это — «трагическое отклонение от национальных целей», результаты плохого руководства. Он язвительно высмеивает при этом высказывания А. Шлезингера, Г. Моргентау, комментатора «Нью-Йорк таймс» У. Шеннона и других либералов. «Национальные цели» США неизменно справедливы, бескорыстны, исполнены доброжелательства, иронизирует Н. Чомски, но всегда как-то так получается, что они приводят к весьма неприятным последствиям. Дело же заключается в том, что «национальные интересы» — это «специфически классовые интересы»²⁴.

Понятие «консенсус» разъяснялось прогрессистами не как согласие между народом и правительством, а как сговор различных группировок правящих кругов, между руководящими верхушками буржуазных партий и главным образом — между либеральными и консервативными группировками элиты. Все мероприятия последнего периода служили интересам «общины бизнеса» как целого, противоречия внутри бизнеса порой возникают, но не в главном²⁵. Одна и та же корпорация обычно поддерживает на выборах обе конкурирующие партии сразу, в результате «влияние корпораций в Белом доме — постоянный факт американской системы», отмечал Г. Зинн, приводя факты участия в избирательных кампаниях Р. Никсона таких компаний, как «Ассошиейтед милк продьюсерс», «Америкен эйрлайнз» и др.²⁶ Демократы и республиканцы, либералы и консерваторы в сущности, несмотря на споры об объеме государственного регулирования, мало отличаются друг от друга, писал Н. Чомски: решающая роль во всех случаях остается за корпорациями, которые воплощают общие интересы монополистического капитализма (corporate capitalism)²⁷.

Интересам бизнеса соответствует и господствующая во внешней политике идея антикоммунизма, призванная оправдывать курс на мировое превосходство США. Стратегия «сдерживания», интервенции против национально-освободительных движений и революций — все это продиктовано страхом перед национализацией, уничтожением частной собственности, т. е. коммерческими интересами монополий.

Специально подчеркивались преследования, которым подвергаются разоблачители монополий. Всякая попытка вскрыть тот факт, что внешняя политика США диктуется корыстными целями «узкой группы лиц», которые в условиях американской формы государственного капитализма контролируют национальную

экономике, замалчивается и пресекается; ученые, честно исследующие этот вопрос, подвергаются всевозможным, хотя и скрытым, гонениям. «Всякий, кто провел какое-то время в университете, знает, как это делается», — такие ученые изгоняются под предлогом «профессионального несоответствия», «пеумения ладить с людьми», «отсутствия вкуса в выборе тем», «использования неправильных методов». В результате менее 5% авторов «респектабельной литературы» отмечают роль корпораций в американской внешней политике, остальные создают впечатление, что эта политика формируется в каком-то социальном вакууме²⁸.

Приведенные выше выводы подкреплялись значительным конкретным материалом о месте и роли монополий в деятельности государственного механизма США. С точки зрения связей с корпорациями анализировался состав правительств и административных учреждений. Одним из первых среди прогрессистов исследовал этот вопрос Г. Колко²⁹, выводы и подсчеты которого затем были использованы и другими авторами. В 1980 г. Ф. Бэрч убедительно опроверг представление о «правительстве из народа, с помощью народа и для народа», сопоставив состав правлений крупных компаний и назначения на правительственные посты за период с 1789 г. до президентства Дж. Картера включительно³⁰. К каждой главе автор приложил обширные таблицы, иллюстрирующие корпоративные и семейные связи ключевых деятелей правительств США, собрав для этого большой фактический материал, позволивший ему заполнить «ничейную землю» между экономикой и политикой. При этом автор вслед за Колко последовательно учитывает не только и даже не столько социальное происхождение того или иного представителя правящей элиты, сколько его связи и окружение к моменту назначения на должность, источники помощи на выборах, главные внешнеполитические мероприятия, за которые он ответствен.

Ф. Бэрч пришел к выводу, что правящие круги США являются «закрытым обществом», репродуцирующим кадры на высшие посты исключительно из собственной среды — крупных бизнесменов и менеджеров, юристов бизнеса, федеральных бюрократов, дипломатов, военных (особенно после второй мировой войны), а также из академического мира (это часто ученые с «большими экономическими связями»). Отмечаются некоторые сдвиги внутри истеблишмента: при Р. Никсоне — от восточной элиты к южной, что было связано с развитием в южных штатах военной промышленности (заводы «Локхид», «Литтон индастрпз», «Хьюз эйркрафт»), нефтяной, агробизнеса, индустрии туризма и развлечений; при Дж. Картере — уклон в сторону меритократии, которая дала целых пять представителей в эту администрацию. Добавим, что при администрации Рейгана произошел очередной «внутренний сдвиг» — коридоры власти в Вашингтоне заполнили посланцы калифорнийского бизнеса.

Какая-то часть назначений шла иногда из незлитных кругов (автор считает таким примером администрации В. Вильсона и

Ф. Рузвельта), но в целом элита полностью преобладает, в то время как большие группы населения никогда не получают подлинного представительства в управлении страной. Это относится, в частности, к профсоюзам, отмечает Бэрч, — в противоположность постоянным шумным утверждениям консерваторов о «засилии профсоюзов». Последние получили с 1913 г. только шесть официальных постов, из которых пять — министра труда; лишь один профсоюзный деятель — У. Уилсон — пробыл достаточно долго в правительстве, хотя АФТ — КПП постоянно предлагает своих кандидатов. Автор отмечает в итоге «редкое для развитой страны» игнорирование такой силы, как профсоюзы.

Приметой 70-х годов явилось выявление прогрессистами роли транснациональных монополий (ТНК), которым Р. Барнет посвятил большое исследование, изданное в 1974 г., а также специальную главу в работе 1980 г.³¹ На огромном материале показана несостоятельность идеи, будто ТНК — это столбовая дорога прогресса, неизбежный и необратимый путь к единству мира, преодолению устарелого деления на национальные государства. На вопрос, прогрессивно ли влияние ТНК, автор отвечает материалами, которые свидетельствуют, что ТНК выкачивают ресурсы из экономически отсталых стран и тем самым увеличивают нестабильность в мире, углубляют экономический кризис; они загрязняют среду, искажают естественную для человека привязанность к своей стране, городу, семье, порождают психологию отчуждения, содействуют росту безработицы и выступают как самозванные, никем не избранные распорядители миллиардами жизней населения земли³².

ТНК стали третьей (после США и СССР) крупнейшей силой в мире, писал Г. Зинн. Около 800 американских ТНК получают 40% своих прибылей вне США, указывал он, хотя на деле они не являются транснациональными, поскольку 98,4% их высших управляющих — американцы³³.

Важным уточнением прежних элитистских моделей принятия решений явилось изучение роли планирующих политику неправительственных организаций — Совета по международным отношениям, Тройственной комиссии, Института Брукингса и других юридически частных, но на деле тесно связанных с государственным механизмом институтов. Так, Ф. Бэрч в указанной работе (что вызвало возмущение консервативного рецензента³⁴) регулярно отмечал — как один из признаков принадлежности к элите — участие в подобных организациях. Приводя данные о создании, составе и влиянии Тройственной комиссии на политику Дж. Картера, Н. Чомски подчеркивал членство в ней руководителей крупных корпораций. Он приходит к выводу о том, что идеи и программы правительственной политики подготавливаются именно в таких якобы чисто академических, а на деле монополистических институтах³⁵.

Роли Тройственной комиссии посвятил ряд страниц своей книги и Г. Зинн³⁶, который подчеркнул, например, сотрудниче-

ство главы банка «Чейз Манхэттен» и З. Бжезинского в ее создании и определил цели комиссии как защиту капитализма от коммунизма и национально-освободительных движений. Как и Чомски, он дал критический анализ программного документа комиссии «Управляемость демократий», где главным злом современности объявлялся «избыток демократии»... Он привел также материал, свидетельствующий о роли Тройственной комиссии как координатора действий американских, западноевропейских и японских корпораций. В комиссию, подчеркнул он, входят представители «Чейз Манхэттен», «Леман бразерс», «Бэнк оф Америка», «Банк де Пари», лондонского «Ллойда», токийского центрального банка и т. д. В ней «представлены нефть, сталь, автомобилестроение, авионавтика и электропромышленность». К ним примыкают и люди из «Тайм», «Вашингтон пост», «Коламбия бродкастинг», «Цайт», «Джапан таймс», лондонского «Экономиста» и др.

Обобщенную олигархическую модель формирования политического курса США дал Томас Дай³⁷. Он исходит из того, что теория элиты, разработанная рядом авторов, не отвечает на вопрос: каков механизм, каковы каналы и институты, через которые корпорации и банки «делают политику», контролируют избираемое правительство — непосредственных исполнителей политического курса? Для ответа на этот вопрос Т. Дай строит модель, в общих чертах описывающую формирование политического курса:

1) деньги, необходимые для изучения, планирования и т. п., дают корпорации и богатые лица в виде взносов в фонды и специальные институты, причем администраторы корпораций входят в управления фондов и институтов, направляя их деятельность и определяя их кадровый состав;

2) организации, планирующие и исследующие политику, такие, как Совет по международным отношениям, Комитет по экономическому развитию, Институт Брукинса и т. п., координируют процесс «делания политики», объединяя финансовые источники, средства массовой информации, влиятельных членов правительства, интеллектуалов из исследовательских центров вокруг рекомендаций по решению национальных проблем, обеспечивая консенсус этих сил;

3) рекомендации принимаются и учитываются конгрессом, его комитетами, членами правительства и превращаются в законы, в конкретные действия. Избираемое звено в этой цепи является, таким образом, всего лишь исполнителем.

Автор подробно разбирает в качестве иллюстрации три названных выше исследовательских организации — источники их финансирования, состав руководства за ряд лет, определяемые ими мероприятия. Так, например, пишет он, Совет по международным отношениям (СМО), созданный в 1921 г. и опирающийся на деньги Рокфеллеров, Фонд Форда и др., в свое время участвовал в подготовке американского варианта Устава ООН,

разрабатывал идею «сдерживания», план Маршалла, НАТО, поручил в конце 50-х годов молодому гарвардскому профессору Г. Киссинджеру выработать новые идеи на смену «массовому возмездию» Даллеса. Результатом была книга Г. Киссинджера «Ядерное оружие и внешняя политика», отстаивавшая более гибкий курс. Журнал совета («Форин афферс») упреждает инициативы, появляющиеся в американской политике³⁸. Фактически все влиятельные в дипломатии США люди были или являются членами совета — Дж. Ф. Даллес, Д. Ачесон, Дж. Кеннан, А. Гарриман, Д. Раск, Г. Киссинджер, С. Вэнс и др. Автор отмечает совмещение постов, занимаемых в совете, с постами в ведущих банках, университетах, органах печати (Д. Рокфеллер, Дж. Макклой, М. Банди, Н. Катценбах, П. Уорнке, С. Вэнс, М. Блументол, З. Бжезинский и др.) и пребывание тех же лиц на ведущих должностях в правительстве.

Т. Дай специально останавливается на «межгосударственной ветви» совета — Тройственной комиссии, созданной председателем правления совета Д. Рокфеллером в 1972 г., и вновь подчеркивает переплетение связей банков, корпораций, ведущих представителей государственных служб. Джимми Картер, отмечает он, был введен в комиссию по инициативе Пола Остина, председателя правления «Кока Кола К°». В то время как в избирательной кампании 1976 г. Дж. Картер создавал перед широкой публикой образ «аутсайдера», он на деле уже с 1972 г. поддерживал тесные контакты с верхушкой национальной элиты через СМО и Тройственную комиссию³⁹. Анализируя программу СМО на 80-е годы, автор, ссылаясь на ежегодные отчеты СМО, указывает, что уже с середины 70-х годов разрабатывалась кампания выступлений за «права человека», меры по проблеме «Север — Юг» и др.

Аналогичным образом рассматриваются занимающиеся преимущественно внутренней политикой Институт Бруклинга, Комитет по экономическому развитию. Коллективный портрет директоров трех организаций включает в итоге такие черты, как совмещение каждым из них до 12 постов, опыт государственной службы, высшее образование, преимущественно юридическое, и научные степени, принадлежность к белой расе, участие в частных клубах, средний возраст 58—59 лет. Автор подчеркивает, что политическая наука в США, сосредоточившая внимание на «непосредственных исполнителях» — правительстве, конгрессе и т. п., ошибочно занимается только этой конечной фазой процесса — политика определяется не этими исполнителями, они только изыскивают средства, а не цели.

Таким образом, предлагаемая автором олигархическая модель показывает, каким путем создается консенсус внутри элиты и как он передается правительству для принятия конкретных решений. Из данной модели следует, что вопросы политики решаются не народом, участвующим в выборах, не политическими партиями и не «заинтересованными группами», через которые

лишь весьма косвенно оказывается влияние избирателей на поведение элиты при принятии решений⁴⁰.

В других исследованиях рассматриваются и иные стороны данной проблемы. Так, Б. Рассет и М. Нинчич⁴¹, изучив опросы общественного мнения почти за 40 лет (1939—1975), пришли к выводу о громадном расхождении позиций элиты и широких масс в вопросах войны и военного вмешательства США.

Уделив столь большое внимание влиянию монополий на государственный механизм, прогрессисты в целом приходят к выводу, что именно это воздействие определяло и определяет характер американской внешней политики, который они оценивают как империалистический, имеющий целью создать, удержать и расширить империю. Узкокорыстный курс монополий, их погоня за рынками сбыта и источниками сырья, стремление обеспечить «стабильность» путем подавления народно-освободительных движений — все это является причиной войн, а также забвения внутренних нужд. Таким образом, внешняя политика монополий ведет к глубокому кризису, считают прогрессисты.

У. Уильямс описывал этот кризис как «опьянение империализмом», мессианизм, стремление, прикрываясь благочестивой риторикой насчет «расширения зоны свободы» и «распространения демократии», навязать свой строй и свой образ жизни всем другим народам; это, писал он, эйфория, ослепление, измена идеалам «отцов-основателей». Результатом «политики империи» стала глубокая милитаризация всей жизни США: в 70-е годы 50% американских ученых и инженеров прямо или косвенно работали на войну, 53% всех федеральных налогов шли на прошлые, настоящие и будущие военные операции (уже в тот период из федерального бюджета 418 долл. на одного жителя США шло на военные расходы и лишь 32 долл. — на образование) и т. д. «Империя как способ существования ведет к ядерной гибели»⁴². Обширный материал о росте военного бюджета и корыстной наживы корпораций параллельно с обострением проблем безработицы, инфляции, образования привел Г. Зинн⁴³.

Антимонополизм, будучи наиболее характерной чертой прогрессистской историографии, нередко придавал ей чрезмерно упрощенный характер. Сводя все интересы монополий к получению прибыли, игнорируя относительную независимость буржуазного государства от монополий, большую широту его задач и интересов⁴⁴, не учитывая роль классовой идеологии и психологии, порой недооценивая значение массовых движений, которые сами же они одобряли и поддерживали, искаженно представляя значение такого фактора международных отношений, как противоположность и борьба двух систем, прогрессисты давали неполное и одностороннее объяснение движущих сил и определяющих факторов внешней политики США.

Однако они были единственным течением в буржуазной историографии, указавшим на монополии как важнейшую силу, влияющую на внешнюю политику, вскрывшим механизм такого влия-

ния. Их эмоциональная, острая критика противостояла официальной пропаганде и целому морю апологетической литературы, пробуждая творческую мысль. Прогрессисты разработали свой антимонополистический подход ко многим конкретным событиям и направлениям внешней политики. Среди таких направлений на первое место в их работах выступает политика в так называемом «третьем мире».

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ С РАЗВИВАЮЩИМИСЯ СТРАНАМИ

Характерной чертой прогрессистской литературы 70-х годов было то особое внимание, которое она уделяла защите национально-освободительных движений и разоблачению реакционного курса США в отношении развивающихся стран.

Прежде всего выдвигался и обосновывался тезис о незаконности этого курса как с формально-юридической, так и с моральной точки зрения. Большой материал в этом плане дала агрессия США во Вьетнаме, уроки которой интенсивно обсуждались в середине 70-х годов. Г. Зинн, Н. Чомски и другие авторы своими яркими полемическими выступлениями много сделали для раскрытия перед общественностью США и всего мира преступного характера американских действий в этой стране.

Опираясь на свидетельства американских солдат, рядовых вьетнамцев, на «бумаги Пентагона», судебные материалы по процессу лейтенанта Келли и другие документы, Г. Зинн привел в своей книге целый ряд фактов, показавших жестокие методы ведения войны и лицемерие американских лозунгов о «защите свободы» во Вьетнаме⁴⁵. Поданные красноречиво, достоверно, искренно, эти материалы придали его работе большое эмоциональное воздействие, а также закрепили на многие годы в общественном сознании те картины беззакония и ужасов войны, которые многие американцы видели на экранах телевизоров, но не так уж долго помнили.

Согласно замыслу своей книги — описывать действия и настроения народа, а не правителей, Г. Зинн убедительно подкрепил тезис о незаконности американского вмешательства рассказом о возникновении и ходе революции во Вьетнаме, ее подлинно народном характере, популярности ее вождя Хо Ши Мина, высокой морали солдат «Вьетконга» (Национального фронта освобождения). Он сделал логично вытекающий из всего этого вывод о праве вьетнамцев на «свою Декларацию независимости»⁴⁶.

С тех же позиций отстаивал право народов на самоопределение У. Уильямс, с особой силой подчеркивавший, что американское государство, само возникшее в борьбе за это право, теперь изменяет идеалам «отцов-основателей». Напоминая о «кровавых деяниях ЦРУ», о незаконном вмешательстве ФБР и «ужасных истинах», связанных с политикой США в Иране, Индонезии, Гватемале, Санто-Доминго, Кубе, Чили («Чили, может быть,

прежде всего, потому что там мы сознательно уничтожили человека, который посвятил себя мирному переходу в будущее»), У. Уильямс писал: «Джефферсон опасался за свою страну... Я оплакиваю ее. Моя душа гражданина устала слышать снова и снова, как моя страна позорит свое прежнее благородное обязательство уважать право на самоопределение»⁴⁷.

Н. Чомски, обращаясь к теме о незаконности и аморальности действий США, привлек внимание к таким проблемам, как «идеологическая реконструкция» после Вьетнама и вопрос о терроризме, обрушив при этом весь свой полемический пыл на головы либералов. В 1975 г. он выступил со статьей⁴⁸, в которой сформулировал идеи и оценки, затем повторенные во многих работах прогрессистов и достаточно четко отделившие их позицию от либеральной. В статье автор обвинял американскую интеллигенцию вообще и либералов в особенности в фальсификации истории — искажении уроков вьетнамской войны. Он едко высмеивал оценку этих уроков, данную А. Шлезингером, Дж. Рестомом, Ч. Боленом, такими крупнейшими газетами, как «Нью-Йорк таймс», «Крисчен сайенс монитор», «Вашингтон пост» (несколько меньше — журналом «Нью рипаблик»): будто бы война явилась результатом недалекости, возможно, глупости, велась недостаточно искусно, были допущены ошибки планировщиков, моральные отступления, но что при этом цели США, их «первоначальный импульс» были достойными и бескорыстными (помочь Сайгону добиться «самоопределения», укрепить демократию и т. п.). И лишь затем, якобы против своей воли, Вашингтон был «втянут» в ошибочные действия. Когда же имел место этот «первоначальный импульс», спрашивал Чомски, — когда Ачесон прямо заявил, что следует подавить волю большинства населения, преданного Хо Ши Мину? Когда США поддерживали кровавые репрессии Дьема, отлично зная, что по крайней мере половина населения Южного Вьетнама поддерживала НФО? Когда до трети вьетнамцев было загнано в «стратегические деревни»? Когда начались массированные бомбардировки и военная эскалация?

Оценкам либералов, допускавшим лишь «приличную», «респектабельную» критику, Н. Чомски противопоставил утверждение, что дело не в чьей-то глупости или ошибках: Соединенные Штаты просто не имели ни юридического, ни морального права вмешиваться во внутренние дела Вьетнама, они не имели «ни полномочий, ни компетенции для того, чтобы определять порядки в Индокитае», силой навязывать угодное им правление. Призывая дать наконец «честную самооценку», автор наиболее резко оценил моральную сторону политики США. Жестокости американской военщины во Вьетнаме он сравнивал со «стандартами Гимmlера» и тех, которые даже на Нюрнбергском процессе прославляли «твердость и достойное поведение» немцев при истреблении евреев. Американские действия во Вьетнаме, писал он, совершенно аналогичный пример: подобно гитлеровцам, пред-

ставители американского истеблишмента утверждают, что «с преступниками поступали как должно». Операция в долине Меконга была «резней, стоившей жизни 11 тысячам вьетнамцев, чье право на самоопределение мы столь ревностно защищали».

Н. Чомски развивал идею о «двойном стандарте», применяемом правительством США: генерала Ямаситу с одобрения США повесили за зверства его войск на Филиппинах, но лейтенант Келли всего лишь отсидел несколько месяцев под домашним арестом. Разоблачая лицемерие либералов, Н. Чомски подчеркивал, что основные исходные позиции «этих почтенных голубей» — те же, что и у ястребов: США могут делать ошибки, но не преступления, американские правители могут поступать глупо, как «наивные идеалисты», но они никогда не преследуют злых и корыстных целей⁴⁹.

В заключение автор призывал внедрять понимание того, что интервенция во Вьетнаме была преступлением против мира, тем самым воздвигнуть и на дальнейшее идеологический барьер против применения силы для любых целей, чем бы они ни маскировались — «гарантированием мирового порядка» или «защитой демократии». Необходимо преодолеть давление средств массовой информации, школ, университетов, через которые правящая элита стремится держать народ в покорности и в рамках конформизма. Пока доктрина о праве США на установление мирового порядка не развенчана, повторение Вьетнама возможно, предупреждает автор.

«Двойной стандарт», применяемый идеологами США, разоблачал Н. Чомски и в связи с кампанией о «борьбе с терроризмом», посвятив этому вопросу значительную часть написанной в соавторстве с Р. Херманом книги «Политическая экономия прав человека. Т. 1: Клиентура Вашингтона и фашизм в третьем мире»⁵⁰. Графически изобразив корреляцию между применением пыток в 26 странах Азии, Африки, Латинской Америки и наличием в них американских вооруженных сил (а также получением этими государствами многих миллиардов долларов в виде «военной помощи»), Н. Чомски доказывал, что США создали своего рода «глобальную банановую республику», систему государств-клиентов, где, прикрываясь разглагольствованиями о «защите свободы» от «коммунистического террора и порабощения», насаждают фашизм. Если бы международная законность соблюдалась, пишет автор, то тысячи военных и политических деятелей США предстали бы перед новым Нюрнбергским трибуналом.

Н. Чомски призывает различать терроризм индивидуальный и терроризм правительственный, как теперь принято квалифицировать государственный. Последний, насаждаемый США под лозунгами «реакции защиты» и «политической акции», приносит в тысячи раз больше жертв. Пооппря режимы Дьема, Пиночета и им подобных, американские советники и лично принимают участие в пытках. США поставляют не только напалм, осколоч-

ные бомбы, другое «антипартизанское» оружие, но и орудия пыток. В Бразилию, например, поставлялись из США электрические иглы настолько тонкие, что их можно просунуть между зубами. И все это оправдывается «удивительно эластичной концепцией безопасности». Правительственная политика объявляется террористической лишь тогда, когда речь заходит о Кубе, Камбодже и других «недружественных странах». В результате подхода с мерками «двойного стандарта» пытки и другие методы неофашизма распространяются в «свободном мире» как раковая опухоль.

В целом неоколониалистская агрессия США, борьба Вашингтона с национально-освободительными движениями была оценена прогрессистами в духе «новых левых», лозунгов массового подъема 60-х годов. Не все прогрессисты с той же степенью прямоты и резкости, как Чомски, осудили курс США и направляли свой сарказм в адрес либералов. Чаще критиковались безымянные «консенсусные идеалы» в целом. Однако все они признавали закономерность борьбы народов за независимость, высказывались за их право на собственный путь развития, осуждая курс США как незаконный и аморальный.

В работах прогрессистского направления большое место заняла и другая сторона вопроса — осмысление целей и содержания политики США в развивающихся странах. Политика эта определялась как неоколониализм, практикуемый в интересах монополий. С этой точки зрения были подробно проанализированы такие методы США, как создание баз, программы помощи иностранным государствам, договоры типа Панамского 1977 г.

У. Уильямс определял смысл политики США как сохранение и расширение «империи» в целях необходимого монополиям распространения «открытых дверей» на весь мир. (Термины «империя» и «открытые двери» У. Уильямс употребляет во всех тех случаях, когда советский историк сказал бы «захваты» и «экономическая экспансия».) Аналогично определял цели США Н. Чомски: Вашингтон стремится «утвердить глобальный порядок в интересах международных корпораций, которые требуют, чтобы мир был „открыт“ для их проникновения и контроля». Угрозу правящие круги видят не в коммунистической системе как в таковой, а в том, что существование этой системы ведет к усилению независимости от США⁵¹.

Однако для того, чтобы «сделать мир безопасным для эксплуатации», недостаточно одной грубой силы — в современном мире нужны более изощренные методы, и они появились в виде неоколониализма, который США практикуют в больших масштабах, чем любое другое государство. Американские военные базы созданы по всему миру — в Турции, Кении, Сомали, Омане, на Диего-Гарсиа, в Южной Корее, на Филиппинах — в целом в 45 странах; еще шире поставляется американское оружие; созданы «силы быстрого развертывания». Смысл всего этого, указывал Т. Джервази, сообщая подробные сведения, цифры и данные об

этих мероприятиях США,—поддержка угодных Вашингтону режимов. Не случайно подобные действия вызывают протесты народов и целых стран, порождая конфликты, подобные, например, войне 1977—1978 гг. между Эфиопией и Сомали ⁵².

Разрекламированный президентом Дж. Картером курс на «защиту прав человека» сопровождался обещанием прекратить военную помощь странам, нарушающим эти права. Но это, писал Г. Зинн, оказалось сплошным лицемерием: президент содействовал провалу в конгрессе резолюции Г. Бадильо и продолжал предоставлять помощь военным диктаторам, чинившим расправы с населением Чили, Никарагуа, Ирана.

Отмечая неизменность ставки Вашингтона на реакцию, прогрессисты не забывали, согласно своей исходной антимонополистической точке зрения, подчеркивать, что подтекстом колониальной политики США всегда были прибыли бизнеса. При ближайшем рассмотрении целью помощи США оказывалось «сохранение власти и влияния в мире американской военщины и американского бизнеса». Показателем сути «либеральной» политики Дж. Картера являлся, например, договор 1977 г. о Панамском канале с его 14 военными американскими базами и немалыми доходами. К 1977 г. США учли, что канал потерял военное значение, так как не мог пропускать большие торпедо- и авианосцы, но прежде всего потому, что беспардонное хозяйничанье США на канале вызвало волну протестов местного населения. Американские монополии стремились улучшить климат для своих инвестиций в Карибском бассейне, именно поэтому Вашингтон и пошел на подписание договора 1977 г. о возвращении канала Панамской республике — не случайно 220 корпораций, заинтересованных в Латинской Америке, одобрили этот договор ⁵³.

Цель «сделать мир безопасным для эксплуатации» требует не только грубой силы, но и апологетического приукрашивания, писали прогрессисты. Этому служила реклама помощи США развивающимся странам. На деле американская помощь неизменно направлялась реакционным силам в интересах «сохранения власти и влияния американской военщины и американского бизнеса» ⁵⁴. Неофашистские режимы нужны США потому, что позволяют бизнесу «вкладывать капиталы, продавать, вывозить прибыли», обеспечивать «два важнейших условия — благоприятный климат для инвестиций и специфическую форму стабильности». Той же цели, по мнению Н. Чомски, служит Тройственная комиссия — инструмент «коллективного колониализма» ⁵⁵.

Тот факт, что политика «империи» ведется в интересах монополий, подтверждается, указывали прогрессисты, несогласием с ней большинства американского народа. Об этом несогласии свидетельствовал глубокий внутренний кризис, вызванный агрессией во Вьетнаме. «В начале 70-х годов система, казалось, вышла из-под контроля,— писал Г. Зинн,—она не могла обеспечивать лояльность граждан». Материалы многочисленных опросов показали, что 40% специалистов и 66% «синих воротничков» недо-

вольны правительством и выступают против посылки американских войск в иностранные государства⁵⁶.

В целом работы прогрессистов дали обширный фактический материал. Убедительную критику они противопоставили мифам официальной пропаганды о «защите демократии», «содействии развитию отсталых стран» как главной цели США в Азии, Африке и Латинской Америке. В этих работах подчеркивалось, что при всей решающей роли интересов корпораций освободительные движения в конечном счете неодолимы. Конечно, иногда они терпят временные поражения, как, например, в Чили, а поддерживающая их оппозиция в США бывает вынуждена отступить. Правящим кругам США удалось провести успешную «идеологическую реконструкцию» после Вьетнама — в результате мощного давления пропагандистского аппарата, а также готовности интеллектуалов служить «привилегированным и власть имущим»⁵⁷. Однако прогрессисты предсказывали неизбежное возрождение протестов и оппозиции.

Точно так же общим убеждением прогрессистов был вывод, что в конечном счете освободительные движения восторжествуют. Тезис о невозможности навязать западную демократию извне, о непобедимости народных революций с точки зрения большой исторической перспективы, о «непонимании будущего» теми кругами США, которые вновь обращаются к оружию интервенций, развивали в своих книгах Т. Джервази, Г. Зинн, У. Уильямс и др. Вьетнам показал, писал Т. Джервази, что «социальные изменения не могут быть остановлены силой, что успех не может гарантироваться политикой навязывания нашей воли другому государству, что военная мощь не является более решающим средством внешней политики»⁵⁸. Америка много раз присваивала себе роль «благородного полицейского», призванного навести порядок во всем мире, и каждый раз терпела поражение, констатировал У. Уильямс⁵⁹.

Какую же позитивную альтернативу империалистическому курсу США предлагали в связи с этим историки-прогрессисты для американской политики в развивающихся странах? Альтернатива эта была туманна и формулировалась по-разному, но в целом рекомендовалась ставка на национализм и нейтрализм, что, по мнению прогрессистов, должно решить задачу ограничения растущего советского влияния, прервать тенденцию освободившихся стран ориентироваться на социализм. Здесь сказались одновременно и несогласие с империалистическим вмешательством, с методом интервенций, и уступка антисоветизму, неприятие социализма, националистическая позиция, характерные для мелкобуржуазных радикалов.

Политика «империй», которая стала «образом жизни» США, «опиумом для американского народа», «капитуляцией перед доктринами», писал Уильямс, связана с непониманием американской властвующей элитой подлинных проблем освободившихся стран, пробудившихся здесь глубоких экономических и соци-

альных сил, с неспособностью осознать эту проблему в глобальном масштабе. Отсюда — приписывание всех вспышек освободительной борьбы влиянию СССР, неизменное применение инструментов силы. Между тем эффективным курсом был бы совершенно иной: поддержка реформаторов, учет религиозных, исторических, национальных традиций, влияния национализма (например, в Иране). Именно «моральная стратегия», по мнению прогрессистов, могла бы «противостоять советскому влиянию в третьем мире». Америка должна выступать за *самоопределение*, писал Уильямс, называя при этом «героями самоопределения» — в одном ряду — С. Альеде, Ф. Кастро, М. Ганди, Мао Цзедуна, Сунь Ятсена⁶⁰.

Близкую к этому линию намечал и Т. Джервази. США игнорировали тот факт, писал он, что и в Анголе, и в Афганистане речь шла о внутренней революции, а не о «подстрекательстве» со стороны Советов. К несчастью, мы склонны рассматривать большинство революций как угрозу. Однако не надо бояться социализма, к которому прибегают освободившиеся страны: этот строй может и не удержаться (автор ссылается на приход к власти националистических сил в Египте, Судане, Сомали и др.). США могли бы постараться привлечь на свою сторону революционных руководителей Кубы, Сальвадора и других государств, восстановив торговлю с ними, прекратив поддержку Дуарте и других диктаторов. Дело не в «советской угрозе», Вашингтон сам восстанавливает против себя народы, бросая их в объятия СССР⁶¹.

Большим скептицизмом отличалась перспектива, намечаемая Н. Чомски. Главным условием перестройки политики США могли бы явиться глубокие внутренние изменения, справедливо отмечал он. Но в ближайшее время ожидать таких изменений не приходится. Можно, однако, развертывать демократическую оппозицию войнам и интервенциям, затрудняя их проведение, содействуя тем самым ослаблению американского контроля над отдельными странами или даже их освобождению, когда вспыхивают революции и свержаются «неофашистские элементы» в самих этих странах, как это случилось во Вьетнаме⁶², а затем в Иране, Никарагуа.

Обратив главное внимание на неокOLONиальный аспект внешней политики США 70-х годов, литература мелкобуржуазного радикализма выступала под явным влиянием поражения во Вьетнаме, участия ряда авторов в массовых движениях 60-х годов. Однако определенное внимание было обращено и на вышедшую в 70-е годы на передний план проблему «Запад — Восток», т. е. отношения США и Западной Европы с социалистическими странами и особенно на связанные с этим вопросы гонки вооружений.

**СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ.
ПРОБЛЕМА РАЗОРУЖЕНИЯ**

Взгляды послевоенного прогрессизма на проблему «Запад — Восток» начали интенсивно формироваться в 50—60-е годы. Еще тогда так называемая школа ревизионизма (Г. Алпровиц, Р. Стил, Г. Колко и др.⁶³) пересмотрела официальную концепцию США о происхождении «холодной войны», выдвинув тезис о виновности США, об интересах капитала как главном факторе политики антикоммунизма, а также о бессмысленности страха перед «советской угрозой», которым оперировала американская официальная пропаганда, оправдывая эту политику, и который в конце концов вылился в такое уродливое явление, как маккартизм. В 70-е годы прогрессисты продолжили «ревизионистскую» линию. В новых исследованиях⁶⁴ инициатива США в развязывании международных конфликтов раскрывалась при изложении таких событий, как первое применение атомной бомбы, план Маршалла, создание НАТО, карибский кризис и др.

В своих книгах 1976 и 1980 гг. У. Уильямс повторил и развил оценки, данные им в предшествующих работах («Трагедия американской дипломатии» (рус. пер.: М., 1960), «United States, Cuba and Castro» (N. Y., 1962), «Some Presidents: From Wilson to Nixon» (N. Y., 1972)). Он показал, что выдвинутые правящими кругами США при вступлении во вторую мировую войну лозунги о «спасении цивилизации и свободы» были фальшью и лицемерием. На деле, говорит автор, речь шла о рынках и сырье, о контроле над морями, прекращении германского экономического проникновения в Латинскую Америку, японского контроля над богатыми ресурсами Юго-Восточной Азии, установлении «открытых дверей» в колониальных империях Англии и Франции. После войны США продолжали в принципе тот же курс укрепления и распространения американского капитализма, а поскольку этому курсу мешали социалистические страны и освободительные движения, то новый «крестовый поход» развешивался в основном под лозунгами антикоммунизма. Выступая как «благородный рыцарь рынка» и «христианский цивилизованный полицейский мира», Вашингтон называл «свободными» лишь те государства, которые принимали «американскую систему бизнеса и индивидуализма». Доктрина Дж. Кеннана о «сдерживании коммунизма» появилась во имя «спасения цивилизации и частного рынка», она означала непризнание права СССР и стран Восточной Европы на безопасность и самоопределение, но это не смутило Г. Трумэна и Д. Ачесона, толковавших о «национальной безопасности». Строго секретный документ № 68, подготовленный Национальным советом безопасности в 1949—1950 гг., прямо ставил целью способствовать «фундаментальному изменению характера советской системы» — что-либо меньшее «подорвет нашу веру в себя и наш образ жизни», будет означать

едва ли не апокалипсис и, уж конечно, пронизировал автор, «ни член Ivy League, ни торговец из Миссури не пережили бы такой травмы»⁶⁵.

Уильямс резко критиковал администрацию Ф. Рузвельта за оттягивание открытия второго фронта, поддержку антисоветских сил в Италии в 1943—1945 гг., отказ от выдвижения кандидатуры Г. Уоллеса в вице-президенты. При Г. Трумэне, объявившем Уоллеса «опасным радикалом», хотя тот призывал лишь отказаться от политики силы и запугивания, внешнеполитический курс США еще более определялся союзом правительства с «экономическими гигантами» страны. Г. Люс, провозгласивший «американский век», был представителем интересов корпораций; Дж. Кеннан, что бы он ни говорил позже о том, как его не поняли, в то время поддержал антисоветский курс Ачесона не случайно — он принадлежал к той же элите. Естественно, пишет Уильямс, что русские реагировали на все это как на серьезную опасность.

Сославшись на миролюбивые предложения СССР в 50-е годы, У. Уильямс подчеркивал отказ США откликнуться на них, описал подрывные действия Америки в странах Восточной Европы, психологическую войну и гонку вооружений, начатую Вашингтоном. Правительство Г. Трумэна спровоцировало войну в Корее, доказывал он, и эта война помогла поддержать шовинизм, «имперский» курс. Однако в отношении Д. Эйзенхауэра Уильямс делает исключение, утверждая, что, быстро закончив корейскую авантюру, президент не допустил перерастания ее в третью мировую войну. Затем он сосредоточил внимание на внутренних проблемах, стремясь контролировать военных и уменьшить напряженность в отношениях с СССР. Это был, по мнению автора, «гораздо более проницательный и осмотрительный лидер, чем думали многие в то время и позже», он лишь недостаточно твердо проводил свой курс. Дж. Кеннеди, по мнению Уильямса, «вернул страну к имперскому курсу»⁶⁶. Его положительные начинания вроде Союза ради прогресса и Корпуса мира перечеркивались такими вопиющими акциями, как план убийства Кастро, отправка во Вьетнам 20 тыс. солдат, чтобы остановить революцию. Критически, хотя и с нотами сочувственного сожаления, оценивает автор и президентство Л. Джонсона.

Разоблачение прогрессистами курса США в первые послевоенные десятилетия, продолжая линию «ревизионистов», все же в целом носило менее боевой, наступательный и сенсационный характер, чем в 60-е годы. Появились не только положительные оценки Д. Эйзенхауэра, Г. Гувера и других деятелей, политика которых имела оттенок изоляционизма, но и исследования авторов, обычно причисляемых к прогрессистам и во многих отношениях соответствовавших этой репутации, где происхождение «холодной войны» трактовалось в духе более близком к либералам: виноваты обе стороны, господствовало взаимное непонимание и т. п. Такой характер носили книги Р. Барнета «Гиганты:

Россия и Америка» (Нью-Йорк, 1977), Д. Ергина «Поколебленный мир: происхождение холодной войны и государства национальной безопасности» (Бостон, 1979). Впрочем, обоих этих авторов нередко (и справедливо) относят либо к «мягким ревизионистам», либо к левому крылу либералов.

Тем не менее освещение в прогрессистской литературе советско-американских отношений 70-х годов в основном продолжало неортодоксальную, критическую линию, противостоящую апологетическим оценкам консерваторов и либералов.

Отвергая трактовку разрядки как проявления постоянного миролюбия США или — в менее пропагандистском плане — стремления к стабильности и мировому порядку, эта литература указывала на гегемонистские цели США. Так, оценивая переговоры Р. Никсона в Москве, У. Уильямс писал: президент «видит свою цель в перестройке мира для нового рах Americana», который позволил бы США играть ту же роль, какую в XIX в. играла Англия. Сближение с КНР было бы хорошим шагом, замечает автор, если бы Вашингтон не пытался использовать его для дестабилизации СССР. Никсон забывает и о внутренних делах. В итоге он достигнет лишь обратного — усиления и китайцев, и русских — вот результат деятельности человека, годами предостерегавшего от коммунистической опасности! Вспоминая высказывания Р. Никсона о том, что он мечтает преподавать, писать книги где-нибудь в Оксфорде, автор советует: «Отправляйтесь домой и исследуйте обширные внутренние проблемы... Оксфорд — это, пожалуй, слишком, а в целом была бы только польза для всех, если бы Никсон сделал обратное тому, что сделал Вильсон: из политика стал бы научным работником»⁶⁷.

Уильямс подчеркивал противоречивость курса «не конфронтация, но переговоры». Говоря о необходимости стабилизации отношений с СССР, США в то же время вели войну против Вьетнама и поддерживали у границ СССР один из самых террористических режимов — шахский в Иране, навязав ему оружие (во имя интересов Боинга) и выкачивая нефть (во имя интересов нефтяных компаний). Вынужденные признать недостижимость цели, поставленной в документе № 68 (свержение советского строя), они ухватились за идею Г. Киссинджера о «новом мировом порядке» и «равновесии». На деле это означало не что иное, как претензию на контроль над всем несоциалистическим миром. Политика разрядки рассматривалась в Вашингтоне как шаг именно к этой цели. Р. Никсон и Г. Киссинджер «определили стабильность как такое положение, когда Соединенные Штаты решают, что допустимо и что недопустимо во всем мире за пределами советской сферы»⁶⁸.

В момент, когда американский истеблишмент мобилизовал силы для поворота от разрядки, У. Уильямс выступал с отповедью клеветникам, сближавшим социализм и фашизм под единым наименованием «тоталитаризма», и положительно оценивал преобразования, проведенные в СССР⁶⁹.

Прогрессисты немало сделали для разоблачения подлинных целей картеровской кампании о «правах человека», подхваченной затем администрацией Р. Рейгана. Т. Дай со ссылкой на документы отметил, что еще в 1975—1976 гг. Совет по международным отношениям под председательством Д. Рокфеллера разработал проект политики на 80-е годы, в котором предусматривалась «международная кампания в защиту прав человека»⁷⁰. Г. Зинн справедливо увязал эту кампанию со срочной необходимостью (после Уотергейта и вьетнамской войны) для американской элиты «с ее аморальностью и правительственной ложью» ликвидировать возникший в стране кризис доверия, восстановить престиж правительства США как внутри страны, так и на международной арене. Эта кампания стоит, писал Г. Зинн, в одном ряду с трактовкой Уотергейта как дела чисто персонального, якобы не отражающего состояния институтов США; с расследованием деятельности ФБР и ЦРУ, закончившимся показной реконструкцией этих учреждений; с пышным празднованием 200-летия страны в 1976 г., призванным «восстановить патриотизм» и заглушить настроения протеста; с созданием «популистского» образа Дж. Картера (будучи «миллионером, владевшим плантациями арахиса, он изображал себя рядовым американским фермером»); назначив на правительственные должности негритянку Патрицию Хэррис и негра Эндрю Янга, он в то же время заполнил главные посты людьми, связанными с крупными корпорациями⁷¹. Эти же цели кампании вскрывал Н. Чомски, который указал также на использование ее в качестве прикрытия для борьбы с национально-освободительными движениями⁷².

Обширный и убедительный материал приводился прогрессистами в доказательство нарушения «прав человека» самой Америкой. В отличие от других направлений американской историографии прогрессизм разоблачал поддержку Вашингтоном кровавых диктатур в Чили, Иране и других странах. В привычной для них полемике с либералами прогрессисты подчеркивали, что и такая «респектабельная» организация, как Тройственная комиссия, создана для борьбы с освободительным движением и тем самым для вмешательства в дела других народов.

Подробный критический разбор тезиса С. Хантингтона об «излишке демократии» (в упомянутом выше докладе, подготовленном для Тройственной комиссии) дал Н. Чомски, который в книге «Права человека и американская внешняя политика» привел много фактов террористической политики США на всех континентах, охарактеризовав эту политику как неофашизм, и отметил многочисленные нарушения прав человека в самой Америке — убийство Фреда Хэмптона, лидера «Черных пантер» в декабре 1969 г., суд над «Уилмингтонской десяткой» и др. Такие права, как получение приличной работы, жилища, медицинской помощи, «никогда даже не упоминаются в Новой Морали». Крестовый поход за «права человека» направлен совсем на другие цели — «восстановить пассивность и послушание народа...

в интересах тех сил, которые господствуют в государственном аппарате»⁷³.

Особое внимание обращалось на систематическое «промыывание мозгов» в духе антикоммунизма, на специфическую направленность вашингтонского похода за «права человека» — только в район к востоку от Эльбы. «Те самые люди, которые изобрели тигровые клетки, провинциальные центры допросов... отряды смерти и военные хунты... теперь глубоко озабочены правами человека — но исключительно в коммунистическом мире», — иронизировал Чомски⁷⁴. Этот автор вновь обрушивался на либералов и специальные институты, замалчивающие беззаконие в США, жестокость их политики в «третьем мире». «Какой-нибудь А. Шлезингер», — пишет он, утверждает, возможно даже без иронии, что теперь «права человека» заменяют принципы самоопределения как ведущей идеи в американской внешней политике. Но конкретные дела США во Вьетнаме, Чили, Гватемале на чисто опровергают подобные утверждения; либералы, пишет Чомски, помогают истеблишменту установить контроль над мыслями и делают это не силой, но «плотностью своего давления», а также незаметным преследованием радикально мыслящих ученых, которых неизменно трактуют как «нереспектабельных памфлетистов», «предвзятых догматиков», «еретиков», навязывающих не прагматический, свойственный американцам, а «идеологический» подход⁷⁵.

Школы и университеты воспитывают молодое поколение в духе конформизма и антикоммунизма. По отношению к последнему, подчеркивает Чомски, существует единство либералов и консерваторов; либерал признает упущения, консерватор их отрицает, но и тот и другой выставляют на первый план «жестокости коммунистов», признавая за США лишь «отклонения»⁷⁶. Автор язвительно критикует такой орган левого крыла либералов, как журнал «Нью рипаблик», который, призывая в свое время «бороться с жестокостью гуннов», на деле «втягивал нацию в первую мировую войну», затем поддержал «холодную войну», создавал атмосферу эйфории вокруг Дж. Кеннеди, несмотря на его политику «милитаризации, подрывные действия в мире и балансирование на грани войны», критиковал Д. Эйзенхауэра за недостаточную воинственность, а Дж. Картера — за колебания перед лицом «советской угрозы»⁷⁷.

Р. Барнет, например, признавая неуместной и неэффективной позицию Вашингтона в отношении польских событий 1981—1982 гг., указывал, что за этим стоял расчет использовать польские события как предлог для санкций против СССР, попытаться одержать «дешевую победу в холодной войне». Однако, отмечает он, расчет этот не оправдался (провал зернового эмбарго, контраст между «защитой прав» польских рабочих и нарушением профсоюзных прав в США и т. п.)⁷⁸.

При всей справедливости критического анализа прогрессистов в отношении картеровской кампании о «правах человека»

следует отметить, что и на них самих антисоветская пропаганда оказала немалое влияние. Призывая «на себя оборотиться», не сосредоточивать внимание на вопросах советской внутренней политики, они все же считали нужным выразить в адрес последней свое «осуждение».

Прогрессистская литература посвятила немало критических страниц милитаризации США. Проследив факты военных интервенций США от колониального периода до 1941 г. и сопроводив свою книгу специальным приложением с перечнем американских военных авантур, У. Уильямс подчеркивал их тяжелые внутренние последствия — негативное воздействие на идеологию, финансы, здравоохранение, образование и т. п.⁸⁰ Тот факт, что в результате милитаризации не остается средств на борьбу с загрязнением окружающей среды, подчеркивал Т. Хейден. Американское общество ежегодно выбрасывает в мусорные мусорники 11 млн. т железа и стали, 38 млрд. бутылок и банок, 17 млрд. консервных банок, 7,6 млн. телевизоров, 7 млн. автомобилей. «Рак и отравление среды,— писал он,— распространяются как эпидемия»⁸¹.

Журнал «Прогрессив» в статьях своего издателя С. Ленса, а также Р. Барнета и в рецензиях на книги прогрессивных авторов предупреждал об опасности распространения ядерного оружия, развивая идею о том, что рано или поздно «пушки сами начинают стрелять», что в мире, переполненном ядерным оружием, не будет безопасности ни для кого. Подчеркивалось, что запугивание «русской опасностью» имеет единственную цель — увеличить ассигнования Пентагону. Политика Рейгана оценивалась однозначно — как фактический отказ от переговоров. На страницах журнала сочувственно и на большом фактическом материале рассказывалось об антиядерном движении в США⁸².

Речь теперь идет уже не о защите капитализма или социализма, а о существовании человечества, подчеркивал С. Ленс. Вот почему абсолютно необходима политика глобального партнерства и переговоров. Пол Уорнке, адмирал Ларок, генерал Горвиц, Герберт Сковил, Герберт Йорк, Адриан Фишер идут по правильному пути, писал этот автор, но то ограничение вооружений, которого они добиваются, недостаточно. Необходимо идти дальше — к всеобщему разоружению, подписанию широкого пакта о разоружении. Главное препятствие к этому, указывал С. Ленс, — «властвующая элита», включающая высшую бюрократию, военно-промышленный комплекс, ученых (в том числе и либералов типа А. Шлезингера) — все эти «милитаристски мыслящие силы» со всеми их взаимными связями. Не «советская угроза», не стратегическая необходимость, а узкокорыстные интересы корпораций — вот что в конечном счете определяет позицию правящей элиты. Автор сочувственно цитировал в этой связи Р. Миллса, Р. Нэйдера, Р. Барнета. Оборона, писал он, необходима не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага — «нашего собственного руководства», оторвавшие-

гося от реальности. Необходимо восстановить право народа решать вопрос о вступлении в войну, ограничить ЦРУ и монархические права президента, покончить с антикоммунистическими страхами и в целом решительно порвать с прошлым⁸³.

Теми же идеями проникнут насыщенный фактами двухтомный труд Т. Джервази «Арсенал демократии» (т. I — 1978 г., т. II — 1981 г.). Подробно описав военные расходы в США и в капиталистическом мире в целом (каждую минуту — 1 млн. долл.), размещение ядерного оружия во все новых странах, военную программу США на следующее десятилетие (с детальными цифрами и данными по новейшим видам оружия, военным заводам и реакторам, занятости ученых военными заказами: четверть всех ученых мира, а из физиков — половина работает исключительно по военным проектам), проанализировав американский военный бюджет, программу военной помощи, систему баз, торговлю оружием, Джервази приходит к выводу, что за 1978—1981 гг. опасность в огромной степени возросла. Курс на рост вооружений, делает вывод автор, приносит прибыли только военным промышленникам и проводится по требованию военного истеблишмента. Он не нужен для безопасности США, которые всегда лидировали в военной мощи, он ведет лишь к милитаризации страны и приближает новую «холодную войну»⁸⁴.

Подвергалась критике и военная политика отдельных президентов — Дж. Картера, Р. Рейгана. Джервази убедительно показал, что никакой «советской угрозы» не было, когда возник конфликт между Сомали и Эфиопией. Он был вызван не «советским вмешательством», а американскими поставками оружия и стремлением получить военную базу в районе Африканского Рога. Выдумкой является и утверждение о том, будто бы цель введения в Афганистан советских войск в декабре 1979 г. — захват нефтяных полей, прилегающих к Персидскому заливу. «Если Советский Союз угрожает этим нефтяным полям, то угроза не нова и идет не из Афганистана. Взгляните на карту, — приглашает автор, — от афганской границы до Абадана — 300 миль, для сухопутных войск — 1100 миль, притом через горы Загрос, а от Нахачевани — 600 миль, для сухопутных войск — 840; таким образом, „угроза“ могла бы осуществиться давным-давно, четверть столетия назад!»

Автор подчеркивает, что Афганистан — ключевая позиция на южной границе СССР и естественно, что Москва заинтересована в существовании здесь дружественного режима. С другой стороны, США, расположенные за тысячи миль от Афганистана, с 1973 г. поддерживали Мухаммеда Дауда, подталкивая его к антисоветскому курсу, а с началом апрельской революции 1978 г. и задолго до вступления советских войск ЦРУ с санкции Картера непрерывно снабжало оружием афганские контрреволюционные силы, что публично засвидетельствовано в выступлении председателя одного из сенатских специальных комитетов (Select Committee on Intelligence) Бэрча Бая, в прямых заяв-

лениях американского правительства и подтверждается новым уставом ЦРУ, фактически отменившим запретительную поправку Хьюза — Райана. «Какова бы ни была степень нашего вовлечения, должно быть ясно, что советские силы находятся в Афганистане не для подготовки удара, нацеленного на Персидский залив, а для поддержания безопасности на советской границе»⁸⁵.

Высмеивая кампанию о «советских войсках на Кубе», Т. Джервази указывал, что здесь вновь речь идет о давным-давно известных фактах и что кампания поднята с одной целью — отсрочить ратификацию ОСВ-2. Действительную угрозу, прежде всего для Кубы, представляют США с их военной базой в Гуантанамо и военными маневрами у берегов Кубы. «Небольшой эпизод с заложниками в Тегеране» был раздут оборонным сообществом США в тех же целях создания предлога для вмешательства и дополнительных военных ассигнований. Брюссельские решения НАТО о размещении в Западной Европе американских ядерных ракет первого удара, навязанные блоку Вашингтоном в декабре 1979 г., нацелены на создание военного перевеса сил НАТО над силами Варшавского союза и приняты до вступления советских войск в Афганистан, подчеркивает автор. Таким образом, ни в малейшей мере не оправдано «моральное негодование», подогревавшееся в связи с афганскими событиями, а также те меры, которые США приняли против Советского Союза. — эмбарго на поставку СССР зерна, военная регистрация 4 млн. молодых американцев, бойкот Олимпийских игр в Москве, создание «сил быстрого развертывания» (которое на деле было предусмотрено президентской директивой еще в августе 1977 г.).

Книга Джервази показала, что сдвиг к военным приоритетам произошел уже в период администрации Картера, причем связан он был с появлением «контрсилового» оружия и возрождением стратегии первого удара в военных кругах США⁸⁶, оказавших серьезное давление на правительство.

Говоря о внешней политике Рейгана, Джервази отметил, что дан новый толчок гонке вооружений. За истекшие 10 лет США истратили на военные цели, пишет он, 1 трлн. долл., еще 1 трлн. планируется истратить в следующие 4 года, и еще 1 трлн. — в дальнейшие 3 года. Автор приходит к выводу, что в таких условиях надежды на «рейганомику» потерпят крах. Он подчеркивает неэффективность главной идеи «рейганомики» — стимулирование инвестиций путем уменьшения налогов: корпорации не пожелают делать новые капиталовложения, так как всегда предпочитают увеличивать прибыли за счет предприятий старых, а главное, им производить танки выгоднее, чем тракторы.

Аналогичным образом оценивает военную политику Рейгана Ричард Барнет. В статье под выразительным названием «Танцуй в темноте. Рейгановский тустеп „Национальная безопасность“ — больше бомб, меньше переговоров»⁸⁷ он расценивает внешнюю политику США как ведущую к поражениям и изоляции (Никарагуа и Сальвадор, отношение США к которым вызывает воз-

мущение во всем мире, противоречия с европейскими союзниками, неудача игры на советско-китайских противоречиях и т. п.), «нулевое» предложение Рейгана — как отказ от переговоров. Он подчеркивает, что правительство США недооценивает антиядерное движение в Европе и в собственной стране. Автор отстаивает в итоге курс на мирное сосуществование с СССР и внутренние приоритеты в политике.

Однако в вопросах советско-американских отношений позиция прогрессистов не отличалась последовательностью. Они повторяли известный тезис о «двух сверхдержавах», который то и дело возникал на страницах обзореваемой литературы. Так, Т. Джервази сравнивал советскую помощь афганской революции с вторжением США во Вьетнам (направлявшимся, как известно, против революционных сил), Н. Чомски говорил о наращивании вооружений и США, и Советским Союзом якобы по однородным мотивам и т. п.

Двойственная природа мелкобуржуазного радикализма, пожалуй, более всего видна в тех изоляционистских тенденциях, которые проявились в предвоенном прогрессизме и определенные элементы которого сохранились в послевоенный период, особенно в связи с оценкой прогрессистами политики США в Европе.

Сложный и по-разному трактуемый в советской литературе вопрос об американском изоляционизме новейшего времени заслуживает специального рассмотрения. Здесь достаточно отметить, что в изоляционистском течении выявляются различные группировки и направления — как реакционные, так и демократические («честные», «искренние» изоляционисты, по терминологии Н. Н. Иноземцева⁸⁸). Давным-давно сказано и десятки раз повторено, что изоляционизм никогда не означал требования полной изоляции США от мировых дел. Его основным лозунгом был отказ от военных союзов и обязательств (выдвигаемый правыми во имя свободы рук, демократическими изоляционистами — против втягивания страны в чуждые подлинным интересам народа войны), и относилось это прежде всего к Европе.

По мнению многих, изоляционизм умер 7 декабря 1941 г.: после Пёрл-Харбора он якобы исчез навсегда и полностью. Действительно, США воевали в составе антигитлеровской коалиции, а после войны возглавили агрессивные союзы типа НАТО и заключили серию военных соглашений с рядом отдельных стран, взяв на себя те самые «связывающие обязательства», против которых прежде всего выступали старые изоляционисты. Однако прогрессисты, критикуя агрессивные блоки, возродили некоторые изоляционистские взгляды в своих исследованиях. На это указывалось и в американской литературе⁸⁹.

Отрицая клевету о «советской угрозе» в Европе, они ставили под сомнение правомерность существования НАТО, всей американской военной политики на Европейском континенте. Они высмеивали пропаганду об опасности «финляндизации» западноевропейских стран, критиковали объявленный по инициативе

Г. Киссинджера в 1973 г. «год Европы» как попытку восстановить американскую гегемонию в этом регионе, осуждали вмешательство ЦРУ в революционный процесс в Португалии, деятельность Тройственной комиссии — «координационного органа корпораций» (Т. Хейден, Н. Чомски, Г. Зинн). Опровергая утверждение Киссинджера и других правых политологов о необходимости и неизбежности в современных условиях создания мирового правительства, они восхваляли «патриотический национализм», призывая сохранять национальную самобытность каждой страны.

Анализ современных отношений США с Западной Европой приводил прогрессистов к выводу о фактическом ослаблении союза. Необходимо добиваться, считали они, чтобы Западная Европа и Япония взяли на себя «большую долю бремени своей собственной обороны», большую долю ответственности в НАТО. Рост противоречий по обе стороны Атлантики есть следствие попыток Вашингтона навязывать Европе свой курс (Р. Барнет, Н. Чомски, Т. Хейден). Но существуют и объективные причины, которые проявляются прежде всего в успешной конкуренции западноевропейских товаров с американскими товарами. Указывая на вытеснение последних в самой Америке, Т. Хейден писал даже о «постепенной колонизации», о подчинении американской экономики «международным банкирам и миллионерам — иностранным инвесторам». Между тем, замечает он, «ни одна нация не хочет терять своего экономического суверенитета»⁹⁰. Протест против засилья американских ТНК; разногласия в связи с ценами на нефть, помощью израильской агрессии, политикой в Иране; сближение западноевропейских стран с Советским Союзом — все это мало-помалу превращает «единство Запада» в мираж, утверждал Т. Хейден⁹¹.

Найти альтернативу сложившемуся курсу и тем более заставить принять ее нелегко, признавал этот автор. «Возможно, первым шагом станет американский протекционизм или экономический национализм, включающий ограничение иностранных капиталовложений в американскую промышленность, банковское дело и сельское хозяйство», а также применение федеральных субсидий для поднятия американского экспорта. В длительной перспективе, однако, такая стратегия потерпит поражение, поскольку вызовет ответный протекционизм. «Более предпочтительный подход, хотя и далекий от реализации в настоящее время», — демократические и равноправные соглашения правительств — с участием организаций рабочих, потребителей и других слоев населения; об установлении контроля над ТНК, вовлекающими государства в торговые войны; о согласовании стандартов по охране окружающей среды; о справедливом разделении ресурсов и т. п. При такой экономической кооперации останется место для национальной самобытности, для независимости Ирландии, национализма Квебека, культуры басков»⁹². Подлинная политика обороны должна базироваться на передаче главной роли в

Европе самим европейцам, писал Б. Денич, — не нужен американский новый танк, достаточно французских танков, не нужны самолеты F-15, F-16 и F-18, достаточно самолетов непосредственной поддержки (A-10 и т. п.). Помимо этого, говорилось в том же сборнике, следует переходить к протекционизму, какой бы ересью ни казалось подобное предложение сторонникам свободной торговли⁹³.

Все это не слишком далеко от тех идей, которые проповедовали «демократические изоляционисты» в довоенный период. Как и в то время, отмеченные элементы изоляционизма во взглядах прогрессистов на европейскую политику США в целом носили критический, оппозиционный истеблишменту характер.

Подводя итог позиции прогрессистов по вопросам отношений с СССР, проблемам ограничения вооружений и политики в Европе, необходимо отметить свойственные мелкобуржуазному радикализму непоследовательность и противоречивость взглядов. Не усматривая различий между консерваторами и либералами, а зачастую обрушивая огонь своей критики в первую очередь на либералов (в частности, на президентство Дж. Кеннеди), они упрощали оценку внешней политики США, давали некую «выпрямленную схему». Отдавая дань в некоторых своих положениях (правда, занимавших не слишком значительное место в их работах) идеям антисоветизма и антикоммунизма, они подрывали собственную критику целей и методов империализма США. Однако прогрессисты внесли значительный вклад в историографию рассматриваемой проблемы. Своей концепцией американского империализма, разоблачением либеральных аргументов и буржуазной пропаганды они дополнили историографию не только внесением новых фактов, но прежде всего их неортодоксальной интерпретацией, содействуя тем самым лучшему пониманию внешней политики США.

ПРОГРЕССИСТСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Какую же собственную программу противопоставляли прогрессисты империалистическому курсу США? В этом отношении свойственная мелкобуржуазному радикализму пестрота мнений, расплывчатость и мечтательный характер предлагаемых рецептов сказывались особенно сильно. На словах отвергая ярлык изоляционизма, прогрессистская политология и историография последних лет тем не менее в определенной мере возродили основные требования демократического изоляционизма — приоритет внутренних нужд, отказ от военного вмешательства в дела других стран, «политики империи», глобализма. При этом она стала главным пропагандистом все более распространявшейся — в ответ на неудачи политики ГМК и сопровождавшей ее концентрации власти — идеи коммунализма, которая сочеталась с требованием приоритета внутренних проблем.

Р. Барнет объявлял непригодными, во всяком случае недо-

статочными для построения новых международных отношений, такие исходные позиции и оценки, превратившиеся уже в клише, как «взаимозависимость» и «революция возрастающих ожиданий». Необходимо, писал он, заботиться не о мировой экономике, а о решении кризисных вопросов внутри страны. «Национальная безопасность, на которой теперь сосредоточено все и вся, имеет мало смысла, если местная экономика не в состоянии обеспечить занятость». Ключевым моментом, считал автор, является установление контроля над ТНК, которые направляют деньги на международные рынки, тогда как они нужны внутри страны, где существует критическая необходимость развития солнечной энергии, дешевого жилищного строительства и т. п. Лишь на этой основе можно наладить справедливое разделение ресурсов внутри страны и неэгоистическое сотрудничество между народами⁹⁴.

У. Уильямс, объявляя себя противником изоляционизма в смысле безразличия к мировым событиям и проблемам безопасности, одновременно обрушивался на экспансию и жандармские функции в мире, присвоенные себе Америкой⁹⁵. Задачей своей книги «Империя как образ жизни» он объявил попытку заставить американцев понять, что они должны «привести в порядок собственный дом, скорее чем осуществлять полицейский надзор над всем миром и спасти мир». «Прочь от так называемой взаимозависимости, программируемой компьютерами транснациональных корпораций!» — восклицал он⁹⁶.

Для всей прогрессистской литературы характерно, что основной предпосылкой изменения внешней политики США они считали радикальную внутреннюю перестройку. Так, Р. Барнет призывал децентрализовать структуру американского государства, поставить в центр внимания «сообщество» или «общину» в виде отдельных городов, групп городов, штатов, добиваясь их максимальной самообеспеченности и экономического процветания. Следует, по его мнению, базировать финансовую политику на местной налоговой системе, широко привлекать население к самоуправлению, поскольку жители данной местности в отличие от далеких федеральных властей непосредственно заинтересованы в развитии своего региона, в «демократическом планировании и демократическом контроле над капиталом». Нужен новый механизм контроля над ТНК и другими монополиями. «Это может быть достигнуто в рамках демократической политической системы и смешанной экономики, при которой разнообразные формы общественного управления ресурсами сосуществуют с сильным, основанным на конкуренции рынком»⁹⁷.

Планирование экономики, находящееся в частных руках, писал Р. Барнет, не учитывает ни политических приоритетов, ни социальных задач. Необходимо «активное участие населения, привлекаемого прямо и непосредственно». Это — не ностальгия по навсегда ушедшим временам маленьких городов, а политическая необходимость. «Местное планирование есть предваритель-

ное условие дальнейшей разумной интеграции городов, регионов и стран в единую мировую экономику»⁹⁸.

Гигантомания ведет к социальному упадку, провозглашал Р. Барнет. «Самые размеры корпораций и правительственной бюрократии» ослабляют «либеральный капитализм», ведут к внешним и классовым войнам. Ни современная американская структура, идущая от XVIII в., ни старомодные парламентские демократии Европы не способны решить главную задачу — демократическое планирование ресурсов. Ошибаются и те, кто думает, как, например, Хейлбронер или Ратженс, что справиться с глобальными проблемами, избежать ядерной катастрофы и революционных переворотов можно крутыми мерами, покончив с демократией. Единственный путь — прямое участие населения в управлении»⁹⁹.

Близкие к этому идеи, но уже не столько в экономическом плане, сколько в политическом развивали Г. Зинн и У. Уильямс. Нужен не «новый курс» типа Рузвельтовского, но радикальные перемены, писал Г. Зинн: отнять власть у корпораций, военщины, их политических сторонников, создать новое общество, которое не будет знать централизации, бюрократии, насилия¹⁰⁰. У. Уильямс, подчеркивая, что имперские амбиции тесно связаны с нарушением демократии, выдвигал, по словам издателей его книги, «поразительное предложение» — покончить с централизованной системой управления в США, преобразовать страну в ряд автономных самоуправляющихся регионов¹⁰¹.

С 1776 г. в США, писал У. Уильямс, фактически не было структурных, т. е. всеохватывающих, изменений. В силу своего презентизма американцы не хотят заглянуть в будущее и пока не понимают, что «империализм не является более одним из жизнеспособных вариантов». Автор противопоставляет «ориентированные на будущее посткапиталистические революции в Китае, Мексике и России» американскому застывшему строю — «классическому примеру государственного капитализма корпораций»¹⁰², в прошлом применявшему достаточно эффективную тактику сочетания репрессий и поверхностных реформ, но теперь уже не справляющемуся с новыми проблемами.

Генри Киссинджер, пишет он далее, «в одном-отношении заслуживает нашего уважения. Он искренне признается, что стремится сохранить настоящее. Итак, почтим его за его честность и одобрим его способность понять бесполезность его собственного крестового похода. По правде говоря, он должен был бы забыть Меттерниха и написать в качестве домашнего задания сочинение о Джоне Квинси Адамсе и Герберте Гувере» (которые все-таки признавали необходимость перемен)¹⁰³.

«Нам удавалось обмануть время, но это — ненадолго». Америка становится архаичной, и «если наше будущее — высадка варваров на Плимутрок», иронизирует автор, то «я бы сдался без сопротивления. Они сдвинут нас с мертвой точки. Но я не вижу варваров на горизонте — и уж, конечно, не вижу там рус-

ских». Варвары — наши собственные «сторонники настоящего»¹⁰⁴.

В чем же видит Уильямс будущее Америки? Прекратить экспансию, вернуть страну к демократии путем превращения существующей системы в самоуправляющиеся общины. «Цель состоит в том, чтобы создать федерацию демократических, социалистических общин» — так формулирует эту перспективу автор¹⁰⁵. На предшествующих страницах книги он остро критиковал пропагандистские попытки, не прекращавшиеся с 1939 г., объединить фашизм и социализм в единый «тоталитаризм». «Фашизм и социализм фундаментально противоположны», — заключает он. Уильямс призывает учесть теоретические положения К. Маркса и В. И. Ленина, опыт революций в Китае, на Кубе и др. «Тот вид социализма, за который я высказываюсь, основывается на замене существующей империи региональными общинами гуманного характера, управляемыми с помощью демократической процедуры», жизнь этих общин должна планироваться в интересах широких масс, а не элиты. «Я стою не за тотальную национализацию экономики», но за сотрудничество и кооперацию; такая Америка не будет полицейским миром, не будет стремиться к экспансии»¹⁰⁶.

Далеко не все прогрессисты согласились бы со словом «социализм», даже и в интерпретации, близкой к известному в истории муниципальному социализму, не все разделяли и идею коммунализма, децентрализации, многие вообще не разрабатывали планы будущего устройства. Но лишение корпораций их монопольной власти, общественный контроль, резкое ограничение бюрократии были идеями, общими для них всех. В этих лозунгах отражались требования и взгляды мелкобуржуазного радикализма. Столь же типичны были и те методы, которые предлагались для достижения перечисленных целей. Отказ от революционной борьбы, медленность и постепенность преобразований, мирные способы — таков был их общий характер.

Несмотря на то что американцев трудно поднять на какое-либо социальное движение, писал У. Уильямс, можно и следует начать борьбу за автономию в рамках отдельных штатов — сумели же выступить за свою самостоятельность штаты Юга в 1861 г.! Используя избирательную систему, создавая организации для ограничения корпораций и «имперской бюрократии» (например, такие, как по защите окружающей среды, начавшие с малого — с инициативы, выдвинутой кучкой студентов Орегонского университета), следует постепенно переходить к объединению граждан в межгородские и межштатные коалиции. Вполне достижимо, например, считает автор, объединение штатов Вашингтон, Орегон, Айдахо и Монтана в Тихоокеанскую северозападную общину, которой можно было бы дать наименование Ниакании (от названия индейского племени, проживавшего в этом регионе) и в которой общественность «противостояла бы власти корпораций, решала бы проблему приоритета в использовании ресурсов», во-

просы отношений с другими странами. Путь к этим структурным изменениям — не насилие, но убеждение, не убийство президента или подкладывание бомб в общественных местах, а принуждение мирными средствами сопротивляющегося меньшинства¹⁰⁷.

Г. Зинн, говоря о путях и способах преобразований, уповал на массовые движения. Он высоко оценивал подъем 60-х годов и, признавая, что в 70-е годы этот общенациональный подъем пошел на спад, все же подчеркивал, что сотни тысяч людей продолжают бороться в местном масштабе за здравоохранение, экономическую справедливость, за мир и безопасность. Он описывал организации квартиросъемщиков, комитеты борьбы за улучшение коммунальных услуг, группы защиты окружающей среды, продовольственные кооперативы, жилищные кооперативы, коллективы докторов и подобные им объединения; указывал, что продолжается антивоенное движение, борющееся против ядерной смерти, за выживание (в момент написания книги оно еще не достигло масштабов 1981—1982 гг.), что ощущается настроение протеста в национальных меньшинствах (Г. Зинн приводит множество конкретных примеров, имен и дат)¹⁰⁸. Пресса миллионеров игнорирует это движение; элита США вообще создала высокоэффективную систему контроля над умами, манипулирует лозунгами патриотизма, демократии и безопасности, применяет подкуп в виде социальных программ. Однако национальное единство удавалось поддерживать далеко не всегда, и хотя в настоящее время классовое сознание (автор употребляет этот термин) не следует преувеличивать, американский народ обладает громадной потенциальной мощью.

Особенно выделяет Г. Зинн средние классы Америки, под которыми он понимает «умеренно привилегированных» — солдат, полицейских, учителей, администраторов, техников, юристов, докторов, работников связи и т. п. Они, говорит автор, главная опора и охранители существующей системы. «Если они перестанут быть послушными, система падет». В 70-е годы заметно теряют лояльность интеллектуалы, домовладельцы, налогоплательщики, квалифицированные рабочие, люди свободных профессий. В следующем десятилетии возникнет, вероятно, возможность «мобилизовать недовольство среднего класса»: элита уже не сможет отвлечь народ новой войной, так как американская империя подошла к своим границам, исчерпала возможности расширения, как показывают события в Иране, Никарагуа и др. Тогда начнется «новый вид революции», возможный только в США: в сотнях тысяч мест сразу, и внуки или правнуки нынешних борцов увидят «иной, прекрасный мир»¹⁰⁹.

Не столь оптимистично высказывался Н. Чомски, который допускал, что острые проблемы, стоящие перед индустриальными странами, — энергетические, защиты среды обитания, истощения ресурсов, безработицы, «стагфляции» и т. п. — могут решаться и без модификации американских институтов — возмож-

но, на путях усиления централизованного планирования в интересах правящих групп, эволюции к фашизму без его крайних, варварских форм. Однако он допускал и другую перспективу: объединение разрозненных сил протеста в США, их выступление за «подлинно значительные внутренние изменения социального и экономического порядка»¹¹⁰.

Критикуя «власть и богатство банкиров, спекулянтов земель», указывая, что ни в одном из звеньев администрации Р. Рейгана нет представителей от людей с низким и средним доходом, авторы опубликованного в 1982 г. прогрессистского сборника требовали «новых подходов, новых моделей лучшего общества». Либерализм с его государственным вмешательством, централизацией и бюрократией потерпел крах, возврата к нему нет. Но не годится и «рейганизм», усиливающий неравенство и безработицу. Не принимая «социалистического планирования», авторы предлагали постепенно модифицировать формы собственности в США: поощрять одновременно с некоторым ограничением монополий создание предприятий, принадлежащих коллективам рабочих, подчиненным местному планированию. Путь «самопомощи и самолечения», активизация местных общин, ассоциаций квартиросъемщиков, малого бизнеса и других объединений такого рода — вот возрождающаяся, «старая и прекрасная американская традиция», утверждали они¹¹¹.

В целом, несмотря на утопические черты муниципального социализма, всей альтернативы, нарисованной прогрессистами, несмотря на элементы ностальгии по прошлому, которые безусловно присутствовали в их построениях¹¹², прогрессисты продолжали и в 70-е годы вносить свой демократический стимулирующий вклад в американскую историографию. На их теориях сказалось знакомство с работами К. Маркса и В. И. Ленина, с которыми они во многом не соглашались, но влияние которых, несомненно, испытали. Не принимая принципиальных положений марксизма-ленинизма о классовой борьбе, о революционной ситуации, о роли рабочего класса, они оставались на позициях, далеких от научного марксизма. В то же время рациональное зерно содержится не только в критической, негативной части их оценок (при всей присущей им прямолинейности разоблачения роли монополий, империалистического характера внешней политики США, идеологических прикрытий гегемонизма), но и в ряде черт их позитивной программы. Историческое развитие последних лет оправдывает поиски прогрессистов, направленные против монополистической гигантомании, излишней централизации, бюрократического засилья.

Несостоятельность государственно-монополистического регулирования с его централизацией власти выявляется за последние годы настолько заметно, что это позволило правящим кругам таких ведущих стран, как США и Англия, — в лице правительств Р. Рейгана и М. Тэтчер — проводить, в ее реакционном варианте, консервативную идею возврата к частной инициативе (в отличие

от прогрессистов, требовавших перехода к общественной инициативе). Известные социологи и футурологи предсказывают, что дальнейшее развитие США пойдет по пути децентрализации на всех направлениях — в промышленности, где концентрация производства будет заменена работой на дому, причем надомники будут вооружены и связаны между собой электронной техникой; в средствах информации, где каждый сможет заказать с помощью персонального компьютера необходимую ему программу; в быту, где появятся многообразные формы семейной жизни, и т. п.¹³

Если массовые движения, питавшие прогрессизм в 60-е годы, — протест против войны во Вьетнаме, студенческий бунт — к середине 70-х годов исчерпали себя и раздробились на менее значительные потоки — консьюмеризм, защита окружающей среды и т. п., то в политической науке, в историографии прогрессизм как целостное, хотя и пестрое, течение продолжал проявлять себя, подтверждая факт непрерывности и долговременности своего существования. Подтверждалось и то, что книги имеют собственную жизнь: переиздавались прежние и выпускались новые исследования прогрессистов с установившейся репутацией, а также работы молодых авторов того же направления, сохранялись прогрессистские журналы, нередко попадавшие, правда, в тяжелое финансовое положение.

Отражая новый, менее благоприятный для оппозиции общественный климат 80-х гг., прогрессизм не только не занимал прежнего места в исторической литературе, но и обнаруживал большие внутренние расхождения между относительно умеренным крылом и радикалами, склонными к ультралевизне. Шатания, свойственные мелкобуржуазной идеологии, нередко приводят тех или иных американских радикалов к внезапному переходу в лагерь правых. Тем не менее в исследуемый период прогрессизм оставался в основном критическим направлением, оппозиционным правящей элите. Далекое от господствующего положения в американской историографии, это направление все же постоянно бросало вызов как консерваторам, так и (особенно!) либералам. Именно поэтому его идейное влияние значительно превосходило его численность.

¹ Современные внешнеполитические концепции США. М., 1979; *Подлесный П. Т.* Американские концепции развития отношений с СССР. М., 1980; *Шамберг В. М.* Об экономических концепциях республиканской администрации // США: экономика, политика, идеология (далее: США: ЭПИ). 1982. № 5; и др.

² Равнозначное употребление терминов «прогрессисты» и «радикалы», притом в качестве самоназвания, см., например, в прогрессистском сборнике: *What Reagan is Doing to Us*. N. Y., 1982. P. 90, 290, 314 и многие другие.

³ *Аппатов С. И.* Школы и направления в американской буржуазной историографии послевоенных международных отношений и внешней политики США // История и историки. М., 1980; *Дементьев И. П.* Историография США // Историография новой и новейшей истории стран Европы и Аме-

- ряки. М., 1977. С. 485—488; Анат. А. Громыко упоминает У. Э. Уильямса наряду с Р. Миллсом, Д. Флемингом, Ф. Нилом, Г. Алпровидцем, Э. Хорвицем в числе «умеренных буржуазных либералов», «последовательных либералов», за которыми в США «закрепилось наименование «ревизионистов», данное представителями консервативного крыла политиков... одобрявшими официальный курс и отказывавшимися его менять в тех пределах, к которым призывают либералы- „ревизионисты“» (Приход к власти и внешняя политика правительства Кеннеди: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.: ИМЭМО, 1970. С. 20). О школе «ревизионизма» см. также: *Степанова О. Л.* Современная американская историография // *Историография актуальных проблем новейшей истории*/Под ред. Э. А. Кургияна. М., 1974. С. 75—87.
- ⁴ *Егорова Н. И.* Советско-американские отношения послевоенного периода в буржуазной историографии США. М., 1981.
 - ⁵ Там же.
 - ⁶ В исследуемый период он оставался столь же творчески активным, как и прежде: в юбилейном для США 1976 г. появилась его книга «*America Confronts a Revolutionary World, 1776—1976*»; в 1978 г.— «*Americans in a Changing World*», в 1980 г.— «*Empire as a Way of Life*».
 - ⁷ *Williams W. A.* *America Confronts a Revolutionary World, 1776—1976.* N. Y., 1976. P. 10.
 - ⁸ Направленность этих книг ясна из самих их названий и тем: «*La Guardia in Congress*» (1959); «*SNCC: The New Abolitionists*» (1964); «*New Deal Thought*» (1966); «*Vietnam: The Logic of Withdrawal*» (1967); «*Disobedience and Democracy*» (1968); «*Justice in Everyday Life*» (1974).
 - ⁹ *Hayden T.* *American Future: New Visions beyond the Reagan Administration.* N. Y., 1982. P. 6.
 - ¹⁰ Ibid. P. 5.
 - ¹¹ Ibid.
 - ¹² *Hayden T.* Op. cit.; *Kolko G.* *Main Currents in Modern American History.* N. Y., 1976; *Nader R.* *Menace of Atomic Energy.* N. Y., 1977; *Magdoff H.* *Imperialism: from the Colonial Age to the Present.* N. Y., 1978; *Williams W. A.* *America Confronts...*; *Idem.* *Americans in a Changing World.* N. Y., 1978; *Idem.* *Empire as a Way of Life.* N. Y., 1980; *Zinn H. A.* *People's History of the United States.* N. Y., 1980; etc.
 - ¹³ *Burch Ph. H.* *Elites in American History: New Deal to the Carter Administration.* N. Y., 1980. Vol. 1; *Chomsky N.* *Remaking of History* // *Ramparts.* 1985. Aug.—Sept.; *Chomsky N., Herman N.* *Human Rights and American Foreign Policy.* Nottingham, 1978; *Chomsky N.* *After the Cataclysm: Post-war Indochina and the Reconstruction of Imperial Ideology.* Boston, 1979; *Dye T. R.* *Oligarchic Tendencies* // *Journal of Politics* (далее: JP). 1978. N 2; *Gervasi T.* *Arsenal of Democracy.* N. Y. 1981.
 - ¹⁴ *American Historical Review* (далее: AHR). 1983. Vol. 88. N 1. P. 1—11.
 - ¹⁵ *Williams W. A.* *America Confronts...* P. 167.
 - ¹⁶ *Zinn H.* *People's History...* P. 557.
 - ¹⁷ См., напр.: *Chomsky N., Herman R.* *Human Rights...* P. 13—21.
 - ¹⁸ *Barnet R.* *Lean Years: Politics in the Age of Scarcity.* N. Y., 1980.
 - ¹⁹ *Chomsky N., Herman R.* Op. cit. P. 78.
 - ²⁰ *Berkowitz M., Bock P. G., Tucillo J.* *Politics of American Foreign Policy: The Social Context of Decisions.* Englewood Cliffs, 1977.
 - ²¹ См.: *Mills W.* *Power Elite.* N. Y., 1957. В русском переводе — «*Властвующая элита*» (М., 1959).
 - ²² *Berkowitz M.* et al. Op. cit. P. 271.
 - ²³ См.: Ibid.
 - ²⁴ *Chomsky N., Herman R.* *Human Rights...* P. 1—3, 11—12.
 - ²⁵ *Berkowitz M.* et al. Op. cit. P. 288.
 - ²⁶ *Zinn H.* *People's History...* P. 535—536.
 - ²⁷ *Chomsky N., Herman R.* Op. cit. P. 10.
 - ²⁸ Ibid. P. 24—25.
 - ²⁹ *Kolko G.* *Roots of American Foreign Policy.* Boston, 1969.
 - ³⁰ *Burch Ph. H.* *Elites in American History.* Vol. I. *Federalist Years to the*

- Civil War; Vol. II. Civil War to the New Deal; Vol. III. New Deal to the Carter Administration. N. Y.; L., 1980.
- 31 *Barnet R., Miller R. Global Reach: The Power of the Multinational Corporations.* N. Y., 1974; *Barnet R. Op. cit.* Ch. IX.
- 32 *Barnet R., Miller R. Global Reach.* P. 16–17.
- 33 *Zinn H. People's History...* P. 556.
- 34 П. Конкин (АНР. 1981. № 2. P. 544) характеризует работу Ф. Барча как упрощенческую, «семантический и логический кошмар», особенно возмущаясь «наивной мотивацией» о том, что, относя к миру корпораций такие институты, как Фонд Рокфеллера, Совет по международным отношениям, Тройственная комиссия, автор увязывает членство в этих организациях с консервативной позицией в политике.
- 35 *Chomsky N., Herman R. Human Rights...* P. 79–89.
- 36 *Zinn H. A. People's History...* P. 545–549.
- 37 *Dye Th. Who's Running America?: Institutional Leadership in the US* Englewood Cliffs, 1976; *Dye Th., Zeigler H. Irony of Democracy.* 4th ed. Boston, 1978.
- 38 *Political Science Quarterly* (далее: PSQ). 1978. N 2. P. 313.
- 39 *Ibid.* P. 318.
- 40 *Ibid.* P. 310.
- 41 *Russet B., Ninčič M. American Opinion on the Use of Military Force Abroad // PSQ.* 1976. N 3.
- 42 *Williams W. Empire as a Way of Life.* P. X–XI, 209–211.
- 43 *Zinn H. People's History...* P. 529–537, 561–563.
- 44 Для сравнения см.: *Холл Г. Революционное рабочее движение и современный империализм.* М., 1974. С. 100. Автор, в частности, отмечает, что буржуазное государство — орудие правящего класса, но на его решения влияют многочисленные другие факторы и в этом смысле оно «живет в какой-то степени собственной жизнью» (С. 102); «Государство действительно является орудием господствующего класса и в условиях сегодняшнего империализма — орудием монополистических групп. Но только этим вопрос не исчерпывается; помимо того, что государство играет указанную роль, оно имеет и некоторую степень относительной самостоятельности».
- 45 См.: *Zinn H. People's History...*
- 46 *Ibid.* P. 529.
- 47 *Williams W. America Confronts...* P. 178–179.
- 48 *Chomsky N. Remaking of History.* P. 30–31, 35, 49–54.
- 49 *Ibid.* P. 50, 51–52.
- 50 *Chomsky N., Herman R. Political Economy of Human Rights: Washington Connection and Third World Fascism.* Boston, 1979. P. 1, 3–5, 30.
- 51 См.: *Ramparts.* 1975. Aug.—Sept.
- 52 *Gervasi T. Op. cit.* P. 4–6.
- 53 *Zinn H. People's History...* P. 554–556.
- 54 *Ibid.* P. 554–556.
- 55 *Chomsky N., Herman R. Political Economy...* P. 4–8.
- 56 *Zinn H. Op. cit.* P. 529–537.
- 57 *Chomsky N., Herman R. Human Rights...* P. 4–5.
- 58 *Gervasi T. Op. cit.* P. 9.
- 59 *Williams W. Empire as a Way of Life.* P. 165–167.
- 60 *Ibid.*, P. XI, IX, 202–208.
- 61 *Gervasi T. Op. cit.* P. 9.
- 62 *Chomsky N., Herman R. Political Economy...* P. IX.
- 63 Помимо названных выше, в общий список «ревизионистов» и радикалов различными советскими авторами включаются: Р. Барнет, Б. Бернштейн, Р. Гарднер, Дж. Геддис, Г. Зинн, У. Клеменс, У. Лафебер, С. Ленс, Р. Миллс, Дж. Магдоф, М. Паренти, Р. Рэдош, У. Уильямс, Д. Флеминг, Н. Чомски, Э. Хоровиц, М. Харрингтон. См. перечень книг «ревизионистов» в данной главе, а также критику их взглядов с буржуазно-либеральных позиций в работах: *Quester G. H. Origins of the Cold War: Some Clues from Public Opinion // PSQ.* 1978. Winter. N 4. P. 647–663; *Smith G. S. Harry, We Hardly Know You: Revisionism, Politics and Diplo-*

- macy // American Political Science Review (далее: APSR). 1976. N 2. P. 560—578; Maddox R. G. New Left and the Origins of the Cold War. Princeton, 1973.
- ⁶⁴ Atomic Bomb: Critical Issues/Ed. B. Bernstein. Boston, 1976; Bernstein B. Cuban Missile Crisis // PSQ. 1980. Spring. N 4; Drop Shot: the US Plan for War with the Soviet Union in 1957/Ed. A. C. Brown. N. Y., 1976; Presis A. Churchill — Stalin Secret «Percentages» Agreement on the Balkans, 1944 // AHR. 1978. N 2.
- ⁶⁵ Williams W. Empire as a Way of Life. P. IX.
- ⁶⁶ Ibid. P. 196—198, 199.
- ⁶⁷ Williams W. Some Presidents. N. Y., 1972. P. 122.
- ⁶⁸ Williams W. Empire as a Way of Life. P. 202—210.
- ⁶⁹ Williams W. America Confronts... P. 164—166.
- ⁷⁰ Dye T. Oligarchic Tendencies in National Policy-Making // J. P. 1978. N 2. P. 318.
- ⁷¹ С. Вэнс — член совета директоров «Интернэшнл бизнес машинз» и «Пан-Америкен эйруэйз», он связан с «Нью-Йорк таймс», Фондом Рокфеллера и др.; Б. Лэнс — богатый банкир из Джорджии и т. д. См.: Zinn H. People's History... P. 550.
- ⁷² Chomsky H., Herman R. Human Rights... P. 26, 67.
- ⁷³ Ibid. P. 77—79.
- ⁷⁴ Chomsky N., Herman R. Political Economy... P. 32.
- ⁷⁵ Chomsky N., Herman R. Human Rights... P. 10, 24—26.
- ⁷⁶ Chomsky N., Herman R. Political Economy... P. 80—88.
- ⁷⁷ Ibid. P. 20.
- ⁷⁸ Chomsky N., Herman R. Human Rights... P. 8—9; Idem. Political Economy... P. 8, 22, 23, 30, 297, 300.
- ⁷⁹ Progressive. 1982. Apr. P. 28—34.
- ⁸⁰ Williams W. Empire as a Way of Life. P. 165—167.
- ⁸¹ Hayden T. Op. cit. P. 142.
- ⁸² В апрельском, августовском и сентябрьском номерах за 1982 г. журнал поместил статьи С. Ленса о движении за замораживание ядерного оружия, краткое изложение его книг (*Lens S. Doomsday Minus One*. N. Y., 1977; *Idem. Arms Race: a Primer*. N. Y., 1977; рецензии на книги: *McGovern G. Russians Are Coming Again*. Wash., 1977; *Barnet R. Ultimate Terrorism*. N. Y., 1979; См. также статью Р. Барнета «Dancing in the Dark. Reagan's Security two-step: More Bombs, Less Talk».
- ⁸³ *Lens S. Day before Doomsday: An Anatomy of the Nuclear Arms Race*. N. Y., 1977.
- ⁸⁴ *Gervasi T. Arsenal of Democracy II: American Military Power in the 1980's and the Origins of the New Cold War*. N. Y., 1981.
- ⁸⁵ Ibid. P. 7.
- ⁸⁶ Ibid. P. 2.
- ⁸⁷ Progressive. 1982. Apr.
- ⁸⁸ *Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960.
- ⁸⁹ См., напр. *World Politics*, 1979, Oct. Когда США увязли во Вьетнаме, вновь проявились изоляционистские настроения.
- ⁹⁰ *Hayden T. Op. cit.* P. 271.
- ⁹¹ Ibid. P. 270.
- ⁹² Ibid. P. 271—272.
- ⁹³ *What Reagan Is Doing to Us?*/Ed. A. Gartner et al. N. Y., 1982. P. 278—291, 298—304.
- ⁹⁴ *Barnet R. Lean Years*. P. 311—314.
- ⁹⁵ *Williams W. America Confronts a Revolutionary World*. P. 198—200.
- ⁹⁶ *Williams W. Empire as a Way of Life*. P. 11—12, 223—225.
- ⁹⁷ *Barnet R. Lean Years*. P. 312.
- ⁹⁸ Ibid. P. 312—313.
- ⁹⁹ Ibid. P. 312—314.
- ¹⁰⁰ *Zinn H. People's History...* P. 579—580.
- ¹⁰¹ См.: *Williams W. A. America Confronts a Revolutionary World*.

- ¹⁰² Ibid. P. 20—22.
- ¹⁰³ Ibid. P. 180.
- ¹⁰⁴ Ibid. P. 181—182.
- ¹⁰⁵ Ibid. P. 194.
- ¹⁰⁶ Ibid. P. 164—166, 189—190, 198—200.
- ¹⁰⁷ Ibid. P. 192—198.
- ¹⁰⁸ Zinn H. *People's History...* P. 563—569.
- ¹⁰⁹ Ibid. P. 570—582.
- ¹¹⁰ Chomsky N., Herman R. *Human Rights...* P. 90.
- ¹¹¹ What Reagan Is Doing to Us? P. 109—115, 294, 309, 311.
- ¹¹² Особенно заметны они в работах У. Уильямса, который то и дело ссылаясь на «отцов-основателей», утверждая, что вся беда в отходе от провозглашенных ими идеалов.
- ¹¹³ Toffler A. *Third Wave*. N. Y., 1980. В реферативном изложении см.: «США: ЭПИ», 1982. № 7—11. Критически оценивая работу Э. Тоффлера, Э. А. Баталов пишет: «Тоффлером движут в конечном счете прогрессистские побуждения...» (№ 7. С. 87—88). См. также: Хозин Г. Еще один гимн постиндустриализму: Э. Тоффлер и его позиция // *Мировая экономика и международн. отношения*. 1981. № 4.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

В советской литературе вопрос о том, что такое либерализм в американской идеологии, ставился неоднократно. Бегло он затрагивался в ходе конкретных исследований проблем внешнеполитической стратегии и разоружения, буржуазной науки, дипломатии, политики Вашингтона в тех или иных регионах, связи внутренних факторов с внешней политикой США и т. п.

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИБЕРАЛОВ

Более детально изучались отдельные внешнеполитические концепции и доктрины, многие из которых выдвигались либеральными идеологами. Так, оценка доктрин «взаимозависимости», «многополюсного мира», циклического развития международных отношений и ряда других дана в книге-интервью Г. А. Арбатова¹; ряд американских буржуазных школ (идеализма, реализма, модернизма) подвергнуты критике в книге Р. Г. Богданова и А. А. Кокошина². В. Ф. Петровский в специальном труде проанализировал ряд теорий и концепций, подразделив их на два направления — реализм и модернизм, а также посвятил особое исследование доктрине «национальной безопасности»³; А. И. Уткин опубликовал работы о концепции «атлантизма»⁴. Различные советологические концепции рассмотрены в трудах А. Е. Кунинпой, Г. А. Трофименко⁵, а также П. Т. Подлесным⁶ и другими исследователями. Специальные сборники посвящены военно-стратегическим теориям США⁷. В философско-психологическом аспекте вопрос исследовался в сборнике под редакцией Ю. А. Замошкина и Э. Я. Баталова⁸, в работах А. Ю. Мельвиля и др.

Такого рода исследования — значительный вклад в марксистскую историографию внешнеполитической идеологии США. Проанализировав множество теорий, доктрин, пропагандистских лозунгов, советские авторы раскрыли их империалистическую сущность, противопоставили им советскую позицию в тех же вопросах. Однако в большинстве случаев рассматривались отдельные доктрины, без сравнения их друг с другом, без выделения малых и больших, второстепенных и главных, т. е. вне какой-либо иерархической системы, что в целом оставляет впечатление фрагментарности. Отдельные исключения, например упомянутая

выше книга В. Ф. Петровского, работы Г. А. Трофименко, К. С. Гаджиева, отличающиеся широким общим охватом, не изменили преобладающего предпочтения большинства авторов тематическому анализу, что, впрочем, оправданно, поскольку указанные труды не являются специально историографическими.

Собственно же историография в виде общей картины школ и направлений дана в трудах С. И. Аппатова, К. С. Гаджиева, И. П. Дементьева, Н. И. Егоровой. В этих исследованиях либерализму уделяется значительное внимание. Однако следует отметить, что не существует единого понимания вопроса, в частности места либерализма, состава его идей и его представителей.

И. П. Дементьев⁹ выделяет такие общие и долговременные направления, как новый консерватизм (Бурстин, Браун, школа бизнеса после второй мировой войны — Хайек, Невинс), неолиберализм (Р. Хофстедтер, А. Шлезингер), «молодые радикалы» (Дж. Леминг, Г. Колко). Это была первая в советской историографии работа обобщенного и системного характера. Хотя автор не полностью выдерживает принцип выделения направлений по *политическому* критерию¹⁰, в работе дана в целом убедительная картина «расстановки сил» в американской буржуазной историографии и политологии (раскрыто также значение марксистского направления в США).

С. И. Аппатов¹¹ считает основными по сути дела те же направления — консервативное, либеральное и мелкобуржуазный радикализм, но определяет их иначе: буржуазных либералов (например, Г. Моргентау, Дж. Кеннана, А. Шлезингера и др.) он именует «умеренными консерваторами», к числу же мелкобуржуазных радикалов причисляет наряду со школой «ревизионизма» и «новыми левыми» (что закономерно) представителя социал-демократического реформизма М. Харрингтона. Последняя оценка повторена и в книге Б. В. Михайлова, посвященной одному из направлений в идеологии и историографии США — либерализму¹². Б. В. Михайлов, справедливо определив либерализм как «идеологию реформистски настроенных кругов *правящего класса*», затем причисляет к либералам и социалистов, трактуя социал-демократизм как левое крыло либерализма и посвящая ему (в основном взглядам М. Харрингтона) едва ли не половину своей книги. Рассматривая социал-реформизм и неоконсерватизм как два крыла «либерального лагеря», автор признает, однако, что социалист М. Харрингтон критиковал тех, кто «пока не отрицает капитализм как таковой»¹³.

Игнорирование основного различия между реформизмом буржуазным и реформизмом социал-демократическим, состоящего в различии конечных целей (у первых — укрепление капитализма, а у других — его трансформация в «демократический социализм»), приводит к дальнейшему размыванию «левой границы» либерализма, усиливает неясность в понимании его сути и противоречит выводам целого ряда советских ученых¹⁴.

К. С. Гаджиев¹⁵ находит, что главными направлениями аме-

риканской буржуазной идеологии являются либерализм, консерватизм и «твердый индивидуализм». Автор вводит также главу о «новых левых», оговариваясь, что в целом радикальные течения не рассматривает. В дальнейшем изложении, однако, антимонополизм, типичный для радикалов, он приписывает либералам. Делая следующий шаг после своих предшественников, а именно анализируя внутренний состав двух из указываемых им трех направлений, К. С. Гаджиев отмечает, что в конце 60-х и в 70-х годах появился ряд новых подразделений: в консерватизме — либертаризм, новый федерализм, идеология «новых правых», в либерализме — новый реформизм, демократический элитизм, из либерального течения, утверждает автор, вышел и новый консерватизм. Необходимо особо отметить как положительную черту подхода К. С. Гаджиева тот факт, что, выявляя эти оттенки и варианты, он трактует их как подгруппы, подразделения основных течений, т. е. использует системный подход, выстраивая иерархию отношений между исследуемыми элементами. С точки зрения данного исследования следует отметить, что системно написанная (хотя кое в чем и спорная) книга К. С. Гаджиева посвящена по преимуществу проблемам внутреннего развития США, внешнеполитические взгляды американских авторов затрагиваются в ней лишь бегло.

Н. И. Егорова¹⁶ выделяет в «философском плане» идеализм, реализм, модернизм, в «политическом плане» отмечает для 40-х годов официальное направление (Дж. Кеннан), критическое (У. Липпман), «группу либеральных критиков внешней политики Трумэна» (Г. Стимсон, Г. Уоллес и др.), для 50-х годов — официальное или конформистское направление (С. Бемис, Т. Бейли и др.), «правых критиков» (Бэрнхэм, Страус-Хьюпе и др.), «оппозиционных критиков» (Марзани, Уильямс, Ф. Шуман), а для 60-х годов — «радикальных историков, связанных с общественно-политическим движением новых левых» (с. 50), — Г. Колко, Г. Зинн, Дж. Лемиш. Рассмотрев большой объем литературы, сделав ряд интересных наблюдений, автор, к сожалению, не придерживается единых критериев классификации политических позиций, что создает неопределенность в анализе школ и направлений.

В написанной на близкую тему статье¹⁷ М. Я. Пелипась выделяет в американской литературе о создании Североатлантического блока (фактически о происхождении «холодной войны») три направления: консервативное, которое также именуют «официальным» (С. Бемис, Т. Бейли, М. Салвадори); школу «политического реализма», к которой «может быть причислен широкий круг умеренно консервативных и либеральных авторов» (Г. Моргентхау, М. Каплан, Р. Осгуд, Р. Такер, П. Хэммонд, Дж. Макклой, Г. Киссинджер, Дж. Кеннан, Дж. Уорбург, Д. Флеминг); радикальное направление в лице «неоревизионистской» или «висконсинской» школы (У. Уильямс, Г. Алпровид, У. Лафебер) и книг Г. Колко, Б. Бернштейна.

В целом можно констатировать, что при всех крупных заслугах советских историографов, подвергших детальной и убедительной марксистской критике многие теории и концепции американской политологической литературы, либерализм как направление в политической науке и в историографии внешней политики США пока еще не получил общепризнанного и четкого определения. Его место среди других течений, школ, групп, представляющих весьма пеструю картину, недостаточно выяснено, поскольку направления и школы не рассматриваются в единой системе. Границы буржуазного либерализма как слева — с мелкобуржуазным радикализмом (прогрессизмом) и даже с социал-демократизмом, так и справа — с консерватизмом — остаются неясными, размытыми.

Если общие принципы либерализма в области внутренней политики усилиями Н. В. Сивачева и других историков «школы МГУ» разработаны, причем как в «классический» период его развития, так и в новейшее время («неолиберализм»¹⁸), то аналогичные принципы в области внешней политики определены пока лишь в самых общих чертах — как склонность к компромиссу, предпочтение невоенных методов. Более детальный анализ отдельных и специальных доктрин, отмеченный выше, увязывается порой с той или иной школой (например, «реализма»), но редко с более широким социально-политическим направлением.

Конечно, следует учесть осложняющие обстоятельства, прежде всего специфику американской политической жизни, а тем самым и идеологии, не имеющих четкой, жесткой структуры и постоянно приспосабливающихся к меняющейся обстановке. Расколы, отпочкование новых течений, промежуточные позиции, эклектизм взглядов — все эти характерные особенности не раз отмечались в литературе. В отношении исследуемого периода необходимо подчеркнуть значительный сдвиг вправо, особенно отчетливо выразившийся в оформлении и росте течения «нового консерватизма». Многие, кого можно было причислить к либералам, стали «новыми консерваторами», что, конечно, приводит к расхождениям в оценке места ряда историков и политологов, сделанной, скажем, в 60-е годы и затем в 80-е годы¹⁹. Нередко в американской историографии встречаются промежуточные фигуры, стоящие между либерализмом и прогрессизмом, либерализмом и консерватизмом.

Тем не менее представляется насущной и выполнимой задача дальнейшей разработки вопроса об общем политическом содержании понятия «либерализм», в частности применительно к историографии внешней политики США. В данной главе принимается попытка установить параметры этого понятия на материале американской монографической литературы и публицистики 1976—1983 гг. с применением тех же пяти основных характеристик, что и в предшествующей главе: социальный статус либеральных историков и политологов; оценка ими внутренних

факторов внешней политики США; позиция в вопросе отношений с СССР, вооружений и политики в Западной Европе; трактовка отношений с развивающимися странами; предлагаемая альтернатива внешнеполитического курса.

* * *

Социальный статус либеральных авторов и их подход к определению главных внутренних факторов, формирующих внешнюю политику, тесно взаимосвязаны. Однако нахождение этих параметров, и прежде всего выделение авторов-либералов из общей массы исследователей внешней политики США, представляет определенные трудности, поскольку, как указывалось выше, недостаточно разработано в историографическом плане само понятие «либерализм». Ниже в основу составления предварительного списка положены не только субъективные впечатления от изученной литературы, но и метод «экспертных оценок» — отнесение того или иного американского автора к либеральному направлению большинством писавших об этом советских исследователей (с учетом вытекающего из разнообразия классификаций расхождения в терминологии²⁰).

В результате такого отбора можно установить, что к направлению буржуазного либерализма причислялись следующие американские авторы (в приводимом порядке): М. Банди, Д. Белл, З. Бжезинский, Б. Блекмен, Л. Блумфилд, А. Вулф, М. Гальперин, Дж. Геддис, Дж. Гэлбрейт, К. Дойч, Д. Ергин, Дж. Кеннан, Г. Киссинджер, Л. Колдуэл, У. Лафебер, У. Липпман, П. Д. Мойнихен, Г. Моргентау, Ф. Нил, Дж. Най, Р. Осгуд, У. Ростоу, Э. Стивенсон, Р. Стил, Дж. Стейнбрунер, П. Сибэри, К. Томсон, Р. Тагвел, А. Юлэм, Р. Ульман, У. Фулбрайт, Д. Флеминг, С. Хантингтон, С. Хофман, Л. Халле, Р. Хофстедтер, А. Шлезингер, М. Шульман, Ф. Шульман, а также ряд авторов, специализировавшихся в области региональных проблем американской внешней политики (Д. Барнет, Э. Рейшауэр и др.).

Приведенная выборка не является, конечно, ни исчерпывающей, ни окончательной, но она во многих случаях совпадает с оценками в американской литературе, а порой и с авторскими самоназваниями. Так, А. Шлезингер писал в 1980 г., что он — «завзятый либерал, голосовавший так много раз, как только позволяла конституция, за Франклина Рузвельта, ...работавший в штабе двух избирательных кампаний Эдлая Стивенсона, служивший в Белом доме при Джоне Кеннеди и написавший воспоминания о его правлении, бывший другом и биографом Роберта Кеннеди, а сегодня являющийся сторонником Эдварда Кеннеди». Журнал, напечатавший эту статью Шлезингера, также характеризует его как «известного либерала»²¹.

С. Хофман сделал аналогичное заявление: «Я рассматриваю себя как одного из этих старомодных и все более напоминающих динозавра типов — как либерала. Нас, по-видимому, осталось

не много. Я не извиняюсь за это. По правде говоря, я жалею тех, кто не входит в наше число (хотя я понимаю, что они составляют большинство человечества)»²². Дж. Кеннан говорил о себе со столь же характерными оговорками, придававшими понятию «либерал» неопределенность очертаний: «Истеблишмент США всегда считал меня эксцентричным, и я, действительно, — странная смесь реакционера и либерала»²³. Сходным образом рекомендовал себя Д. Белл: «Я — идеалист в экономике, либерал в политике и консерватор в области культуры»²⁴. К. Томпсон характеризует взгляды Дж. Кеннана в период их становления как «неопределенный вильсоновский либерализм»²⁵ и т. д.

Можно принять приведенные выше оговорки, можно оспаривать включение в состав либералов тех или иных лиц, лишь временно и только по некоторым вопросам применявших либеральный подход к внешней политике страны (например, Г. Киссинджер, У. Ростоу). Возможны и другие исключения. Так, для целей данного исследования необходимо исключить из списка авторов, не выступавших с какими-либо публикациями в 1976—1983 гг., а также не имеющих специально исследовательских трудов.

Следует особенно учесть тот факт, что конец 70-х первая половина 80-х годов были периодом правого поворота в правящих группировках США, вызванного кризисом ГМК и поражениями внешней политики Вашингтона. Ответом на последние был инспирированный правыми взрыв шовинизма. Этот поворот увлек за собой значительную часть рядовых граждан, особенно принадлежащих к средним слоям, что достаточно четко проявилось на выборах 1980 и 1984 г. Сдвиг вправо охватил и либералов. Появилась группа «новых консерваторов», перешедших на позиции откровенного антисоветизма, грубого антикоммунизма, и, несмотря на претензию многих из них сохранять наименование либералов — даже «искренних», «подлинных» либералов, воплощающих преемственность либеральной традиции с XVIII в., — на деле они мало чем отличаются от традиционных консерваторов²⁶.

В связи с этим работы таких авторов — либералов или даже радикалов 60-х годов, а ныне «новых консерваторов», как Д. Белл, С. Хантингтон, Р. Осгуд, Р. Такер, Н. Глейзер, У. Ростоу, Д. Мойнихен, Н. Подгорец, Л. Триллинг, Э. Кристол, С. Липсет и ряд других, появившиеся в исследуемый период, должны рассматриваться в рамках консервативного направления. Ниже речь пойдет о традиционных либералах — «рузвельтистах». Это авторы, в основном устоявшие перед напором консервативной волны, захлестнувшей в 80-е годы Америку, продолжающие отстаивать прежние идеи в области внешней политики²⁷.

При всех приведенных выше ограничениях список либералов остается весьма значительным. Его размеры и состав показывают, что речь идет о направлении, длительное время доминировавшем в американской историографии и поныне сохраняющем

значительное влияние. Об этом свидетельствует и полемика о судьбах либерализма, разгоревшаяся на рубеже 70—80-х годов. (Выступая в рядах «новых консерваторов», ряд бывших «леваков» также присоединил свои голоса к этому хору).

По всей стране, писал А. Шлезингер в 1980 г., раздаются возгласы, что либерализм отступает перед консерватизмом на всех фронтах, что он исчерпал себя изжит, наконец, что США стали, наконец, консервативной страной²⁸. Действительно, к началу 1980-х годов появилось большое количество работ, поставивших под вопрос весь неолиберальный курс в США (критика кейнсианства, «устарелых идей» рузвельтовской эры, лозунга «государства благосостояния»²⁹ и т. п.)³⁰. Кризис американской политики приравнивался при этом к кризису либеральных идей и объяснялся несостоятельностью последних. Некоторые авторы шли дальше и объясняли кризис либеральной идеологии, ее «окаменелость» поправлением социальной базы либерализма, делая отсюда вывод, что последний сошел со сцены надолго³¹. Поскольку либералы-политологи и либералы-историки выступали как идеологи «рузвельтизма» и «кеннедизма», эта критика особенно задевала именно их.

Отвечая на пророчества о судьбе либерализма, на уверения, что широкие массы США прочно и надолго повернули к консерватизму, А. Шлезингер напоминал, что опрос общественного мнения, показывающий как будто невыгодное для либералов соотношение сил (либералы — 18%, консерваторы — 36%), по существу повторяет результат аналогичного опроса в разгар «либеральных 60-х» и был еще хуже для либералов накануне третьей победы Ф. Рузвельта на выборах; отсюда ясно, писал Шлезингер, что под словом «либерализм» люди понимают разные вещи ... Между идеологией и голосованием постоянно существует «почти шизондное» расхождение, и эта «шизофрения» не уменьшалась с 1967 г.

Либерализм как признание необходимости и неизбежности государственного регулирования (а это, доказывал А. Шлезингер, главное в американском либерализме) не может сойти со сцены. Его можно временно оттеснить, но некая невидимая, мистическая сила частного предпринимательства и рынка, в которую так верят консерваторы, не может решить основную задачу демократии — обеспечить защиту прав индивидуального человека, который вынужден обращаться к правительству за спасением от «частных баронов», от расизма, загрязнения окружающей среды, истощения ресурсов, наступления на профсоюзы и т. д. Ничего священного в правительстве и государстве нет, но это необходимый инструмент, слишком ценный для того, чтобы капитулировать перед «дешевой демагогической атакой».

Развивая теорию о постоянной смене периодов «консервативной стабильности» и реформ, автор сравнивал эти циклы с биологическим процессом — с систолой и диастолой сердца. Он прослеживал их на истории США XX в. и предсказывал, что в

80-х годах «плотина будет прорвана, как это было в 30-х и 60-х годах» (детонатором, считал автор, будут инфляция и энергетическая проблема), появится жажда реформ, либерализм вновь станет «техническим императивом». Оба цикла, прибавляет Шлезингер, необходимы «для здоровья нации»³². Если отбросить оттенок фатализма и пассивности, свойственный теории циклов, нельзя не признать, что исторические наблюдения А. Шлезингера достаточно достоверны, а его тезис о постоянстве позиций либерализма в американском обществе изложен убедительно. Признавая циклы в экономике, по-видимому, можно признать наличие циклов и в политике капиталистических стран.

Таким образом, рузвельтовский неолиберализм не только живет в условиях «рейганизма», но продолжает энергично защищать свои принципы, хотя и переживает период разброда и расколов. Внутри этого традиционного течения имеются, несомненно, различия, как индивидуальные, так и между подгруппами (умеренные, центр, тяготеющие к прогрессистам). Однако, взятые в целом, как направление, большинство указанных выше исследователей имеют немало общего.

Прежде всего их общая черта — принадлежность к истеблишменту. Она относится как к либералам первых послевоенных десятилетий³³, так и к авторам, выступавшим в исследуемый период. Либеральные авторы — составная часть правящей элиты США не только в силу влияния их идей, но и потому, что они связаны с существующими на деньги монополий центрами, разрабатывающими политический курс для законодательной и исполнительной власти³⁴, а порой и непосредственно участвуют в деятельности государственного внешнеполитического механизма США, сохраняя затем постоянные контакты с государственным департаментом, конгрессом и другими органами в качестве консультантов, членов тех или иных целевых комиссий и т. п. Среди них — ученые, занимавшие видные дипломатические посты, как, например, Дж. Кеннан (в 1920-е годы — вице-консул в Женеве, Гамбурге, Берлине, Таллине, 3-й секретарь дипломатических миссий в прибалтийских государствах, в 30-е — начале 40-х годов — посты в посольствах США в Москве, Вене, Праге, Берлине, Лиссабоне, с конца 40-х — директор отдела планирования госдепартамента, посол США в СССР в 1952 г., посол США в Югославии в 1961—1963 гг., эксперт по СССР). Дипломатические государственные посты занимали в разные периоды своей жизни М. Банди (специальный помощник президента по национальной безопасности в 1961—1966 гг.), Дж. Гэлбрейт (советник по экономическим вопросам в годы второй мировой войны, посол в Индии в 1961—1963 гг.), Г. Моргентау (консультант госдепартамента в 1949—1951 гг., лектор в Оборонном колледже НАТО и высших военных учреждениях США), А. Шлезингер (специальный помощник президента в 1961—1963 гг.), М. Шульман (в американской делегации в ООН (1949—1950 гг.), специальный помощник госсекретаря в 1950—1953 и в 1977—1979 гг.) и др.

Многие из поименованных авторов были председателями Фондов Форда, Рокфеллера и др., состояли или состоят в числе руководителей Брукингского, Гудзоновского и других известных институтов, Института стратегических исследований в Лондоне (Л. Блумфилд, М. Шульман), Совета по международным отношениям исследовательских центров Гарвардского, Принстонского, Стэнфордского и других престижных университетов. Характерный пример: известная книга С. Хофмана «Обязательства за пределами своих границ» (1981) была написана на основе пяти лекций, прочитанных автором в Сиракузском университете в рамках «чтений памяти Фрэнка Эбрахамса», бывш. председателя правления «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и основателя ряда фондов, финансировавших высшее образование, в частности именно Сиракузский университет³⁶. Либералы — члены многих политических и научных ассоциаций, редколлегий влиятельных журналов, они выступают на симпозиумах и других форумах, по радио и телевидению.

Либералы связаны преимущественно с демократической партией и оказывают наибольшее влияние на политику, когда эта партия стоит у власти. Однако в силу специфического характера американских партий, представляющих собой коалицию разнородных сил, либералов нельзя полностью идентифицировать с демократами.

Таким образом, ведущие авторы-либералы играют определенную роль в процессе формирования правительственного курса, связаны с бизнесом (хотя обычно не непосредственно), оказывают большое влияние на общественное мнение страны. Они являются частью правящей элиты, своего рода меритократией. Выражая интересы «верхнего класса», т. е. в конечном счете крупной буржуазии, они не случайно являются убежденными сторонниками капитализма и строя буржуазной демократии, противниками социализма. Либералы не хотят никаких радикальных изменений строя, считая американскую демократию высшим достижением государственной мысли.

В то же время либералы отражают взгляды и интересы не какой-то определенной группировки монополий (например, не связанной с военно-промышленным комплексом), а скорее общие интересы американского капиталистического класса. Важно подчеркнуть, что значительное место среди них занимает интеллигенция. Высшая интеллигенция обычно выступает как инструмент сохранения строя путем его адаптации с помощью реформ к изменениям в мире и в стране. Именно поэтому либералы чувствительны к массовым выступлениям, таким, как студенческое движение 60-х годов, антимилитаристские протесты 80-х годов, национально-освободительные революции, и стремятся ограничить их развитие некоторыми уступками, верхушечными постепенными реформами, проводимыми во имя социальной стабильности. Либералы перехватывают лозунги прогрессистов, в критические моменты выступают за ограничение монополий и стремятся вести за

собой «средние слои», чему примером в политике может служить «прогрессизм» Теодора Рузвельта и В. Вильсона, «новый курс» Ф. Рузвельта, «антитрестовские» мероприятия Дж. Кеннеди. Возможно, эта особенность либеральной позиции вызывает смещение некоторыми авторами либералов и мелкобуржуазных радикалов. Она же придает внешнюю убедительность американским концепциям о либерализме как общенациональном политическом мировоззрении, позиции преобладающей части населения.

В целом принадлежность либеральных идеологов к истеблишменту — постоянная и долговременная черта, многое определяющая в их внешнеполитических воззрениях.

В отличие от прогрессистов либералы, анализируя внешнюю политику, не уделяют первостепенного внимания внутренним факторам и во всяком случае не считают монополии решающей силой в определении внешнеполитического курса. Монополии, по их мнению, играют некоторую роль, но эта роль в основном прогрессивна. Либеральные авторы могут критиковать военно-промышленный комплекс или коррумпированные методы ведения дел компанией «Локхид», но в целом считают корпорации «двигателем прогресса» в экономике и второстепенной силой в политике.

Особенно характерна оценка либералами влияния транснациональных корпораций на внешнюю политику. Так, С. Хофман утверждал, что ТНК руководствуются не только стремлением к прибыли — они учитывают, что грабительские действия могут привести к потере рынков, контрактов, к расшатыванию режимов в странах, где проводятся их операции. Хотя ТНК, утверждает он, и считают своей первейшей обязанностью обеспечивать доходы вкладчиков, со временем их руководители приходят к мысли, что мораль выше прибыли. В освободившихся от старого колониализма странах ТНК могут вкладывать деньги в здравоохранение, просвещение, транспорт и коммуникации, содействовать развитию демократии (что вместе с тем укрепляет американское влияние) — нужен лишь некоторый контроль над ними со стороны правительств развивающихся стран. При всем этом автор рассматривал ТНК лишь как вспомогательную силу внешней политики³⁶.

Отрицание доминирующей роли монополий и «властвующей элиты» прямо вытекает из разделяемой большинством либералов концепции государственного строя США как строя отнюдь не элитарного и олигархического, а, напротив, плюралистического, при котором самые разнообразные партии, группы, организации имеют якобы равные возможности отстаивать свои интересы, в результате чего и складывается «равнодействующая» — правительственный курс³⁷. Старые идеи «бесконфликтного развития», консенсуса, хотя и не проповедовались либералами 70–80-х годов в чистом виде, все же оставались определенным подтекстом их внешнеполитических концепций.

Все это приводило либеральных исследователей к необходимости изучения воздействия на внешнюю политику самых разно-

образных слоев — этнических групп, католиков, военнослужащих, ученых³⁸, а также отдельных личностей.

Однако если выделить главный, по мнению либералов, внутренний фактор, то это — политическая структура страны, ее институты. Личность и власть президента, конгресс, партии и выборы, ЦРУ и Пентагон, механизмы государственного департамента, международные организации — вот те сферы, где главным образом делается политика, считают либералы. Если характерной чертой прогрессизма является антимонополизм, то характерная черта либерализма — институционализм. По сути дела, здесь имеет место продолжение идеи государственного регулирования — центральной идеи «неолиберализма» вообще. Не случайно, что во многих работах рекомендуется распространить регулирование и на международные отношения путем принятия нового законодательства, улучшения деятельности ООН и тому подобных мер³⁹.

В этой связи в либеральной литературе большое внимание уделяется процессу принятия решений, возникла теория бюрократического компромисса, развитая в 70-е годы такими авторами, как У. Шиллинг, Р. Нойштадт, М. Гальперин, Гр. Аллисон, Р. Хилсмен, Э. Дестлер, имевшими собственный опыт работы в аппарате внешнеполитических ведомств. Суть этой теории сводится к следующему: каждое ведомство, участвующее в подготовке и принятии решений, преследует свои частные, узковедомственные интересы, отождествляя их с интересами нации. Таким образом, исходный принцип каждого — «на чем вы стоите зависит от того, где вы сидите», т. е. позиция зависит от занимаемого поста, принадлежности к той или иной организации. Решения принимаются в процессе «делок» между ведомствами, в результате их борьбы и согласования требований. Президент оказывается всегда под разносторонним давлением ведомств и резко ограничен в возможности принять независимое решение. Это теоретическое обобщение бюрократического процесса приобрело значительное распространение в литературе, однако оно подвергалось убедительной критике, выявившей убожество такого подхода⁴⁰.

Широко изучается роль и влияние президентов, государственных секретарей и других представителей верховной власти США, примером чему могут служить известные биографические работы А. Шлезингера о Ф. Рузвельте, Роберте Кеннеди, многочисленные исследования биографии Д. Эйзенхауэра, Джона Кеннеди, Г. Киссинджера и др. Хрестоматийным объектом исследования стала проблема взаимоотношений между конгрессом и президентом.

Рекомендации либералов по исправлению и улучшению внешней политики, как правило, также идут по институциональному пути. Так, Б. Блекмен и Дж. Ноулан советуют в целях достижения результата на переговорах по ограничению вооружений реорганизовать американское Агентство по контролю над вооружениями и разоружению. Они утверждают, что увольнение его главы Ю. Ростоу и трудности администрации Рейгана с назначением

нового директора К. Эдельмана явились показателем дефекта структуры агентства, одновременно подчиняющегося государственному департаменту и имеющего право прямого доклада президенту, причем директор не является членом Национального совета безопасности. Авторы предлагают инкорпорировать агентство в государственный департамент⁴¹.

Аналогичные проекты предлагаются в книгах и статьях о ва-шингтонской бюрократии⁴², контроле над «ядерным субправительством» (Комиссия по атомной энергии, ядерная индустрия)⁴³, ЦРУ⁴⁴, о средствах массовой информации⁴⁵ и др. В этом либеральные авторы, особенно служившие в соответствующих учреждениях, видят главный путь повышения эффективности внешнеполитического курса США.

Официальные государственные институты США, несомненно, играют значительную роль в формировании и проведении внешней политики. Это признается и анализируется советскими исследователями в целом ряде работ, посвященных как отдельным звеньям в системе власти, в частности вопросу о полномочиях конгресса и президента, так и внешнеполитическому механизму в целом⁴⁶. В советской науке давно отвергнут упрощенный подход к американской внешней политике как мероприятиям, принимаемым непосредственно под диктовку монополий, и разработан тезис об относительной независимости буржуазного государства от его классовой базы.

Практикуемый либеральной историографией США отрыв институтов как фактора внешней политики от стоящих за ними «глубинных сил» — монополий (особенно за последнее время военно-промышленного комплекса и ТНК), воздействующих на принятие решений через разнообразные каналы — личные связи, «мозговые центры», благотворительные фонды и т. п., искажает действительность и приводит к растворению подлинно важных и крупных факторов в массе зачастую мелких и второстепенных.

Либеральная историография отодвигает на второй план и такой существенный внутренний фактор внешней политики, как роль народных масс. Их влияние рассматривается в основном лишь в связи с выборами, причем авторы, широко использующие опросы, применяющие количественные методы и другие новые формы научного анализа, нередко интерпретируют полученные данные как доказательство пассивности, невежества и консервативности массового избирателя. Отсюда недалеко и до вывода о неизбежности и необходимости ведущей роли «групп давления», «групп власти» и других элементов либеральной плюралистической модели. Что же касается тех периодов, когда волна народных выступлений поднимается высоко и явно влияет на принятие решений, как это было, например, в 60-е годы в связи с войной во Вьетнаме, то подобные вторжения трактуются как временные отступления от нормы.

Либеральные исследователи довольно единодушно подчеркивали, что отношения с СССР являются для Америки центральными, затрагивают буквально все стороны мирового развития и международной обстановки. Поэтому закономерно, что указанная общая позиция либералов по вопросам советско-американских отношений в изучаемые годы выражена во многих работах как исследовательского, так и публицистического характера.

Можно говорить и о некоем общем подходе либералов к этой проблеме. Он сводился к тому, что, с одной стороны, для них глубоко органично неприятие социализма. С другой стороны, привычные реформизм и склонность к компромиссу подсказывали им отказ от военной конфронтации. В итоге либеральные авторы в течение всего послевоенного периода отстаивали линию, которая характеризовалась сочетанием антикоммунизма (нередко именуемого «морализмом», «идеализмом», «этической политикой» и другими более «привлекательными» терминами) и реализма, центральными идеями которого являются идеи «баланса сил» и «национальных интересов» как определяющего фактора внешней политики. Эти идеи, сопровождавшиеся в 60-е годы провозглашением «конца идеологии» и призывами к прагматизму в политике, при всей их направленности на защиту капитализма и интересов американских монополий все же позволяли либералам давать более трезвую оценку возможностей и достижимых целей США.

Обе указанные тенденции сочетались в различных пропорциях в зависимости от тех или иных фаз советско-американских отношений, а также в соответствии с расстановкой политических сил в самих США. Однако в целом в выступлениях и работах либералов преобладали реалистические взгляды, особенно укрепившиеся в 60-е и начале 70-х годов. Аргументы реализма поддерживала в тот период и часть консерваторов, в связи с чем начали говорить о появлении школы «реализма»⁴⁷. Во второй половине 70-х и в начале 80-х годов «реализм» вновь слабеет, от него отходят не только консерваторы, но и значительная часть либералов, провозглашающих, как указывалось выше, «новый консерватизм». Школа «реализма» теряет свое значение, перестает быть школой в смысле объединения на одном подходе к проблемам советско-американских отношений сторонников разных направлений. Однако принцип «реализма» продолжают отстаивать сохраняющие прежние взгляды либералы, именуемые «традиционными» или «рузвельтовскими», выступающие в качестве критиков «рейганизма». Тем самым реализм возвращается туда, где он всегда был, вновь становится составным элементом чисто либеральной идеологии. Хотя, таким образом, в либерализме имели место две тенденции, в целом реалистический подход был характерной чертой либерального направления в политологии и историографии США, отличавшей его и от консервативного, и от прогрессистско-критического направлений.

Обширная либеральная литература исследуемого периода подвергла анализу с указанных позиций все поворотные моменты советско-американских отношений послевоенного периода: «холодную войну», разрядку и ее срыв, поворот рейганистов к силовой политике.

Что касается «холодной войны», то заметным явлением в либеральном лагере в конце 70-х годов стала дискуссия вокруг доктрины «сдерживания»⁴⁸.

Сформулированная, как известно, либералом Дж. Кеннаном в период с февраля 1946 г. («Длинная телеграмма» в госдепартамент) по январь 1947 г. (статья под псевдонимом «Икс» в «Форин афферс»), эта центральная доктрина всего курса «холодной войны» была искажена, доказывали либералы. Ее практическое применение, появление таких «субдоктрин», как «отбрасывание», «массированное возмездие» и т. п., сильно расходились, по их утверждениям, с тем, что имел в виду Дж. Кеннан, уповавший якобы лишь на невоенные методы «сдерживания советского экспансионизма». Этот тезис в течение ряда лет развивал сам Дж. Кеннан⁴⁹, драматически описывавший судьбу доктрины (он писал о чувстве человека, «нечаянно столкнувшего большую глыбу с вершины утеса и беспомощно наблюдающего, как она скатывается в долину, разрушая все на своем пути»⁵⁰). Его поддерживали ряд других авторов-либералов⁵¹, в то время как их консервативные оппоненты не видели особой разницы между доктриной Дж. Кеннана и практическим курсом США, одобряли «мистера Икс» и призывали его вновь выступить с аналогичной инициативой⁵².

Дискуссия конца 70-х годов интересна в том отношении, что раскрывает и уточняет известное положение о поддержке либералами невоенных методов внешней политики. Предпочтение, отдаваемое невоенным методам, как один из постулатов либерализма не раз отмечалось в литературе, и в общем это справедливо. Однако оно не исключало ни блоковой стратегии, ни наращивания вооружений в определенных областях.

Нет оснований сомневаться в искренности Дж. Кеннана, но все же приходится констатировать определенную эволюцию его взглядов по сравнению с периодом «холодной войны». В чем состояли те отличия его доктрины от официальной ее интерпретации, на которых настаивает либеральная литература?

Расхождения сводились к трем моментам.

1. «Сдерживание советской мощи» должно было, по замыслу Кеннана, относиться только к Восточной Европе (под видом борьбы с «советской экспансией» ставилась цель не допустить в этом регионе побед народно-демократических революций).

2. Автор не ожидал возведения своей идеи в ранг постоянной доктрины и считал ее применение временным (после стабилизации положения в Восточной Европе и особенно с возникновением советско-китайских разногласий она должна была потерять свое значение, утверждает Дж. Кеннан).

3. Имелось в виду применение в порядке «сдерживания» преимущественно или даже исключительно невоенных мер типа «плана Маршалла», поддержка буржуазных элементов, но без «истерического идеологического похода». «Говоря о сдерживании советской мощи, я имел в виду не сдерживание военными средствами военной угрозы, но политическое сдерживание политической угрозы», — писал Кеннан⁵³.

Отдавая предпочтение невоенным методам, Дж. Кеннан, однако, вовсе не исключал методы военные, лишь обставляя это некоторыми оговорками. Это показали уже его лекции в Национальном военном колледже летом 1946 г., а также в Торговой палате США в начале 1947 г. Их основные идеи сам Кеннан излагает следующим образом:

— Тотальная война, при наличии ядерного оружия, неприемлема, надо вернуться к концепциям XVIII века — к ограниченной войне, к употреблению оружия лишь для ограничения амбиций противника или достижения хороших ограниченных целей против его воли, но не для уничтожения его мощи, его правительства или его вооруженных сил.

— Необходимо сохранять и наращивать превосходство США в атомном оружии. Не может быть лучшей защиты для нашей страны против атомной атаки, чем сдерживающее воздействие сил возмездия, находящихся в распоряжении Америки, которая, однако, должна обязаться никогда не употреблять его в агрессивных целях.

— США должны создать «небольшие, компактные, бдительные силы, способные по первому же сигналу наносить эффективные удары на ограниченных театрах военных операций вдали от наших берегов».

— «Мы должны помнить, что первая линия американской обороны может проходить за тысячи миль от берегов Америки. Мы уже содержим определенное число внешних баз... и, возможно, понадобится очень быстро захватить и удерживать другие базы» ... на отдаленных континентах и островах.

Все это свидетельствует, что в понятие «сдерживание» Дж. Кеннан вкладывал и военный фактор, трактуемый лишь несколько уже, чем это делалось Г. Трумэном, Д. Ачесоном, Дж. Ф. Даллесом и другими «архитекторами холодной войны». Более того, свои разногласия с правительством Дж. Кеннан просто отодвигал в сторону, когда ему приходилось действовать в качестве правительственного чиновника. Убедительным примером этого может служить его отношение к сколачиванию блока НАТО — главного орудия практической политики «сдерживания». В своих мемуарах Кеннан подчеркивает, что процесс создания НАТО был «курсом, в ряде важных отношений противоположным» его собственной позиции. Создание блока, пишет он, происходило в атмосфере страха перед «советской угрозой в Европе». Однако оно было, по его словам, «чрезмерной реакцией Вашингтона, прежде всего военного истеблишмента и разведывательного со-

общества», — в условиях, когда такие военные меры вовсе не были необходимы. Дж. Кеннан имеет в виду использование Вашингтоном для разжигания антисоветизма в Европе таких событий как февраль 1948 г. в Чехословакии и «берлинский кризис». На самом деле, свидетельствует Дж. Кеннан, это были оборонительные меры советской стороны, принятые в ответ на «план Маршалла» и подготовку раздела Германии, они не представляли никакой реальной угрозы для Запада ⁵⁴.

Однако все эти справедливые соображения — более поздняя интерпретация автором своей позиции тех лет. В 40-е годы, как видно даже из приводимых им самим документов ⁵⁵, Кеннан выдвинул такую собственную альтернативу созданию НАТО, которая немногим отличалась от Североатлантического договора 1949 г. Он предлагал образовать на определенный срок, временно, для «успокоения Европы», так называемую «гантель» — два военных блока, Брюссельский в Западной Европе и блок США—Канады в Америке, связанные между собой готовностью Вашингтона прийти на помощь вооружением, совместным стратегическим планированием, а также военными силами, если возникнет необходимость и при условии, что Западная Европа будет действительно помогать себе сама.

Кеннан подчеркивал в то время, что односторонняя гарантия США Европе лучше, чем вступление в чрезмерно обязывающий военный союз, «беспрецедентный в нашей истории» ⁵⁶. Согласно его замыслу, гарантия не распространялась бы на Грецию, Турцию и другие неатлантические страны (возможно, и не на Италию). В записке генералу Маршаллу 23 ноября 1948 г. Кеннан снова повторил, что США должны избегать концентрации своих усилий на военных мерах, поскольку «русские не помышляют об использовании регулярной военной силы против нас». Продуктивнее сосредоточить внимание на экономическом восстановлении Европы, что остановит наиболее грозную опасность — внутреннюю политическую нестабильность в европейских странах (еще весной 1945 г. Дж. Кеннан писал, что Западу грозит не вторжение русских армий, а усиление коммунистических партий) ⁵⁷.

Характерно, однако, что он сознавал неприемлемость предлагаемой им альтернативы для правящих кругов США и фактически поддержал блоковую стратегию, приняв назначение на пост председателя международной группы, выработавшей пакт НАТО. «Я внес свою долю труда, — писал он, — с оптимизмом и, думаю, на должном уровне. Но я не чувствовал себя удовлетворенным... выражая взгляды, разумный смысл которых я не мог ни объяснить, ни, говоря по правде, принять» ⁵⁸.

В 60-е — 70-е годы Кеннан уже не только оправдывался, но и подтрунивал над «стилем» своих прошлых дипломатических документов, который стал напоминать ему обращения «Дочерей американской революции», «кого-либо из штата покойного сенатора Джо Маккарти или опусы комитета по расследованию антиамериканской деятельности» ⁵⁹. Однако и тогда он не отрицал,

что его доктрина «сдерживания» была декларацией перехода от союза в войне против гитлеризма к конфронтации с СССР, а вел спор лишь в связи с непониманием в Вашингтоне предлагаемых им способов и объема применения доктрины на практике. В позиции Дж. Кеннана отразилась неизменная черта американского либерализма — разногласия с консерваторами в методах достижения цели, выдвижение на первый план не военных средств, а экономических, не военных блоков, а методов подрыва демократических режимов изнутри. В то же время проявились пока еще слабые попытки отделить идеологические противоречия от государственных отношений⁶⁰.

Следующий важный этап в развитии советско-американских отношений, политику разрядки либеральные авторы оценивали в общем позитивно, хотя и критиковали непоследовательность, а также подлинные цели курса Р. Никсона — Г. Киссинджера (продолжение вьетнамской войны, «треугольную дипломатию», стремление в конечном счете к достижению превосходства США). Однако при этом возлагались надежды на то, что разрядка станет путем к воздействию на советский строй через включение СССР в капиталистическую орбиту. Так, М. Шульман, утверждая, что разрядка была продолжением прежнего курса, своеобразной формой «сдерживания», означала эволюцию этой доктрины, писал: США стремились создать «сеть взаимозависимости», которая помогла бы вовлечь СССР в мировую экономику, а это, в свою очередь, изменило бы «советское поведение», сдержало бы «советский экспансионизм», так что со временем Советский Союз включился бы в международную систему Запада, если не в теории, то на практике⁶¹.

Ф. Нил и другие авторы сборника «Здравый смысл в американо-советских отношениях» писали, что неудача (с американской точки зрения) начального этапа разрядки не есть доказательство «неизменяемости» советской системы, ее «либерализация» возможна, но действовать следует медленно, постепенно. Они подчеркивали возможность «поощрить развитие политических свобод в СССР с помощью разрядки», путем «втягивания» СССР в торговые и научно-технические связи, которые со временем приведут к тому, что СССР «будет вынужден начать экспериментировать с новыми концепциями производства и управления»⁶².

В то же время либералы видели в разрядке единственный способ избежать ядерной катастрофы, указывая одновременно на приоритет многих внутренних проблем США — безработицы, финансового дефицита, загрязнения окружающей среды и т. п.

Отказ от разрядки и ужесточение внешнеполитического курса США в конце 70-х и особенно в первой половине 80-х годов были расценены в книгах, статьях и выступлениях Б. Блекмана, Р. Джонсона, Дж. Кеннана, С. Рознфелда, Г. Сковиля, Дж. Стейнбрунера, С. Хофмана, А. Шлезингера, М. Шульмана и других авторов, как резкое ухудшение международной ситуации. М. Шульман следующим образом суммировал этот процесс: уси-

лилось соперничество двух держав в области ядерного и обычного оружия, переговоры сорваны, новые системы оружия все менее стабильны и контролируемы («в смысле их пригодности скорее для первого удара, чем для возмездия»), дипломатические контакты ослабели, в различных районах земного шара возникают очаги конфликтов — все это накапливается на фоне внутренних и международных экономических трудностей⁶³.

Анализируя причины срыва разрядки, либералы отдавали дань постоянно присущей им концепции о «равной вине» обеих «сверхдержав». Крутое и очень серьезное ухудшение советско-американских отношений, говорил Дж. Кеннан, произошло «при содействии обеих сторон»⁶⁴. Однако пафос работ либералов был направлен на критику американских действий, среди которых инспирированные кампании о «правах человека» и о «советской угрозе», а также новые программы вооружений занимали главное место.

Кампания о «правах человека» признавалась указанными авторами полностью провалившейся. Она, отмечали эти авторы, не только не достигла прокламированной Вашингтоном конкретной цели, связанной с еврейской эмиграцией, но и привела к разоблачению нарушения законности и свобод в самих США. Международной общественностью были осуждены режимы ЮАР, Чили, Израиля, Южной Кореи. Кампания не была должным образом поддержана даже М. Тэтчер.

Либералы признавали, что скрытая цель этой кампании — добиваться «фундаментальных изменений в советской системе». Выдвигая требования о свободе эмиграции из СССР, Вашингтон на деле ставил стратегическую задачу — изменить советские институты, на это указывалось в упомянутом выше сборнике десяти авторов⁶⁵. Однако такой замысел был совершенно бесперспективен, отмечалось здесь, ни одна из двух систем не станет менять свой строй из-за внешнего давления, попытки «принуждать гордую державу всегда обречены на поражение». При этом отдельные либеральные авторы указывали на то, что есть права и права — Запад понимает под ними прежде всего формальные свободы, а «левые, третий мир и марксисты» — социально-экономическое обеспечение человека⁶⁶.

Либералы доказывали первостепенное значение для США существования двух систем, подчеркивали, что закладываемое сейчас будет действовать долго, что политический курс нельзя с легкостью поворачивать то туда, то сюда. Именно основной, стратегической перспективе сосуществования и нанесен урон кампанией о «правах человека», писали они. В свое время «холодная война» вызвала глубокую травму американской национальной психологии, а главное, подорвала отношения с СССР. Все это легко возбудить вновь — взаимную подозрительность, порочный круг недоверия, паралич страха — и на многие годы.

Однако, критикуя эту провокационную кампанию, признавая ее полный провал, выдвигая тезис о неизбежности сосуществова-

ния двух систем, либералы не занимали, как могло бы показаться, позиции, диаметрально противоположной курсу администрации Дж. Картера. Реалистический подход они объединяли с постоянно присущим им «морализмом», а точнее, антисоветизмом. Свою критику они сопровождали оговорками, поддерживая демагогию о «защите свободы». «Эмоционально,— писалось в сборнике десяти авторов,— мы не можем не сочувствовать борьбе за свободу и права граждан... Картер реабилитирует образ США, запятнанный Вьетнамом и Уотергейтом»⁶⁷. А. Шлезингер доказывал, что кампания о «правах человека» есть якобы продолжение гуманной и демократической традиции, свойственной США на протяжении всей их истории»⁶⁸.

«Защита прав человека» должна быть интегральной частью американской внешней политики «по моральным соображениям», но ее следует практиковать избирательно, только в тех случаях, когда достижима какая-то конкретная цель, считал С. Хофман, заявлявший при этом, что не от всех стран можно требовать многопартийности, прессы разных направлений и других западных норм — нельзя «переделывать мир по западному (или американскому) образцу». Не опасаясь обвинений в непоследовательности, можно требовать соблюдения «прав человека» от одних стран и оставить в покое другие страны. Ключевой вопрос — эффективность. «Я не против публичной конфронтации и прямых санкций,— писал С. Хофман,— там, где они имеют шанс на успех, например в отношении Южной Африки. Но в отношении Советского Союза это было бы неэффективно по всем соображениям».

Автор предлагал применять в данном случае более гибкие методы — включать вопрос о «правах человека» в переговоры по другим вопросам, использовать встречи и контакты с советскими организациями для заявления протестов, принимать меры вроде бойкота Олимпийских игр, происходивших в Москве в 1980 г.

«Институционализм» либералов проявился и здесь: сетуя на противоречивость и «неподкрепленность процедурами» существующих деклараций о «правах человека», включая хельсинкскую, Хофман говорит о необходимости выработать «международный закон». Пока же США должны запастись терпением, действовать осторожно, не в одиночку, а вместе с другими западными странами, не беря на себя высокомерную роль «морального полицейского», ибо это возбуждает всеобщее негодование, да и «кто настолько хорош, чтобы поучать других»? Следует помнить о собственной уязвимости для критики. Вопрос о правах человека, делает правильный вывод автор, затрагивает глубокие структурные проблемы, характер экономических систем и политических режимов. Поэтому он не может быть решен пропагандистской кампанией, которая «лишь отравляет атмосферу и затрудняет отношения между государствами»⁶⁹.

В том же духе давал рекомендации и А. Шлезингер, говоря, что главной ошибкой было ведение кампании на государственном уровне, а ее следовало бы вести на уровне общественных органи-

заций — врачей, ученых-физиков, историков и других профессиональных объединений⁷⁰.

Так выглядело сочетание реализма и «морализма» в вопросе о «правах человека». Отличие либеральных рецептов сводилось не столько к конечным целям, сколько к методам. Однако отличие это имело практическое значение, поскольку известные надежды либералов на «перерождение» советской власти, как доказала вся предшествующая история, были иллюзорны, а прекращение вмешательства во внутренние дела, в торговые и иные контакты могло оказать оздоровляющее влияние на международную обстановку в интересах как советского, так и американского народов.

Либеральные авторы выступили против набравшего силу тезиса американской пропаганды и консервативной литературы относительно «советской угрозы» как причины срыва разрядки, выдвинув при этом ряд убедительных аргументов. Специалист по международным отношениям профессор Р. Джонсон писал⁷¹: неправильно уже то, что «угрозу» рассматривают исключительно в плане военной силы СССР, не учитывая советских политических целей и мотивов. Сведение проблемы к вопросу о стратегическом балансе является «упрощенческим мифом». Американский подход к стратегическому балансу с чисто статистических позиций не учитывает невоенных аспектов силы, таких, например, как революционный потенциал ряда стран. Автор проводит детальное сравнение кампании об «окне уязвимости», поднятой Пентагоном в 1978 г., с аналогичными кампаниями 50-х годов, начатыми «двумя влиятельными докладами» — Киллиана и Гэйтера⁷², и приходит к выводу, что в обоих случаях имела место «чрезмерная реакция»: советские военные силы преувеличивались, любое советское военное преимущество толковалось как ведущее к военному нападению или серьезному политическому давлению со стороны СССР. Несмотря на несостоятельность такого рода прогнозов, упомянутые доклады явились толчком для гонки вооружений. Та же опасность существует и теперь, предупреждал автор.

Полемизируя на протяжении всей статьи с аргументами правых (прежде всего Комитета по существующей опасности и одного из его основателей — Юджина Ростоу), солидаризируясь с взглядами Дж. Кеннана, Р. Джонсон подчеркивал тот факт, что СССР не делает ставки на ядерную войну. Автор не выясняет ни причин «чрезмерной реакции» со стороны Вашингтона, ни сил, стоящих за ней, но его сравнение с периодом 50-х годов выглядит убедительно, тем более что за этим сравнением стоит его личный опыт.

О «чрезмерной реакции» говорил и Дж. Кеннан. В 1981 г. он, выступая в Дартмутском колледже в Ганновере (Нью-Гэмпшир)⁷³, заявил, что, хотя с советским режимом «невозможно иметь полностью удовлетворяющие нас отношения», что, хотя «некоторым советским обычаям и практике» должно оказывать «твердое сопротивление», все же именно «американский прави-

тельственный и журналистский истеблишмент» разжигает ни на чем не основанную антисоветскую кампанию.

Представление о Советском Союзе «настолько искажено, настолько субъективно, настолько далеко от той реальности, которую устанавливает любое трезвое изучение, что руководствоваться им в политических действиях и неэффективно, и просто опасно». В США, продолжал Кеннан, распространяются «бесконечные серии искажений и примитивных упрощений, систематическое изображение в черном цвете лидеров великой страны, постоянная гиперболизация военных возможностей Москвы и ее якобы угрожающих намерений». Кеннан призывал покончить с тенденцией «демонизации» всего советского, не создавать нарочитое представление о русских как о заклятых врагах, «мечтающих только о нашей гибели». Он высмеивал хвастливую манеру приписывать США «наивысшую добродетель». Американцы должны признать, что существует «другой великий народ, один из величайших в мире, соединяющий в себе и хорошее и плохое, — народ, чья жизнь, взгляды, обычаи, страхи и надежды являются продуктом — как и у нас — не какой-то врожденной вредности, но беспощадной дисциплины, выкованной историей, традицией и национальным опытом».

С аналогичной критикой «крестового похода», развернутого республиканской администрацией, выступил А. Шлезингер, назвавший «галлюцинацией» изображение Советского Союза как «средоточия зла» и источника «непорядков» всюду в мире, а США — как средоточия всех добродетелей⁷⁴.

Отвергая миф о «советской угрозе», либералы спешили, однако, привести такие аргументы, которые «лучше звучали» в атмосфере «рейганизма» и натиска справа. Среди этих аргументов значительное место занимал старый довод, приводившийся еще Дж. Кеннаном в 40-х годах, о «слабости» и «особых трудностях», якобы характеризующих положение Советского государства. Именно они «заставляют» СССР занимать «миролюбивую, неугрожающую позицию», утверждали либералы⁷⁵. Приводя подобные аргументы, либеральные авторы замалчивали главное — органическую связь миролюбия социалистических государств с самим их строем, с тем фактом, что в этих государствах нет военно-промышленного комплекса и каких-либо иных сил, заинтересованных в гонке вооружений, в экспансионистской политике.

Впрочем, переходя к «американской стороне уравнения», М. Шульман отмечал также — и это типично для либерального подхода — ряд слабостей в позиции США: озабоченность граждан «проблемами окружающей среды, ядерной энергии и безработицы», давление на экономику громадных военных расходов, «расширяющуюся трещину» в отношениях с Западной Европой и Японией, «нестабильность правящих коалиций» в странах-союзниках, «падение доверия к способности Соединенных Штатов обеспечить прочное, взвешенное и ответственное руководство Западом в его отношениях с Советским Союзом»⁷⁶.

Наряду с «ошибочными» действиями США либералы указывали и на множество объективных причин срыва разрядки — на «сложный комплекс разнообразных факторов», влияние которых на конфронтацию США — СССР трудно предсказать⁷⁷: цикличность в развитии разрядки как неизбежная закономерность, длительность времени, проходящего между принятием решения о создании нового оружия и его реальным вводом в строй, а тем самым между «акцией» и «реакцией», «вызовом» и «ответом», что приводит к неопределенности взаимных оценок военного потенциала, опасениям и подозрительности (причем «ожидание советского нападения» либералы трактуют как якобы искреннее заблуждение правящих кругов США)⁷⁸. Противоположность социальных систем ведет к взаимному непониманию, к различным толкованиям доктрин, роли торговли и т. п. Загадка внезапной вспышки враждебности, сменившей разрядку, лежит, утверждал М. Шульман, «в фундаментальных различиях между ценностями и целями советской и американской политических систем, отраженных в их идеологиях и их исторических надеждах», в сложившейся издавна в США манихейской психологии (они зло, мы добро), в недостаточном знакомстве американцев и русских с языками, культурой друг друга⁷⁹.

В конечном итоге на вопрос «что же явилось причиной обострения отношений?», либералы отвечали: «Все понемногу». Тем самым маскировалась основная причина — агрессивность и гегемонистские тенденции политики США.

В вопросе о военных доктринах и гонке вооружений либералы продолжали отстаивать необходимость ограничения военных методов.

В 60—70-е годы США, как известно, разработали идею «взаимного устрашения», или «взаимного гарантированного уничтожения» (Mutual Annihilation Doctrine — MAD, «сумасшедшую» теорию, как острили сами американцы). Она предусматривала создание такой военной мощи, которая — в случае ядерного нападения («первого удара») — гарантировала бы каждой из сторон возможность возмездия, т. е. нанесения ответного, «второго удара», способного вызвать «неприемлемый ущерб», «гарантированное уничтожение». Предполагалось, что наличие оружия «второго удара» у обеих сторон создаст «равновесие страха», поскольку опасение получить подобный удар удержит противную сторону от нападения.

«Взаимное устрашение» отстояло весьма далеко от советского курса на ограничение и сокращение вооружений, на последующее разоружение, на развитие доверия и сотрудничества. Однако эту стратегию, которой, как указывает Г. А. Арбатов, придерживались американские министры обороны от Р. Макнамары до Дж. Шлесинджера, «можно считать меньшим злом, чем подготовку к „мыслимой“, „приемлемой“ ядерной войне», начатую администрацией Рейгана, хотя «вечно жить в условиях устрашения нельзя, рано или поздно оно даст осечку», поскольку устрашение требует

бесперывного наращивания арсеналов (на основе такой динамики военного соперничества, поясняет Г. А. Арбатов, «США делают рывок, мы догоняем»), а также порождает постоянное демонстрацию силы, авантюристической готовности применить ядерное оружие⁸⁰.

Критикуя «чрезмерное» увлечение военными методами — применение «сдерживания» во Вьетнаме, угрожающие доктрины от «массированного возмездия» Дж. Ф. Даллеса до «гибкого реагирования» администрации Дж. Кеннеди (Р. Джервис), либеральная литература поддержала стратегию «взаимного устрашения». Так, в привлечшей всеобщее внимание статье четыре автора — М. Банди, Дж. Кеннан, Р. Макнамара и Дж. Смит — высказались за то, чтобы НАТО имела лишь оружие «второго удара»⁸¹. Подробно развивал идею о преимуществе «взаимного гарантированного уничтожения» и «равновесия страха» над стратегией «первого удара», воплощенной, по его мнению, уже в «гибком реагировании» Дж. Кеннеди, Р. Джервис. Он указывал, что первая из этих двух стратегий исходит из наиболее реалистического предположения о неизбежном превращении любой ядерной войны во всеобщую войну. Означая взаимную способность США и СССР нанести «второй удар», т. е. удар по населенным центрам, она не требует превосходства во всех видах оружия, на всех уровнях военного конфликта и тем самым уменьшает гонку вооружений. Надо помнить, пишет автор, что военное превосходство не всегда сдерживает противника: Япония начала нападение в 1941 г., рассчитывая, что США уступят господство в Азии скорее, чем втянутся в изнурительную войну. Главное же состоит в том, что, поскольку города не могут стать неуязвимыми, «здоровый страх перед разрушением» удержит от нападения обе стороны. «Абсолютная способность разрушить города противника» и есть основа сдерживания, провозглашает автор, пока она имеется, безопасность обеспечена⁸².

Особенное единодушие характерно для критики либералами «контрсилевой» стратегии, принятой на вооружение Соединенными Штатами в исследуемый период. Либералы доказывали, что такое превосходство, которое гарантировало бы победоносный «первый удар», недостижимо, а стремление к нему лишь создает еще большую опасность возникновения ядерной катастрофы. «Трудно представить себе, — писал А. Шлезингер, — что-либо более опасное, чем нынешние иллюзии о возможности ведения „контролируемой“ ядерной войны и даже победы в пей». Стремясь достигнуть «ядерного превосходства над СССР, включая обладание потенциалом ядерного удара», США отходят от реального мышления, создают „мир галлюцинаций“»⁸³.

С. Хофман опровергал доводы правых, что ограниченная контрсилевая ядерная война «морально допустима», поскольку уничтожению в ней подлежат не города, что соответствовало бы идее «второго удара», а шахты с ракетами противника. На деле, писал С. Хофман, военные объекты нередко расположены вблизи

больших, густонаселенных городов, а совершенство в управлении оружием вовсе не гарантировано. Кроме того, не все ракеты будут уничтожены «первым ударом» и, следовательно, «второй удар» неизбежен. Наконец, «контрсилловая» война, проповедуемая «Полом Рамсеем, Фредом Икле, а теперь и американским правительством», может развиваться непредсказуемо и вряд ли останется ограниченной. Ограниченная «контрсилловая» война — это химера, делает вывод автор⁸⁴.

Г. Сквилл в книге «МХ: рецепт бедствия»⁸⁵ выступил против систем МХ как контрсиллового оружия, разоблачая навязываемый американцам аргумент, будто бы ракеты МХ являются «инструментом возмездия». МХ создаются не для того, чтобы после запуска советских ракет бить по пустым шахтам — это бессмысленно. Автор показал, что решение о создании ракет МХ, принятое правительством Дж. Картера в 1979 г., было попыткой «купить» сенат, получить от него согласие на ратификацию договора ОСВ-2. Однако, говорил он, результат был противоположным: если ОСВ-2 сопровождается не уменьшением военных расходов, а принятием новых дорогостоящих программ, исчезает главный довод в пользу договора. Взамен МХ Сквилл предложил иметь на вооружении лишь 50 малых подводных лодок с двумя ракетами каждая — объявляя, что они будут орудием «разумного стратегического сдерживания», не обладающим способностью первого удара.

Дж. Стейнбрунер посвятил свою работу⁸⁶ доказательству того, что наиболее слабым местом все более становится уязвимость структуры управления и командования, возможность «обезглавливания» вооруженных сил как США, так и СССР. Выход, писал автор, не в изобретении новых систем защиты и систем «ответа» на эту защиту, но в более широком использовании дипломатии. Общий смысл создания новых видов оружия вскрывался достаточно ясно в статье А. Шлезингера, который указывал, что администрация Рейгана видит «безопасность страны в достижении превосходства над СССР, включая обладание потенциалом первого ядерного удара»⁸⁷.

В целом либералы, хотя и критиковали новые военные доктрины США, предпочитая невоенные методы, они в конце концов все же соглашались с военным вариантом «сдерживания». Они были против крайних способов его осуществления вроде «контрсилловой» стратегии, но не отвергали его в принципе. С. Хофман, порассуждав об аморальности войн вообще, заявив, что справедливых войн не бывает (и подкрепив это заявление ссылкой на обширную американскую литературу), тем не менее на вопрос, возможно ли справедливое применение ядерного оружия, давал, по собственному определению, «двойственный ответ»: морально приемлемо оружие, не затрагивающее города, например нейтронная бомба, однако, раз нарушив ядерное табу, нельзя знать, где остановишься, поэтому «я бы не стал защищать использование ядерного оружия с этической точки зрения... На

ядерное сдерживание... следует полагаться только для достижения самых важных целей». Вообще же придерживаться принципа равной безопасности или «равной уязвимости» лучше, чем стремиться к обладанию мощью «первого удара»⁸⁸.

Либеральные авторы традиционного толка довольно единодушно высказывались за переговоры об ограничении и сокращении ядерных вооружений.

«Хотя перспективы существенного улучшения советско-американских отношений в ближайшее время ограничены, было бы в интересах нашей безопасности поставить ядерные вооружения под контроль, пока обе стороны не развернули новое оружие, менее поддающееся проверке и более дестабилизирующее, чем то, которое мы уже имеем», — писал М. Шульман. Новые системы «будут содействовать возрастанию опасений насчет возможных намерений каждой из сторон и тем самым усилению напряженности»⁸⁹.

Автор критиковал сложившуюся практику: новое оружие сначала производится, а потом уже подбирается обоснование его необходимости. Ведя переговоры с СССР в 1969—1979 гг., США, пишет он, все же не оказали подлинной поддержки тому взгляду, что «стабильный баланс ядерных вооружений лучше обеспечивает интересы безопасности Америки, чем традиционная приверженность идее превосходства»⁹⁰. М. Шульман подчеркивал те действия США, которые вели к срыву переговоров. Все правительства США, пишет Шульман, испытывали давление внутренних групп, отстаивавших превосходство, и вынуждены были идти на компромисс с ними. Не нашлось сильного, уверенного в себе политического руководителя, который мог бы мобилизовать поддержку, необходимую процессу переговоров по ОСВ. Затягивание переговоров, выдвижение новых проблем, развертывание новых систем оружия под предлогом, что они служат «козырем» в процессе дискуссии в Женеве, «вызвали неуверенность советской стороны в серьезности американских намерений», чему еще более содействовал переход США от доктрины сдерживания к идеям «ограниченной» ядерной войны⁹¹.

Одновременно, однако, М. Шульман не забыл повторить стандартные обвинения и в адрес СССР, который якобы не проявлял достаточно инициатив, придерживался «крайней секретности» в отношении военных данных и не принимал некоторых способов контроля за исполнением возможного договора. Он высказывал сомнения в том, что СССР в 70-е годы принял «основной концепционный базис договора ОСВ» — равенство, взаимное сдерживание и стратегическая стабильность, М. Шульман повторил фальшивую версию о «нарушении военного равенства» Советским Союзом — «то ли по его собственным причинам, то ли в ответ на запроектированные программы США»⁹².

В итоге автор возлагал вину за срыв переговоров на обе стороны в равной мере — «каждая сторона чувствовала себя уязвимой, и ядерное военное состязание продолжалось»⁹³. Тем не менее автор считал, что, несмотря на «ничтожные результаты десяти-

тилетия полуискренних усилий», переговоры необходимо возобновить и при этом позаботиться о том, чтобы договор вырабатывался не 7 лет, как ОСВ-2, а в более короткие сроки, пока не успели появиться новые проблемы,— пусть даже договор не будет детальным и всеохватывающим⁹⁴.

С наименьшей определенностью высказывался за возобновление переговоров А. Шлезингер, указывавший, в частности, на неправильный подсчет соотношения сил, умалчивание американской стороны о тех видах ядерных средств, где США имеют перевес⁹⁵. С. Рознфелд справедливо подчеркивал, что администрация продолжает срывать переговоры такими акциями, как испытания ядерного оружия мощностью свыше 150 килотонн, подготовка войны в космосе, отказ от запрещения химического оружия и т. п. Он возлагал надежды на воздействие движения против ядерных вооружений, развернувшегося в небывалых масштабах в начале 80-х годов.

* * *

Подводя итог принципам отношений с СССР, которые отстаивала либеральная литература 1976—1983 гг., следует отметить, что в целом они могут быть охарактеризованы как сочетание «морализма» и «реализма», иными словами, антикоммунизма, с одной стороны, и осознания неизбежности сосуществования двух систем — с другой.

В своих книгах и выступлениях либеральные авторы критиковали силы, срывавшие разрядку, признавали ошибочность и провал кампании о «правах человека». Но при этом они объясняли ухудшение ситуации с позиции «равной вины» и считали возможным дальнейшую эпизодическую «защиту прав» — на общественном уровне и в тех случаях, когда успех был бы гарантирован. Важным выводом либеральной литературы в связи с вопросом о разрядке и одним из основных отличий либеральной точки зрения от позиции консервативной было фактическое провозглашение невозможности путем требований со стороны США изменить социалистический строй, его нормы и законы. Было признано, что вмешательство с такой целью, выдвигание подобных условий нормализации отношений обречены на провал.

Значительное место отводилось в либеральной литературе военному аспекту советско-американских отношений. Неизменно придерживаясь доктрины «сдерживания коммунизма», либералы подчеркивали большую эффективность и безопасность для самих США невоенных методов, подкрепляемых ограниченными военными программами и доктринами. Выступив в защиту «равновесия страха», они признали военный характер «сдерживания» в его ядерном варианте, но с существенной оговоркой о равной безопасности сторон.

Из этой позиции логично вытекала критика в либеральной литературе стратегии администрации Рейгана, нацеленной на созда-

ние ядерного превосходства США. В целом оценки либералов, хотя и не совпадали с советскими подходами к проблемам ограничения вооружений, все же были аргументами за возможность переговоров и достижение соглашения между США и СССР.

При всех колебаниях либеральной мысли, при том, что в исследуемый период существенная часть либералов откололась и образовала группировку «новых консерваторов», можно констатировать постоянство такого параметра либерализма, как отношение к СССР с позиций преобладания реализма над «морализмом».

ПОДХОД К ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Концепции американской буржуазной литературы, относящиеся к политике США в Европе, проанализированы в специально посвященных этой теме работах советских авторов — С. И. Аппатова, Ю. П. Давыдова, В. Ф. Давыдова, И. М. Ивановой, А. И. Уткина и др. Поскольку выявлены цели и суть этих концепций, задача данного раздела состоит лишь в том, чтобы выделить те идеи, которые характерны именно для либерального направления американской историографии, а также отметить новые подходы и аргументацию либералов, появившиеся за последнее время.

Обсуждение в либеральной литературе проблем европейской политики США концентрировалось в исследуемые годы вокруг трех основных вопросов: состояние и судьбы атлантической солидарности (общеполитический аспект отношений), курс НАТО (военный аспект отношений), роль революционных сил и движений в Европе как фактора внешней политики.

«Атлантизм» как концепция развития тесных связей — на базе совместной борьбы против социализма — между правящими кругами стран, лежащих по обе стороны Атлантического океана, т. е. между США и Западной Европой, начал пропагандироваться либералами еще в конце второй мировой войны. Уже тогда объединение под эгидой США, создание и укрепление Атлантического сообщества провозглашались краеугольным камнем американской внешней политики, а затем стали составным элементом «холодной войны». Поддерживая идею атлантизма, либералы приветствовали «план Маршалла», создание НАТО, а также европейскую интеграцию — возникновение «общего рынка» и дальнейшее расширение его состава. Такие авторитетные представители этого направления, как У. Липпман, Дж. Кеннан, К. Томпсон, У. Лафебер и др., оправдывали антисоветскую направленность этого курса аргументами о «коллективной безопасности» и не уставали подчеркивать первостепенное значение союза с Западной Европой для всей политики США.

В исследуемый период либеральная литература продолжала развивать тезис о центральном месте Европы в американском внешнеполитическом курсе. Так, на конференции в Кентском университете в апреле 1980 г. утверждалось, что развивающиеся страны

по своему значению для США стоят позади Европы⁹⁶. От тесных трансатлантических отношений зависит «благополучие и даже выживание либеральных демократий», говорилось в сборнике, изданном под редакцией К. Кайзера: это показали все послевоенные события — «границащее с чудом» восстановление после войны, достигнутое «объединенными усилиями на обоих берегах Атлантического океана», совместный «отпор» Советскому Союзу, который якобы добивался «гегемонии в Европе», наконец, «возвращение Западной Германии в семью западных наций». Укрепления атлантического единства требуют, по мнению либералов, и такие новые сложные задачи, как взаимоотношения «Север — Юг», проблемы ограничения гонки ядерных вооружений и т. п.⁹⁷ Характерно, что Р. Боуи, один из авторов указанного сборника, подчеркивал взаимные контакты европейской и американской элит, которые, по его словам, установились еще до войны и должны обеспечить атлантическое единство на современном этапе⁹⁸.

Если в приведенных выше и им подобных высказываниях достаточно ясно подчеркивались классовые цели атлантизма, то более искушенные авторы предпочитали выдвигать на первый план «общность духа», единство западной культуры, исторические традиции и т. п. Дж. Кеннан писал о единстве с Францией как страной, управляемой «отличной, просвещенной бюрократией», о господстве индивидуализма среди французов, что сродни духу США. Он подчеркивал, что ФРГ — главная опора США в Европе особенно потому, что в этой стране население меньше других подвержено антиамериканским настроениям. Падение Англии, когда-то первой державы мира, — экстраординарное по скорости явление, писал Кеннан. Одна из главных причин этого падения, по его мнению, — то, что профсоюзы приобрели «неслыханные привилегии» и отучили людей упорно работать... Однако США должны поддержать моральный дух Англии, одобрять англичан как «самых близких и наиболее надежных друзей, которых мы имеем в этом мире». Дж. Кеннан призывал проявлять щедрость в отношении малых стран Западной Европы. Он считал необходимым сохранить из «обязательств» США во внешнем мире лишь военные гарантии Западной Европе (на первом месте), Японии и частично Израилю⁹⁹.

Противопоставляя, по сути дела, марксистской оценке империалистических противоречий атлантизм, восхваляя его в принципе, либералы 70—80-х годов все же говорили о его кризисе, о необходимости его «усовершенствования».

Если в первые десятилетия после войны атлантические отношения строились на бесспорной гегемонии США, то в середине 70-х годов возросла самостоятельность Западной Европы, а также Японии, уменьшилась роль США в мировой экономике и политике, проявились противоречия между «тремя центрами силы». Этот процесс вызвал создание в 1973 г. Тройственной комиссии — объединения представителей дипломатического, делового и уче-

ного мира трех регионов — США, Западной Европы, Японии. Ее задачей провозглашалось укрепление политико-экономического сообщества трех «центров силы» на основе более или менее равного партнерства¹⁰⁰. Думается, что в тот период (примерно 1970—1973 гг.) американские сторонники данного подхода к развитию международных отношений были готовы к относительно уменьшению роли США в рамках такого «треугольника», считают компетентные советские исследователи¹⁰¹.

Тройственная комиссия, несмотря на участие в ней видных представителей США — З. Бжезинского, С. Вэнса, будущего президента Дж. Картера и др., не решила (да и не могла решить!) задачу сглаживания империалистических противоречий между США и Западной Европой. Поэтому многие либеральные авторы продолжали писать о кризисе «атлантизма».

Некоторые авторы указывали на изменение соотношений сил между США и Западной Европой. Трансформация баланса сил между Европой и Америкой наиболее очевидна в экономической области, отмечали авторы известного доклада о безопасности Западной Европы¹⁰². Здесь американское превосходство первых послевоенных лет сменилось положением, когда Европейское сообщество, взятое в целом, так же богато, как США, и часто более конкурентоспособно на мировом рынке. В результате возможность Соединенных Штатов влиять на европейскую политику в соответствии со своими собственными интересами резко упала. И наоборот, европейцы выказывают растущее стремление и способность защищать свои интересы, когда они расходятся с интересами Соединенных Штатов. Примеры тому: стычка из-за идеи «локомотива», расхождения по вопросам ядерной энергии и нераспространения, создание европейской валютной системы, давление на доллар со стороны европейских центральных банков (ноябрь 1978 г.). Прежнее равновесие нарушено, констатировали авторы доклада, и это особенно подчеркивается контрастом между экономической самостоятельностью Европы и ее военной зависимостью от США.

О том же писал У. Диболд, член Совета по международным отношениям, в прошлом занимавший пост в госдепартаменте. Отрицая тот факт, что США в первые послевоенные годы были гегемоном капиталистического мира (по его словам, они лишь «руководили несколькими ключевыми сторонами сотрудничества»), автор подчеркивал, что к 70-м годам и эта частичная доминанция США исчезла, что такой процесс, как европейская интеграция, развивается не по предписаниям Вашингтона — «не так, как думали самые лучшие эксперты»¹⁰³.

Помимо нарушения «баланса» в экономике, особенно подчеркивались расхождения в оценке разрядки. Авторы доклада четырех институтов выделяли большое положительное значение разрядки для Западной Европы, выразившееся, например, в соглашении четырех держав о Берлине, в развитии контактов между ФРГ и ГДР (ежегодные визиты примерно 8 млн. западных нем-

цев в ГДР и свыше миллиона восточных немцев в ФРГ), в быстром росте торговли, причем Европа поставляла оборудование, получая сырье и энергию. Но разрядка в меньшей степени повлияла на советско-американские отношения, пишут они.

Если Европа положительно встретила курс на ограничение вооружений, то США стали рассматривать его как источник односторонней выгоды СССР. «В целом разрядка воспринимается в Европе как политика, давшая положительные результаты, она затронула буквально миллионы европейцев, особенно немцев». В то же время определенные круги в США стали считать ее ошибкой. С приходом Р. Рейгана к власти эти разногласия еще более углубились: в Европе считали торговлю с СССР взаимовыгодной и были особенно заинтересованы в экспорте техники, получении советского газа и т. п., тогда как «американская школа» объявила эти экономические отношения средством «установления зависимости» от СССР. Санкции, объявленные США в связи с введением ограниченного контингента советских войск в Афганистан и событиями в Польше, вызвали разногласия как среди европейцев, так и самих американцев.

В обзоре международных событий за 1982 г. С. Рознфельд указывал, что европейцы в отличие от американцев ценят выгоды разрядки — связанное с ростом торговли увеличение числа рабочих мест, относительное спокойствие с военной ситуацией; они не видят логики в требовании США ввести антипольские санкции, сократить торговлю с СССР. Автор выделял следующие факты: социал-демократы в Западной Германии прямо высказывались за нейтралитет, не поддерживали «Солидарность», что вызвало со стороны рейганистов обвинения в «приспособлении к СССР»; Западная Европа отвергла требование Рейгана прекратить сотрудничество с СССР по проекту «газ — трубы», что привело к провалу Версальской встречи в верхах в июне 1982 г., к острым разногласиям в американском правительстве, сопровождавшимся отставкой ряда его членов. Дж. Шульцу, пишет автор, с большим трудом удалось кое-как урегулировать этот конфликт, отменив встречу под предлогом консультаций для разработки «более эффективных принципов торговли» с социалистическими странами¹⁰⁴.

Широко отмечались в либеральной литературе и разногласия по военным вопросам: невыполнение большинством европейских государств в 1980 г. соглашения 1977 г. об увеличении на 3% военных расходов, вообще постоянство спора о распределении военного бремени НАТО, особенно, конечно, та буря в Европе, которую вызвало Брюссельское решение НАТО 1979 г. о размещении «Першингов-2» и крылатых ракет на территории ряда западноевропейских стран. Авторы совместного доклада четырех институтов следующим образом оценивали влияние на американо-европейские отношения воинственного курса Р. Рейгана: в США «растет стремление вернуться к эре превосходства и абсолютного лидерства в мировых делах. Оно воплощается в возрождающейся

тенденции рассматривать любое событие в мире в терминах конфронтации Запад — Восток и использовать силу как панацею в решении всех проблем. В этой связи поведение европейцев вызывает растущее замешательство и воспринимается (в США. — *Авт.*) как свидетельство того, что Европа уже соскользнула на путь „умиротворения“, „финляндизации“ или „самонейтрализации“ в отношении Советского Союза. Исходя из таких оценок, некоторые американские круги испытывают сильное искушение оказать давление на Европу, а если это не удастся, бросить ее на произвол судьбы. Возникает очевидная опасность, что такого рода тенденции, действующие на обоих берегах Атлантики, могут привести к столкновениям»¹⁰⁵.

Разногласия между США и Западной Европой — не новость, отмечалось в указанном докладе, но данная «фаза расхождений» развивается на фоне экономических трудностей, волнений в развивающихся странах. Она охватывает не одну страну, а всю Европу, в том числе даже ФРГ, затрагивает целый комплекс проблем, в нее вовлечены не только правящие круги, но широкие слои населения. Эти разногласия порождены, помимо преходящих причин (ошибки руководителей обеих сторон и т. п.), долговременными факторами. Среди них отмечался поворот США от европоцентризма к глобализму, основанный, в частности, на замене влияния старой элиты восточных штатов, ориентированной на Европу и хорошо ее знавшей, влиянием вновь выдвинувшейся элиты Юга и Запада США, меньше связанной с Европой; указывалось на рост национализма в США как реакции на упадок престижа страны со времени Вьетнама. Параллельный процесс, отмечали авторы доклада, идет и в Западной Европе, становящейся экономически все сильнее, сосредоточенной на процессе интеграции и стремящейся к самостоятельности в отношениях с СССР¹⁰⁶.

Аналогично оценивал состояние и перспективы «атлантизма» М. Шульман. «Разрыв между политическими настроениями в Соединенных Штатах и растущим недовольством нестабильных правящих коалиций во многих союзных странах расширяется», — писал он. Расхождение порождает американская экономическая политика, но особенно «неверие в способность Соединенных Штатов обеспечить надежное, взвешенное и ответственное руководство Западом в его отношениях с Советским Союзом», прежде всего в области военных расходов и размещения оружия в Европе. «Пока неясно, проявят ли Соединенные Штаты достаточную гибкость, чтобы сдержать указанные разногласия, или они будут двигаться в сторону шовинистической изоляции»¹⁰⁷.

«Жесткая линия» Р. Рейгана наталкивается на реальности, писал С. Рознфелд: отпор в Польше, конфликт с Западной Европой из-за газопровода, с КНР — из-за Тайваня; ни в одном из этих столкновений США не одержали победы, они не справляются и с «восстаниями третьего мира». Все это наносит большой ущерб позициям США в Европе¹⁰⁸. У. Диболд опровергал тео-

рию «общего врага», согласно которой «холодная война» объединяет США с Западной Европой, а разрядка неизбежно разъединит, поскольку «общего врага» уже не будет ¹⁰⁹.

Значительное место в либеральной литературе заняло описание противоречий, связанных с угрозой так называемому «южному флангу НАТО», возникшей в связи с выходом Греции после переворота 1974 г. из военной организации блока, ее требованием убрать американские базы с греческой территории, дальнейшим развитием конфликта между Грецией и Турцией из-за Кипра. Отмечались разногласия между США и Западной Европой и в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке. Европа, как и Япония, не склонна разделять с Америкой безоглядную поддержку Израиля, направленную против арабов, констатировал Г. Оуэн.

В упоминавшемся докладе четырех институтов говорилось: «Местные конфликты могут перерасти в конфликт Восток—Запад в этом районе и, возможно, распространятся на Европу... На политическом уровне нет различий между Ближним Востоком и Европой», поскольку, утверждали авторы, «рост советского влияния на Ближнем Востоке» затрагивает безопасность Запада. «Европа явно не желает вовлекаться в ближневосточный конфликт» ¹¹⁰. Нестабильность ситуации на Ближнем Востоке, в Иране и Ираке, в Афганистане вызывает у западноевропейцев опасения, приводит к «евро-американским расколам и ссорам» по вопросу о том, «каков должен быть ответ Запада» на указанные события. Революционный процесс в Латинской Америке, в Южной Африке также ставит вопрос о допустимости или эффективности военного вмешательства, в отношении которого «европейцы настроены более нервно, чем американцы» ¹¹¹.

Дж. Кеннан приписывал антиамериканские настроения в Европе к числу «заблуждений невротического характера». Хотя историческая слабость европейских стран сравнительно с США, подчеркивал он, есть результат их вечных братоубийственных войн друг с другом, они теперь обвиняют Америку, говоря о ее стремлении доминировать! Европа импортирует часто худшее из новейшей американской культуры — и опять-таки обвиняет американцев. Она также винит США во всех своих экономических трудностях. Все это, считает автор, применяя модный психологический подход, попытка морально компенсировать себя за утрату прежней великодержавности. Дж. Кеннан призывает относиться к такого рода нападкам спокойно, поскольку европейцы «все же остаются друзьями Америки», сознают общность строя и целей. С другой стороны, их безопасность, как он утверждает, один из немногих действительно жизненных интересов США ¹¹².

Г. Оуэн из Брукингского института в работе «Задачи трехстороннего сотрудничества» ¹¹³ подчеркивал в 1977 г., что взаимозависимость «трех центров силы» основана на глубокой общности их подхода к социалистическим и развивающимся странам, к «человеческим ценностям» и на растущих контактах. В то же время он отмечал и глубину противоречий. Г. Оуэн указывал на

настроения «подозрительности и вражды» к американцам в Европе: «некоторые европейцы» считают американцев империалистами, а «некоторые американцы» считают, что Европа слаба, требует слишком многого, чересчур склоняется в сторону социализма. «Ностальгический и провинциальный импульс», определяющий раздающиеся в США требования о выводе из Европы американских войск, порождает разногласия среди европейских стран, которая может быть преодолена лишь усилением их интеграции.

Главный вывод либеральных авторов сводился в итоге к тому, что кризис американско-западноевропейских отношений порожден сложным комплексом исторических, социальных, экономических, психологических, военных причин, что он не может быть преодолен скороспелыми методами. «Кончились дни старой атлантической системы, основанной на доминации США и нежелании европейцев взять на себя большую долю ответственности». Необходимо создать новую коллективную и равноправную систему — «современный союз демократических наций в ядерный век»¹¹⁴.

Каковы же пути, которые предлагались в либеральных сочинениях для укрепления и обновления атлантических связей?

Конечно, ничего радикального не намечалось. Повороты, сопоставимые с действиями Ш. де Голля в 1966 г. или В. Брандта в 1970 г., признавались крайне нежелательными, хотя и выдвигался тезис о том, что США больше заинтересованы в сильной, пусть даже независимой, Европе, чем в слабой и во всем согласной¹¹⁵.

Считаясь с реальностью относительного ослабления позиций США, либералы предлагали сменить жесткую линию администрации Р. Рейгана на более гибкую; проводить интервенции не импульсивно, а в зависимости от степени подлинной заинтересованности; улучшить механизм вмешательства; достичь более справедливого соглашения о разделении бремени военных расходов (в частности, о том, как учитывать вклады каждой страны); договориться о совместных запасах нефти на случай кризиса и о разработке новых источников энергии, в том числе ядерной¹¹⁶. При этом надежды возлагались нередко просто на тех или иных деятелей. Так, в обзоре С. Рознфелда говорится о возможности изменения жесткого курса Р. Рейгана под влиянием занимающего якобы более гибкую позицию нового государственного секретаря Дж. Шульца и концентрации вокруг него «прагматических людей»¹¹⁷.

Особый акцент делался на том, что необходимо «заново определить и распространить основные правила и институты системы безопасности Запада». Для этой цели предлагалось «улучшить процесс консультаций и координаций». Нынешние институты, говорилось в упомянутом выше докладе, не соответствуют моменту и зачастую не подходят к обстановке 1980-х годов. Необходимо создать «новый механизм для подлинно коллективного принятия решений». Этот механизм должен «быть гибким и работать на не-

скольких уровнях», включать учет интересов малых союзных государств, развивать функции НАТО как органа координации политических мероприятий (опыт санкций в связи с Афганистаном показал неэффективность односторонних мер).

Более конкретный план, идущий все по той же линии создания новых и новых ведомств, был разработан в упомянутом выше докладе четырех институтов. Предлагалось институировать встречи семерки на правительственном уровне, начатые в Рамбуйе в 1975 г., вырабатывать на них общий концептуальный подход к международным делам. Такие встречи надо систематически готовить, для чего следовало бы организовать небольшой, но постоянный секретариат.

В качестве дополнительного механизма предлагалось создавать небольшие группы из представителей главных стран, непосредственно участвующих в решении той или иной проблемы, способных «взять на себя конкретные обязательства» в рамках региона, о котором идет речь. Ядром такой группы «обычно должны быть» США, Великобритания, Франция, ФРГ и Япония, но, например, кризис в районе Средиземного моря может привести к участию Италии, возможно, других средиземноморских государств, а в случае кризиса в Тихом океане можно привлечь Канаду и Австралию. Группа может быть распущена после урегулирования проблемы или сохранена на некоторое время для наблюдения в беспокойной области на период до нескольких лет. Это должны быть группы, не связанные непосредственно с НАТО и допускающие участие стран, не являющихся членами блока. Однако им следует работать в тесной координации с советом НАТО и ЕЭС. Главная же цель предлагаемых групп — регулирование кризисов и выработка общих подходов к вопросам безопасности, особенно в отношении развивающихся стран. (Далее следовали детали — как часто собираться группам, как соблюдать секретность обсуждений, какие группы создать в первую очередь — предлагалось приступить к организации группы для Персидского залива и Юго-Восточной Азии из представителей ряда главных стран — и т. п.)

Авторы доклада писали: «Обе стороны Атлантики выиграют от более широких консультаций и коллективного принятия решений. Европейцы беспокоятся насчет разумности и надежности американской внешней политики, ее тенденции к односторонности. Американцы добиваются большего участия Европы в решении проблем безопасности в третьем мире». Предлагаемый дополнительный механизм, по мнению авторов доклада, отвечает этим требованиям. «Такая перестройка политики и ответственности,— подчеркивают они,— существенна для усиления западного альянса»¹¹⁸.

Призывы к созданию новых механизмов связи, надежды на более гибкую политику тех или иных должностных лиц отражали обычный для либералов институционалистский подход и не означали какого-либо решительного изменения курса. Либералы со-

лидаризировались с официальной линией сплочения стран Западной Европы на базе антисоветизма и фактически рекомендовали под лозунгами «коллективизма», «равного партнерства» и т. п. подновить и усилить лидерство США среди капиталистических, в первую очередь европейских, стран. Тем не менее их критика жесткого, силового курса Р. Рейгана играла некоторую роль в процессе просвещения общественности, формирования более реалистического подхода к американско-европейским отношениям.

К началу 80-х годов на первый план выдвинулся вопрос о «довооружении» в Западной Европе. Военный аспект американской политики в Европе привлек особое внимание американских политологов в связи с принятием декабрьской сессией НАТО 1979 г. в Брюсселе известного решения о размещении в Западной Европе начиная с 1983 г. 572 новых американских ракет среднего радиуса действия (108 «Першингов-2» и 464 крылатых ракет). «Имея высокую точность, 6—8 минут подлетного времени до цели и дальность полета 2500 км, «Першинги-2» будут нацелены... прежде всего на высшие органы управления и другие стратегические объекты Советского Союза», — указывала «Правда» от 8 декабря 1983 г.

Традиционные либералы выступили в своих статьях, речах и книгах с критикой брюссельского решения. Немалую роль при этом сыграла обычная закономерность: активизация буржуазного либерализма по мере роста массового движения протеста.

Либералы предрекали политическую дестабилизацию как следствие антимилитаристского движения, указывали на обострение противоречий внутри НАТО, развенчивали аргументацию натовских стратегов о «советском превосходстве», о возможности «ограниченной ядерной войны», которая якобы может начаться и закончиться только в пределах Европы. В книгах С. Хофмана, в сборнике под редакцией Б. Блекмена, в дискуссии 1982 г. о неприменении ядерного оружия первыми, опубликованной журналом «Форин Афферс»¹⁹, поднятой четырьмя авторами — М. Банди, Дж. Кеннаном, Р. Макнамарой, Дж. Смитом (против них выступили генерал Д. Джонс, издатель С. Кобер, проф. Д. Хафнер и др.), а также во многих журнальных и газетных статьях приводились аргументы, хотя и не оказавшие решающего влияния на действия правительства, все же находившие широкий отклик в общественном мнении страны и всего мира.

Либералы выдвигали на первый план политические факторы, которые, по их мнению, более важны, чем чисто военные²⁰. Среди этих факторов особенно выделялось массовое антиракетное движение, развернувшееся в ответ на брюссельское решение НАТО и вызвавшее большую обеспокоенность в либеральных кругах, чувствительность которых к настроениям «низов» всегда была характерной чертой буржуазного либерализма, по самой своей сути призванного обеспечивать политическую стабильность. В противовес правым, искавшим причину небывалого размаха антимилитаристских выступлений в советской «пропаганде, дав-

лении и запугивании», либералы писали, что Европа охвачена сомнениями в трезвости и разумности американской политики, беспокойством за свою судьбу, которая находится в руках американских сторонников «крестовых походов».

В дискуссии 1982 г. о «неприменении первыми» ядерного оружия четыре автора обращали особое внимание на то, что европейцы отвергают объяснение брюссельских решений как всего лишь текущую модернизацию оружия, размещенного в странах НАТО. Справедливо или нет, но они воспринимают эти решения как курс на войну на Европейском театре, на превращение европейцев в заложников. Либералы избегали прямой поддержки этой «европейской» оценки, но фактически разделяли ее. Насторожения в Европе могут привести, предупреждали они, к «политическим изменениям», к разброду в НАТО. Необходимо «восстановить консенсус по вопросам военной политики между правительствами и народами» Западной Европы, восстановить тем самым «внутреннее здоровье Западного союза».

Их консервативные оппоненты в ходе дискуссии вынуждены были признавать важность массового движения в Европе. Оно набирает силу и «не может приписываться каким-то посторонним элементам — оно привлекает в свои ряды все больше очень серьезно озабоченных граждан», заявлял, например, генерал Д. Джонс. «Конечно, приходится считаться с растущим антиядерным движением в странах НАТО», — соглашался С. Кубер. Однако эти оппоненты справа не собирались считаться с ним на деле и доказывали необходимость американской «защиты» Западной Европы, хотя ли того указанные «серьезные круги» или нет. (В этой дискуссии критиковал «слева» четырех авторов лишь Э. Равенал, предлагавший отказаться от ядерной защиты Европы вообще, но его предложение отвергли и сами зачинщики дискуссии, в частности Дж. Кеннан ¹²¹.)

Другим тревожным политическим симптомом в положении НАТО либералы считали рост противоречий внутри организации. М. Шульман писал о «расширяющемся водоразделе», возникшем в связи с протекционистской экономической политикой США, с влиянием американского дефицита и завышения учетных ставок на рост безработицы в Европе, с энергетическими проблемами, непомерными военными расходами, заинтересованностью Европы в успехе ОСВ, размещением в Европе новых средств уничтожения ¹²².

В дискуссии о «неприменении первыми» четыре автора отмечали, что, хотя идея размещения в Европе новых американских ракет была выдвинута правящими кругами ФРГ, затем американцы не только перехватили ее, но и фактически навязали, стали рассматривать принятие ракет той или иной страной как испытание ее лояльности; в то же время, говорили эти авторы, многие европейцы, принимая брюссельское двойное решение под американским давлением, надеялись, что начнутся деловые переговоры с СССР о сокращении вооружений и размещение не наступит.

Различия в подходе к ядерному оружию, к событиям в Польше, на Ближнем Востоке, писали Банди, Кеннан, Макнамара и Смит, подрывают единство НАТО, и этот политический фактор более важен, чем проблема военной мощи. НАТО находится в кризисном состоянии, так как провоцирует ту самую «угрозу», против которой призывает бороться.

Выдвигая на первый план в качестве наиболее важного политический фактор, либералы делали вывод, что смещение центра тяжести американского курса в Европе в сферу чисто военную неправильно, опасно, скорее подрывает и ослабляет позиции США, чем укрепляет их. Но и трактовка самих военных вопросов также признавалась неправомерной. В этой связи немалое место в либеральной литературе заняли доказательства мифического характера столь рекламируемой правыми «советской угрозы» и невозможности «ограниченной» войны. Так, упоминавшиеся выше четыре автора настойчиво подчеркивали, что в США недооценивается прекрасное понимание Советским Союзом огромного риска и огромной стоимости любой агрессии против НАТО, с другой стороны, переоценивается превосходство СССР в обычных силах в Европе; в целом превосходства нет в настоящий момент, не предвидится оно и в будущем, следовательно, нет и угрозы.

Достаточно единодушно критиковалась либералами идея «ограниченной» войны, которую Пентагон проектировал прежде всего для Европы, а также связанная с ней перспектива использования нейтронной бомбы. Правда, некоторые авторы ссылались при этом больше на мнение европейцев, отмечая, что именно последние не согласны с подобной стратегией. Но все же указывалось, что «ограниченная война» при современных технических средствах страшна сама по себе, а главное, вряд ли останется ограниченной.

В ходе дискуссии 1982 г. четыре автора писали: вопрос о нейтронной бомбе, предназначенной для противодействия советским танкам в Европе, был поставлен еще при Дж. Картере, но продолжает вызывать споры и в годы новой администрации. Авторы находили «естественным», что военные стремятся к более эффективному и современному оружию, поскольку многое в ядерном арсенале в Европе уже устарело. Однако «европейцы в большинстве своем считают, сколь бы это ни было несправедливо», что нейтронная бомба означает ограниченную ядерную войну на их территории, и не желают быть истребленными. «Все серьезные исследования и все военные маневры за последние 25 лет показали, что использование даже самого ограниченного ядерного оружия поля боя было бы невероятно разрушительным для жизни и собственности гражданского населения... Любое применение ядерного оружия в Европе, союзниками по НАТО или против них, влечет огромный и несомненный риск эскалации к общей ядерной войне, которая несет гибель всем и победу — никому»¹²³.

В унисон с этим М. Шульман опровергал утверждение, будто

бы Советский Союз принял идею «ограниченной» войны как выгодную для себя. Это результат отрывочного и поверхностного знакомства с советской документацией. Оборонная подготовка СССР свидетельствует, что «надежное сдерживание» может быть осуществлено лишь при готовности реагировать на любые уровни конфликта ¹²⁴.

Позитивные предложения, которые выдвигались в итоге критиками американского курса в Европе, соответствовали традиционным для либеральной литературы подходам.

Первое, на чем сходились все либеральные авторы, это требование вести переговоры, перенести центр тяжести в вопросе вооружений на дипломатию. За контроль над вооружениями, устанавливаемый по принципу равной безопасности, высказывался С. Хофман ¹²⁵. Зачинатели дискуссии в «Форин афферс» подчеркивали, что ядерное оружие необходимо лишь для того, чтобы никогда не употреблять его ¹²⁶. Аналогичную позицию занимал и ряд других авторов.

Что касается путей и непосредственной цели переговоров, то здесь проявился целый спектр взглядов. Так, возлагались надежды на смягчение позиции президента Р. Рейгана, который якобы «уже приспособливает» свои предубеждения к идее полезности переговоров о контроле над вооружениями (четыре автора) ¹²⁷, на реорганизацию механизма переговоров (например, на ликвидацию автономии Агентства по контролю над вооружениями и разоружению) ¹²⁸.

Слабость этих предложений, их ограниченность и крайне умеренный характер достаточно ясно выявляли «благонамеренность», малую эффективность либеральной оппозиции. Пределом реформ, предлагаемых либералами, всегда была бюрократическая реорганизация и расчет на нового президента. Либералы не требовали разоружения. Радикальное разоружение вообще невозможно, писал Б. Блекмен, можно лишь добиться передышки ¹²⁹.

Наряду с этими минимальными предложениями под влиянием массового антиядерного движения и миролюбивых инициатив СССР в рассматриваемой литературе выдвигались и такие рекомендации, как провозглашение правительством США обязательства не применять ядерное оружие первыми, как укрепление в первую очередь не ядерных, а обычных вооруженных сил в Европе.

Предложение М. Банди, Дж. Кеннана, Р. Макнамары и Дж. Смита о «неприменении первыми» авторы относили к Европе, толкуя его при этом как концепцию «второго удара». (Их противники в ходе дискуссии поясняли различие между «употреблением первыми» и «первым ударом», означающим контрсиловой удар.) Возражения справа сводились к тому, что «в горячке борьбы» обещание не применять ядерное оружие первыми будет легко забыто. Поэтому необходимо держать противника в страхе перед возможностью «превентивного ядерного удара, сохраняя ситуацию неуверенности и неопределенности». В этом

якобы и состоит эффективность «сдерживания». Четверым авторам инкриминировалась непоследовательность: если все же допускается ядерный ответ в случае «советского ядерного нападения» на Западную Германию, то этот ответ будет нацелен на СССР, что будет в плане советско-американских отношений «применением первыми».

Как в самом предложении, так и в ответе оппонентам четыре автора заявляли, что тактика «держат русских в состоянии неуверенности» насчет возможного применения американцами ядерного оружия первыми все более теряет свою эффективность. Эта тактика была хороша, когда США имели ядерную монополию и СССР нечем было ответить. Но монополия США давно кончилась, теперь уже трудно рассчитывать на первый удар без возмездия, и СССР прекрасно знает, что США вынуждены считаться с этим, вследствие чего американская угроза теряет силу.

Если будет признано, что НАТО должна иметь силы для второго удара, будет приостановлена гонка вооружений, не понадобится та «модернизация», которая положена в основу брюссельских решений 1979 г. Кроме того, это успокоило бы антимилиитаристские круги, выдвигающие «нереалистичное предложение о безъядерной зоне в Европе от Португалии до Польши», укрепится единство НАТО. СССР, признают авторы, неоднократно предлагал провозгласить совместную политику «неприменения первыми». Такая общая с СССР декларация имела бы несомненную ценность, открывая дорогу и другим соглашениям, например о прекращении дорогостоящей и дестабилизирующей подготовки к войне в космосе.

Предлагая Соединенным Штатам участвовать в подобной совместной декларации, авторы делали ряд оговорок: подойти к предложению осторожно, не торопясь, тщательно обсудив и взвесив возможные последствия, привлечь к этому решению ФРГ, не имеющую своего ядерного оружия и потому целиком полагающуюся на «ядерную защиту» США; заранее оповестить, что об отказе от гарантии, предоставляемой американцами другим странам НАТО, не может быть и речи, и т. п.

С декларацией о неприменении первыми ядерного оружия было связано и предложение четырех авторов укреплять прежде всего обычные силы НАТО. Поскольку имеющегося ядерного оружия для «второго удара» достаточно, писали они, следует обратить внимание не на размещение «Першингов-2» и крылатых ракет, которое по сути дела означает ставку на «первый удар», а на обычные вооружения, где обнаруживаются, по их мнению, большие упущения. Англия уделяет недостаточное внимание своей армии на Рейне, неизвестно, каково будет участие Франции, до какого уровня будет доведена с согласия союзников военная мощь ФРГ, как справятся США с задачей укрепления армии в условиях добровольного набора. Придется преодолевать сопротивление военных, предпочитающих получать все новое и новое, притом ядерное, оружие; рассеивать подозрения европейских

правлящих кругов, будто бы США «бросают Европу», отходят от политики НАТО с ее «ядерным зонтом» как основой.

Решив эти вопросы, создав перевес в обычных силах, НАТО «снизит риск агрессии в Европе с помощью обычного оружия», подчеркивали авторы, впрочем признавая при этом, что подобный риск никогда не был велик, «советские намерения преувеличивались».

В возражениях, выдвинутых правыми в ходе дискуссии, замалчивалось главное — тот факт, что «модернизация», т. е. размещение в Европе новых американских ядерных ракет среднего радиуса действия, направлена на нанесение Америкой «первого удара». Провозглашалось, будто бы такое размещение воплощает «стратегию гибкого реагирования» (иметь оружие всех уровней для «отпора как ядерного, так и неядерного», развивать в рамках НАТО все три военные программы — усиливать обычные войска, так называемое «оружие поля боя» и стратегические ядерные силы США). Утверждалось, что «нападение СССР, имеющего превосходство в обычных вооружениях», в случае политического кризиса «возможно и вероятно».

Все эти доводы правых основывались на заведомо ложной посылке о неизбежном «нападении СССР» на Западную Европу в случае кризиса «внешнего или внутреннего». Больше того, критики справа постоянно возвращались к тезису, будто бы предложение четырех авторов, «гарантируя Советам отсутствие подлинно эффективного ядерного отпора, провоцирует Советы на нападение». Предложение Банди, Кеннана, Макнамары и Смита расценивалось как отказ от «защиты Европы», призыв к «несоблюдению обязательств», что повлечет за собой дезинтеграцию и распад НАТО; создание «адекватных обычных сил» объявлялось непомерно дорогим мероприятием.

Отвечая на эти возражения, четыре автора оспаривали основную посылку своих оппонентов о «советском нападении», приводя, однако, в качестве доказательств не подлинные причины миролюбивой политики СССР и его многочисленные предложения, а становившиеся неким клише, приспособленным к засылу «рейганизма», соображения о «слабостях» СССР, некоем «разладе» среди стран Варшавского пакта, о существующем якобы качественном превосходстве натовского оружия и т. п. Они указывали и на возможность «первого удара» со стороны США, чего, по их мнению, нельзя отрицать «в каждом случае, в процессе любого кризиса, на все грядущие поколения».

В реплике «друзьям из ФРГ», также принявшим участие в дискуссии (и высказавшимся в том смысле, что, поскольку все формы войны в Европе будут катастрофой, надежнее все же положиться не на обычное оружие, а на ядерное «сдерживание»), четыре автора описывали, насколько термоядерная война ужаснее обычной — эти две катастрофы несравнимы.

Наращивание обычных сил в Европе не должно быть чрезмерным и быстрым, обходиться слишком дорого, писали четыре

автора. Но даже если расходы будут превышать установленное в НАТО 3%-ное ежегодное наращивание бюджетов, на это следует пойти — нельзя руководствоваться только бюджетными соображениями, важно показать, в каком новом, более безопасном направлении будет развиваться военная политика НАТО.

Наконец, четыре автора усиленно подчеркивали, что их предложения носят предварительный характер, хотя и поддерживаются многими американцами: их надо еще изучать и широко обсуждать, они ни в коем случае не означают одностороннего разоружения США. В отсутствие гарантированного соглашения ОСВ «большие, разнообразные, способные выжить ядерные силы по-прежнему необходимы»¹³⁰.

Требование о приоритете «неядерной защиты» Европы перед ядерной поддерживал в своей работе и М. Шульман, считавший, что «разумное равновесие в обычных силах является необходимой предпосылкой и для установления контроля над стратегическими вооружениями». В Европе, писал он, особенно важно использовать все возможности для модернизации обычных вооружений и сил как альтернативы курсу на ядерные вооружения поля боя¹³¹.

Требование перенести гонку с ядерных вооружений (в Европе) на обычные трудно, конечно, признать последовательно анти-милитаристским. Ему противостоит советская позиция, которую Г. А. Арбатов изложил в следующих словах: «Мы считаем необходимым полное освобождение Европы от ядерного оружия — и средней дальности, и тактического, и так называемого оружия „поля боя“. Это был бы радикальный шаг. Пока Запад не примет идеи безъядерной Европы, мы выдвинули ряд предложений, более ограниченных по масштабам... Мы отнюдь не видим свою цель в том, чтобы заменять одно оружие другим оружием, пусть менее страшным, (хотя, надо сказать, научно-технический прогресс делает все более страшным и так называемое „обычное“ оружие...). СССР — за значительное сокращение обычных вооружений и вооруженных сил в Центральной Европе: недавно были внесены новые предложения, призванные вывести из тупика венские переговоры...»¹³².

Значительное внимание либеральной литературы привлекал третий аспект политики в Европе — отношение к демократическим движениям и революционным силам, активизировавшимся в 80-е годы.

Исходной позицией здесь был основной принцип либерализма: борьба против революции. С. Хофман следующим образом формулировал этот принцип: «Я не являюсь ни марксистом, ни консерватором, ни неомарксистом, ни неоконсерватором... Как либерал, я занимаю позицию реформизма, частичных улучшений, а не революции. Это не значит, что я считаю революции злом или случайным явлением. Но это значит, что я — приверженец поисков лучшей, менее разрушительной, более примирительной альтернативы невыносимому или незаконному статус-кво»¹³³.

Конкретно в применении к послевоенной действительности эта позиция включала осуждение коммунизма, выступлений студентов, борьбы профсоюзов при одновременном несогласии с крайностями неофашизма. Однако характерным для либерализма последней четверти XX в. было то, что для развитых стран, в частности для Западной Европы, никаких реформ, никакой «лучшей альтернативы» либеральная литература не выдвигала.

В свое время Дж. Кеннан, выступив против маккартизма в США, опубликовал 27 мая 1951 г. в «Нью-Йорк таймс мэгэзин» статью с осуждением «крайностей антикоммунизма». Он защищал, в частности, против обвинений в «прокитайском коммунизме» своего коллегу — дипломата Дж. Дэвиса (Дж. Кеннан выступил и в качестве свидетеля). Он писал о «грязных трюках» ЦРУ, о тяжелых психологических и международных последствиях маккартизма. Кеннан признавал, что ему лично повезло: он пережил эту мрачную эпоху сравнительно благополучно (дипломатическая карьера была прервана, но преследованиям он не подвергся). Однако, пишет он, маккартизм поколебал его веру в американскую систему, в ее соответствие моральным нормам. Дж. Ф. Даллес называл даже Кеннана «опасным человеком, защищающим коммунистическое государство»¹³⁴.

Все это не мешало Дж. Кеннану осуждать многие стороны студенческого движения¹³⁵, критиковать «стоглавую гидру общественного мнения», считать влияние «общества» на внешнюю политику пагубным, приводя в пример Бисмарка, требовать ограничения дебатов в парламентах, в частности запрещения обсуждать цифры военного бюджета (одновременно, правда, он предлагал ограничить влияние ВПК). Не случайно писал Кеннан, что никогда не чувствовал себя своим ни среди сторонников социального реформаторства, ни среди консерваторов, воюющих «во имя крайнего патриотизма и агрессивной, ни с чем не считающейся мании антикоммунизма»¹³⁶.

С. Хофман, заявляя, что многие из прошлых революций были «неизбежными и по своим конечным результатам позитивными», отвергал, однако, революции для современного периода. «Мир, каков он есть сейчас, слишком хрупок для шоковой тактики революционеров», порождающей терроризм и интервенции, писал он. Кроме того, утопичен, на его взгляд, идеал революционеров, полагающих, что после революции человеческая природа внезапно изменится¹³⁷.

Исходя из подобных посылок, либералы и оценивали демократические, антимилитаристские движения в Западной Европе. События, развивавшиеся здесь с середины 70-х годов, — революция в Португалии, демократические перевороты в Греции и на Кипре, падение фашистского режима в Испании, определенное полевение электората и возможность вхождения коммунистов в правительства Италии и Франции, рост социал-демократических партий, мощное антивоенное движение — требовали переоценки политики США. Либералы, одобряя прежние акции — «план

Маршалла», блок НАТО — и трактуя их как меры не столько военного, сколько антиреволюционного значения, вместе с тем подчеркивали, что новая обстановка требует иных действий.

Оценивая в своих работах эту новую ситуацию, либеральные авторы вынуждены были признать, что коммунисты — не заговорщики, не «агенты иностранной державы», а серьезная и влиятельная сила в Западной Европе. Хотя вхождение коммунистов в правительство той или иной страны «нежелательная перемена», писали они, не нужны и паническая реакция, жесткий ответ на такую «угрозу». Более предпочтительны методы использования расхождений и противоречий внутри демократических сил. Надежды возлагались не только на единство американской и европейской правящих элит и общность строя¹³⁸, но и на «еврокоммунизм», раскол между коммунистами и социалистами, «воспитание властью», элементы антисоветизма в идеологии леваков, трактуемые как «рост независимости».

Типично в этом отношении освещение данного вопроса в работах У. Гриффитса, С. Хофмана, Дж. Кеннана. В публицистической работе «Нависшая угроза» Дж. Кеннан дал обзор положения в европейских странах с точки зрения «угрозы коммунизма» на 1977 г. В Италии, писал он, компартия может занять место господствующей христианско-демократической партии, однако, даже если Италия выйдет из НАТО, существование союза в более узком составе — не самый худший вариант: блок будет компактнее, принятие решений облегчается, а реальная мощь не уменьшится. Во Франции, продолжал автор, коммунисты также могут войти в правительство, но они подвергнутся «воспитанию властью»; французы с их пристрастием к индивидуализму, с их «отличной, просвещенной бюрократией... скорее изменяют коммунистов, чем коммунисты изменяют Францию». «Студенческие насилия и радикализм» в ФРГ — психологический результат испытаний, через которые страна прошла в 1918—1945 гг., они — временное явление, политическая система страны стабильна. Призывая верить в прочность капиталистической системы, Кеннан высмеивает страхи насчет «финляндизации Европы» («финляндизации» в смысле постепенного установления господства коммунистов нет даже в самой Финляндии, замечает он)¹³⁹.

Как видно из приведенных высказываний, Дж. Кеннан рекомендовал относиться спокойно к ситуации «коммунисты в правительстве» не потому, что считал этот вопрос внутренним делом суверенных стран, а вмешательство извне незаконным. Он рассчитывал на противоречия и трудности, ожидавшие коммунистов в европейских странах капитализма.

Вместе с тем Дж. Кеннан высказывал беспокойство по поводу все более выявлявшейся несостоятельности кейнсианского реформизма европейских правящих кругов. Тенденция к созданию «социального» государства, писал он, «гуманная на текущий момент, но ведущая к быстрой бюрократизации и эгалитарному социализму», истощает себя в результате истощения казны, роста

влияния профсоюзов за счет власти парламента. «Все больше растут расходы на людей, работающих все меньше», — так определяет автор результаты государственного регулирования, подчеркивая, что бюрократия и профсоюзы в отличие от парламентов не избираются, фактически ни перед кем не отчитываются. Это тенденция превращения в корпоративное государство, в котором власть отделена от ответственности, граждане получают некоторые материальные выгоды, теряя всякое политическое влияние, и в целом это тупик. Рано или поздно люди восстанут против «государства всеобщего благосостояния». (Как известно, несостоятельность кейнсианской политики и недовольство ею были использованы в Англии «тэтчеризмом», в США — «рейганистами», чего Кеннан, по-видимому, не предусматривал.)

Внешнеполитическая сторона дела, разъяснял Кеннан, состоит в том, что «всеобщее благосостояние» затрагивает проблему выделения денег на военные цели. Однако США могут лишь «внимательно следить» за описанными процессами в Европе и влиять на них, находя средства решения аналогичных проблем у себя лишь своим собственным примером¹⁴⁰. Кеннан не уточняет, какие реформы, предпринимаемые правительствами Европы в борьбе с революцией, были бы желательны, но из изложенного видно, что он за укрепление буржуазно-демократических тенденций.

Более откровенно писал об этом У. Гриффитс, который в своем исследовании выискивал расхождения между компартиями (например, испанской и французской), между коммунистами и социалистами (например, в той же Франции), между социал-демократическими партиями (СДПГ, СПФ, СПИ) и т. п. Анализируя положение социалистических партий, автор доказывал, что их ослабление — явление временное. Работа У. Гриффитса свидетельствует, что исследователи США внимательно регистрировали все нюансы отношений, все, даже самые мелкие, столкновения мнений в коммунистическом движении и рассчитывали на раскол.

Однако трезвый реализм брал верх, когда Гриффитс отмечал факторы, подрывающие такого рода надежды: еврокоммунизм затронул лишь латинские страны Европы (вследствие чего автор предпочитает термин «латинские левые»). «Латинские коммунисты, — писал он, — не стали социал-демократами» — не разделяют социал-демократической программы медленных реформ, сохраняют принцип демократического централизма, «решительно не хотят» разрыва отношений с компартиями социалистических стран, а главное, и коммунисты, и социалисты критикуют политику США, НАТО, интеграцию — приди они к власти, влияние США в Европе снизилось бы. Правда, автор предсказывал, что в этом случае в соответствующей европейской стране начнется экономический развал, бегство капиталов и т. п., а Вашингтон и Бонн в таком случае смогут предложить помощь на своих условиях. Он приводил примеры «успешного» давления США на

Италию в 1978 г. В конечном счете его вывод сводился к тому, что «политике НАТО ничто не грозит»¹⁴¹.

К аналогичным выводам пришел С. Хофман, который писал, что следует «полагаться на разнообразные силы» и не бояться вступления коммунистов в правительства Италии или Франции¹⁴².

В целом прежняя либеральная ставка на реформизм в исследуемый период была заменена сдерживанием преобразований, особенно если они исходили от коммунистов. Это подтверждает, что функция проведения реформ во имя укрепления капитализма все больше переходила к социал-демократам, а либералы освоили охранительную роль. Именно на этом базируют свою критику раскольники от либерализма — «новые консерваторы», которые объявляют себя, как это сделал, например, П. Мойнихен, подлинными либералами (поскольку требуют изменений), а традиционное ядро течения обвиняют в консерватизме.

Подводя итог либеральной историографии вопросов европейской политики США, следует выделить основные положения, отделяющие ее как от прогрессистов, так и от консерваторов.

1. Поддерживая атлантизм в качестве основной концепции американо-западноевропейских отношений, либералы оценивали его состояние на рубеже 80-х годов как кризисное. Они указали на многочисленные противоречия, возникшие между США и их партнерами в Европе, на ослабление роли США в мировой экономике, критиковали идею «общего врага» как основы союза. Либералы рекомендовали обновление атлантической системы за счет некоторого (хотя бы внешнего) сокращения доминации США. Однако их конкретные предложения по применению принципа «равного партнерства» имели характер мелких, частичных изменений, относящихся к правилам и механизмам контактов.

2. Либералы высказывались за проводимую НАТО политику, но под влиянием массовых протестов критиковали «двойное решение» 1979 г. как дестабилизирующее политическую ситуацию в европейских странах. Они осуждали фальшивую пропаганду о «советском превосходстве», разоблачали теорию «ограниченной ядерной войны», выступали за принятие Соединенными Штатами обязательства не применять первыми ядерное оружие, высказывались за преимущественное укрепление обычных сил НАТО и за переговоры. Но и в области военных отношений критический аспект изучаемой литературы был значительно сильнее позитивных предложений, вытекавших из свойственного либералам институционализма (надежды на нового президента или министра, на очередную бюрократическую реорганизацию и т. п.).

3. Либералы уделяли значительное внимание оппозиционным силам и движениям в Европе. Критикуя, как и прежде, маккартизм, «крестовые походы», идею мессианизма, они выступали против революционных движений, особенно против роста коммунистического влияния в ряде европейских стран. При этом они предлагали в качестве метода борьбы не лобовую атаку, считая

применение военной силы против революционного процесса делом безнадежным, но использование в интересах США противоречий внутри рабочего движения, содействие «еврокоммунизму» (впрочем, признаваемому слабым течением). Либералы констатировали кризис кейнсианских способов регулирования экономических и социальных противоречий капиталистического общества, однако не предлагали чего-либо взамен. Основной принцип либерализма — реформы против революции — вновь демонстрировал свое бессилие перед лицом новой ситуации в Европе. В условиях растущей популярности идей социализма роль реформаторов в развитых капиталистических странах переходила от либералов к социал-демократам, и это нашло отражение в либеральной литературе, неспособной выдвинуть собственную позитивную альтернативу оппозиционным силам и движениям в Европе.

ПОЛИТИКА США В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

В отличие от позиции в вопросах европейской политики отношение либералов к данной проблеме четко характеризовалось сохранением традиционного лозунга «реформы против революции». В развитых капиталистических странах цели либерального течения — укрепление буржуазной демократии, господство рынка и частной собственности — были давно достигнуты и оставалось лишь это достигнутое охранять, довольствуясь приспособительными мерами, прежде всего такими, как государственное регулирование экономики и трудовых отношений. Революция не представлялась здесь близкой, а дальнейшие преобразования могли носить лишь социалистический характер, и соответственно роль социальных реформаторов все больше переходила к социал-демократам. В колониальной сфере, напротив, революция стояла на повестке дня, здесь введение ее в реформистское русло было, с точки зрения либералов, насущной задачей.

Преодолеть отсталость освободившихся стран, пишет С. Хофман, обычно предлагается тремя путями: 1) с помощью революции, полного изменения социальной системы; 2) усовершенствованием международного рынка в целях лучшего распределения ресурсов, государственным регулированием мировой экономики; 3) проведением частичных революционных мер — в виде передела земли, что стимулировало бы развитие техники, промышленности, торговли. Автор отвергает все эти альтернативы как неспособные дать практические результаты, но особенно первую — «разрушительную», «приводящую к самоизоляции» («опора на собственные силы»), «замедляющую развитие». Радикальным решениям «в духе тех, кто очарован „культурной революцией“ и деятельностью „банды четырех“» он противопоставляет путь постепенных внутренних реформ¹³. Превознося Роберта Кеннеди как защитника угнетенных во всем мире, А. Шлезингер писал, что его герой был противником «просоветской» революции на Кубе, режи-

мов того типа, какой, например, установился в Гане под руководством Кваме Нкрумы, но он поддерживал умеренные движения за независимость в государствах Южной Африки, либералов-антисаистов в ЮАР¹⁴⁴.

Аналогичная концепция противопоставления умеренных изменений революционным переворотам лежала в основе оценок, дававшихся и другими либеральными авторами. При этом от консерваторов их все же отличало признание необходимости внутренних социальных политических изменений в отсталых странах.

К выводу о неизбежности и необходимости реформ в странах Азии, Африки и Латинской Америки либеральная литература приходила на основе довольно реалистического анализа причин, порождавших национально-освободительные движения, более трезвой оценки значения этих движений в современном мире. Отвергая примитивные утверждения консерваторов о том, что все освободительные революции просто-напросто инспирированы деятельностью «советской агентуры», либералы указывали на обилие собственных, внутренних причин для недовольства в соответствующих странах. Они призывали не руководствоваться слепым антикоммунизмом и не рассматривать все события освободительных революций сквозь призму отношений с СССР.

«Приписывать Советскому Союзу ответственность за возникновение нестабильности в третьем мире — в отличие от использования им этой нестабильности — это значит замазывать подлинные причины, создающие нестабильные ситуации, и тем самым ограничивать эффективность реакции Запада», — писал М. Шульман¹⁴⁵. Хотя помощь кубинских солдат Анголе толкуется как инструмент советского влияния, «более точно было бы видеть в ней независимое отражение идеи Фиделя Кастро о революционной миссии Кубы в Африке...». Революции в Анголе, Эфиопии, Южном Йемене «пошли на пользу русским», но это было лишь, по мнению М. Шульмана, «использование» Москвой создававшихся условий. Одновременно он высмеивал тот факт, что даже падение шаха в Иране рассматривалось правыми в США как результат советских действий, «сколь бы иррациональной ни была подобная связь»¹⁴⁶.

М. Шульман следующим образом суммировал позицию «сторонников сосуществования»: «Советский Союз — скорее осложняющий фактор, чем первопричина нестабильности в третьем мире. Советский Союз использует, но не создает перевороты. Эти последние порождаются внутренними поводами для недовольства. Поэтому... нельзя автоматически определять все радикальные движения протеста, даже движения марксистской ориентации, как принадлежащие к советскому лагерю, хотя многие из них вынуждены искать военной и другой поддержки у СССР и его союзников вследствие враждебности или самоустранения Запада»¹⁴⁷.

Отметая примитивную пропаганду о «руке Москвы», либералы в то же время не поднимались до понимания политики СССР

как помощи угнетенным народам, как проявление имманентно присущего социализму интернационализма, противодействие империализму. Они толковали цели и мотивы советской поддержки революционных движений исключительно на свой империалистический лад — в плане «расширения советского влияния». С другой стороны, американское вмешательство интерпретировалось как всего лишь расширение сферы «сдерживания». Вот характерное для либералов утверждение того же М. Шульмана: «В первые послевоенные годы сдерживание означало на практике защиту Западной Европы, Греции и Турции от советских посягательств. После того как Европа была стабилизирована и внимание переместилось на состязание в третьем мире, сдерживание применялось глобально и его применение стало более распространенным, так как было трудно разобраться в многообразных местных радикальных, националистических движениях, степень принятия которыми советского лидерства была неясной» ¹⁴⁸.

М. Шульман приходил к выводу, что конфликты в «третьем мире» (а не имперский подход к ним США!) стали крупным фактором ухудшения советско-американских отношений в течение 70-х годов ¹⁴⁹. Он предсказывал, что и в дальнейшем выступления масс на Ближнем Востоке, в Африке, Азии и Латинской Америке будут обострять советско-американские отношения. При отсутствии достаточно гибких дипломатических контактов между двумя державами, при склонности некоторых кругов Запада пустить в ход тактическое ядерное оружие (как крайнее средство отстаивания «жизненных интересов») такие «локальные конфликты» могут выйти из-под контроля как СССР, так и США. «Тенденции к национализму и религиозному фундаментализму будут направлены против интересов обеих сверхдержав и других развитых стран», — утверждает автор, приводя в пример события в Иране. Дальнейшее развитие событий в «третьем мире» будет по его мнению усиливать напряженность в советско-американских отношениях.

Советские исследователи справедливо указывали, что не конфликты в Азии, Африке и Латинской Америке подорвали разрядку, а наоборот, ухудшение по вине правых кругов США советско-американских отношений затруднило своевременное политическое урегулирование региональных проблем. В условиях разрядки такое урегулирование оказывалось возможным, как это выявили, в частности, события арабо-израильской войны 1973 г. «Если отношения между Востоком и Западом, в первую очередь между СССР и США, будут развиваться в контексте „холодной войны“, „третий мир“ может стать одной из опаснейших сфер соперничества. Но если верх одержат идеи разрядки, то развивающиеся страны могут стать важной сферой сотрудничества между развитыми странами» ¹⁵⁰.

Как бы то ни было, в либеральной литературе заметно подчеркивалось значение национально-освободительных движений, указывалось на «опасные политические последствия бедности»,

на огромные масштабы проблем деколонизации, на то, что конфликты в развивающихся странах — важнейший фактор мировых отношений.

Признание глубоких причин и особой значимости процесса деколонизации приводило либеральных авторов к заключению, что текущая политика Вашингтона не соответствует новой обстановке, что необходим пересмотр ее методов и приемов, если США хотят сохранить свое влияние в мире. С этим была связана критика либералами многих конкретных акций США, причем велась она обычно под флагом морали и этики, понимаемыми уже не в том более узком смысле, который был присущ либеральной оценке отношений с СССР и означал по существу антикоммунизм, а в общепринятом широком значении.

Практически все традиционные либералы осудили вмешательство США во Вьетнаме, а один из их авторитетнейших представителей — Г. Моргентау был объявлен даже «главным в Америке критиком вьетнамской войны»¹⁵¹. Осуждение вмешательства в дела Вьетнама широко отражено в работах Дж. Кеннана, А. Шлезингера, Дж. Геддиса и многих других либералов. Их критический голос звучал достаточно громко в годы наивысшего подъема массового движения противников вьетнамской авантюры — здесь вновь проявилась чувствительность либерализма к давлению «снизу».

В острой полемике с неоконсерваторами А. Шлезингер высмеивал упрощенную оценку последними позиции либералов, которые якобы верят в «высшую добродетель угнетенных», «стыдятся Америки и думают, что жители третьего мира стоят ближе к Богу». В то же время он с гордостью подчеркивал, что именно либералы — У. Липпман, Г. Моргентау, Дж. Кеннан, Р. Нибур — «были самыми мощными критиками войны во Вьетнаме».

Дж. Кеннан, описывая в мемуарах свое противодействие войне в Корее (когда она перешагнула 38-ю параллель и распространилась на север) — осуждение генерала Макартура, свои переговоры с Я. Маликом о перемирии, утверждает, что уже тогда сформировалась его позиция, которая вылилась затем в критику вмешательства США в дела Вьетнама¹⁵². Ставили под вопрос причины этого вмешательства Дж. Геддис (зачем США пошли на это, «терпя Кубу» в 90 милях от Флориды, — загадка для историка¹⁵³), С. Хофман (США не могли не знать о глубоком коммунистическом влиянии во Вьетнаме, но, игнорируя этот факт, повели нереалистическую политику; рекомендации автора, данные еще в 1970 г., об учете коммунистического влияния не были приняты¹⁵⁴).

Анализируя в конце 70-х годов не потерявшую актуальности проблему последствий вьетнамской войны, указанные авторы писали, что эта война была «крушением», «самым катастрофическим из всех внешнеполитических мероприятий Америки», в результате которого «белый человек был окончательно изгнан из континентальной Азии, кроме Гонконга и Южной Кореи, причем аме-

риканцы покинули ее последними»; подсчитывались потери за 22 года войны в Азии (вторая мировая, Корея, Вьетнам) — 120 тыс. убитыми, 530 тыс. ранеными — и делался вывод, что они были напрасными¹⁵⁵. Указывалось, что последствия войны разрушительны не только для Вьетнама, но и для самой Америки. В их числе — коррумпирование американских институтов, деморализация армии, эпидемия подслушиваний и слежка, дело Элсберга и т. п.¹⁵⁶

Либеральная литература осудила поддержку Соединенными Штатами Пакистана в войне 1971 г., неспровоцированную агрессию против Камбоджи, вмешательство во внутреннюю борьбу в Анголе, Намибии. Были подвергнуты критике агрессивные действия США в Латинской Америке, начиная от роли Вашингтона в подавлении чилийской революции в 1973 г. (С. Браун) и восьми попыток ЦРУ убить Кастро (А. Шлезингер), кончая кризисом, связанным с Фолклендскими островами, интервенциями и подрывными действиями против государств Центральной Америки — Доминиканской Республики, Никарагуа, Сальвадора (Рознфелд). Позитивно оценивая итоги ставки на Израиль в ходе затяжного ближневосточного кризиса, в том числе, хотя и не безоговорочно, «челночную дипломатию» Г. Киссинджера, новые отношения с Египтом и курс на «общее оттеснение» СССР на Ближнем Востоке, американский автор тем не менее отмечал, что эта победа «немногого стоила», поскольку мир так и не был установлен¹⁵⁷.

Подводя итоги, либеральные авторы делают вывод, что «теория домино» оказалась ошибочной, а политика Р. Рейгана в освобождающихся странах — это новая цепь неудач. Рейган не добился успеха ни в Намибии, ни в Западной Сахаре, ни в Центральной Америке, испортил отношения не только с Москвой, но и с Пекином и т. д.¹⁵⁸

Однако в отличие от радикальной критики прогрессистов либералы сопровождали свои оппозиционные оценки целой серией оговорок, оправдывавших США или отдельных американских представителей. Так, в связи с Вьетнамом А. Шлезингер доказывал, что войну развязал не Дж. Кеннеди, а Л. Джонсон, хотя первый и сделал некоторые «излишние» уступки военщине. Л. Джонсон, по мнению Шлезингера, не продолжатель курса Кеннеди во Вьетнаме, как это обычно трактуется, а виновник возникновения войны, и проявил он такую инициативу... из ненависти к Р. Кеннеди¹⁵⁹. С. Браун объяснял поддержку Сайгона Соединенными Штатами «до самого конца», т. е. политику «вьетнамизации», стремлением Р. Никсона — Г. Киссинджера избежать унижительной капитуляции, которая могла бы вызвать новые волнения в США¹⁶⁰. Либеральная литература в целом изображала войну как ошибку, но отнюдь не преступление, поскольку первоначальные цели США были якобы благородны — «спасение демократии» во Вьетнаме, «воссоединение нации». Навязывание капиталистического пути развития, варварская интервенция США подавались, таким образом, в привлекательном виде. Здесь нельзя не согла-

ситься с язвительной оценкой прогрессистов по адресу умеренно либеральной оппозиции¹⁶¹.

Одним из излюбленных оправдательных аргументов либералов была ссылка на позицию общественности, народа в целом. С. Хофман писал в связи с «ошибочным применением к Вьетнаму доктрины сдерживания», что оно было продиктовано укореившимися в Америке «мифами и верованиями», которые бывают сильнее трезвых соображений практических политиков¹⁶².

Аналогичные аргументы приводились в связи с агрессией на Ближнем Востоке. «Игнорируя очевидный факт, что арабы стремились лишь вернуть свою территорию, захваченную Израилем в 1967 г.», общественное мнение США, пишет С. Эмброуз, рассматривало Израиль как жертву агрессии, конгресс неизменно голосовал за предоставление Израилю оружия¹⁶³. Тот же автор, осуждая интервенцию США в Доминиканской Республике, оговаривался, что, хотя эта маленькая республика явно не могла угрожать США, американцы «верили», что за нею последует вся Латинская Америка¹⁶⁴.

В 1939 г., пишет Эмброуз, США имели армию в 185 тыс. человек, годовой военный бюджет в 500 млн. долл., нигде за рубежами страны не было постоянно расквартированных американских войск, доминирующим политическим настроением был изоляционизм, безопасность обеспечивалась океанами, удаленностью от возможных врагов. А через 30 лет США уже имели постоянную армию свыше 1 млн. человек, военный бюджет свыше 100 млрд. долл., военные союзы с 48 государствами, 1,5 млн. солдат, расположенных в 119 странах и возможность несколько раз уничтожить весь мир. Они вели войну в Корее, втянулись в кровавую авантюру в Индокитае, совершили интервенции против Ливана и Доминиканской республики, вторглись на Кубу, поставляли громадные количества оружия другим странам.

Правильно указав на резкое усиление милитаризации США, автор, однако, спешит переложить вину за агрессию на американский народ. «Очевидное большинство американцев», пишет он, «...поддерживало политику интервенции с целью воспрепятствовать коммунистической экспансии — позиция, позволяющая лидерам США взять на себя роль мирового полицейского». Из-за националистической позиции рядовых американцев, утверждает С. Эмброуз, нельзя надеяться на более реалистическую, осторожную, дешевую внешнюю политику и в дальнейшем¹⁶⁵. На общественное мнение как виновника агрессивного курса ссылался и С. Хофман. Хотя Киссинджер и Никсон, отмечал он, к середине 70-х годов начали лучше понимать ситуацию и содействовать сближению с развивающимися странами, американский конгресс и общественное мнение оказались неподготовленными к такому повороту¹⁶⁶.

Повторялись и аргументы о «равной вине» США и СССР в возникновении общей нестабильности в развивающихся странах, что также, хотя бы наполовину, «обеляло» политику Вашингтона.

Так, говоря о том же Вьетнаме, Дж. Геддис ставит на одну доску помощь СССР законному правительству в Ханое и затраты США на интервенцию. Он пытался также проводить параллель между поражением Америки во Вьетнаме и событиями 1968 г. в Чехословакии¹⁶⁷. С. Эмброуз, детально рассмотрев историю ближневосточных кризисов, трактовал ее как результат попеременного вмешательства СССР и США¹⁶⁸. В итоге империалистическая экспансия и помощь народным революциям ставились на одну доску.

Отдельные авторы отмечали, что, оценивая ситуацию в Афганистане, следует принимать во внимание интересы СССР — исторические связи, географическую близость, религиозно-этнические проблемы, советский принцип защиты освободительных революций. Поэтому, подчеркивали они, воспринимать советскую помощь как начало широкого наступления на Среднем Востоке — явная «ошибка»¹⁶⁹. Многие либералы тем не менее включились в кампанию о «советской агрессии» в Афганистане, оправдывая таким образом американское вмешательство в пользу контрреволюции¹⁷⁰. Они игнорировали известный факт, что ограниченный контингент советских войск был направлен в Афганистан «ради того, чтобы, во-первых, помочь революционному правительству Афганистана отразить внешнюю агрессию и, во-вторых, помешать превращению Афганистана в антисоветскую базу на южных границах СССР», в соответствии с советско-афганским договором 1978 г.¹⁷¹

В целом в работах либеральных авторов можно найти немало оправданий агрессивного курса США против Национально-освободительных движений и развивающихся стран, оправданий часто не прямых и снабжаемых оговорками, но тем не менее свидетельствующих, что либералы не чужды идеологии колониализма.

Главной бедой, считали либералы, была не сама агрессивность американского курса, а ее неэффективность, те поражения, к которым этот курс неизбежно приводил в обстановке «общего восстания третьего мира». Это заставляло их попытаться глубже проанализировать отношения с развитыми странами. В результате на смену традиционной прямолинейной концепции «права» США на «руководство свободным миром» и «защиту демократии» на всем земном шаре — концепции, в свое время разделявшейся и либералами¹⁷², — в рассматриваемые годы в либеральной литературе все больше выдвигалась на передний план прагматическая оценка действий США с точки зрения их результата.

Новая концепция исходила из того, что «морализм» и «идеализм» (в смысле антикоммунизма), военное «сдерживание», если и были пригодны в первые послевоенные годы, оказались полностью несостоятельными в современной ситуации.

После наступательной политики Вашингтона 40–60-х годов в Азии и Латинской Америке к середине 70-х годов «маятник качнулся назад, к новому изоляционизму», считает С. Эмброуз.

Началось осознание ограниченности мощи США. Крах «сдерживания» в ходе событий в Индокитае привел к пониманию, что силой оружия, курсом на создание империи многого не достигнуть. Пришла пора извлекать уроки, хотя, признается автор, никто не понимает, какие¹⁷³. Другие авторы полагали, однако, что урок ясен. По отношению к развивающимся странам проводилась политика «холодной войны», разжигание страха перед коммунизмом играло определенную роль. «Глубокая, инстинктивная вражда к демократическим реформаторам и популистским движениям», оказываемое Вашингтоном предпочтение «военным, дисциплинированным, легитимным силам» — вот то, что определило неверную ставку США и привело к поражениям, писал С. Браун¹⁷⁴.

Поражение США сначала в Китае, затем во Вьетнаме — результат игнорирования внутренней ситуации в этих странах, нелепого убеждения, что США могут силой навязать свои идеалы, делал вывод С. Хофман. Для Америки, продолжал этот автор¹⁷⁵, речь шла всего лишь об ограниченной войне, для вьетнамцев же — о борьбе за свободу и единство нации; исключение коммунистов из числа искренних националистов, как и ставка на Сайгон, было утопией; «теория домино» помешала Вашингтону увидеть специфические условия в каждой стране Азии, а кроме того, означала огромное преувеличение возможностей противника. Хотя Г. Киссинджер и изменил политику во Вьетнаме, взяв курс на *политическое* урегулирование, это ничего не дало, так как основной целью по-прежнему оставалась поддержка антикоммунистического режима на Юге страны. Лозунг «защиты стабильности во всем мире» оказался неверным, так как его содержанием был антикоммунизм, в конечном итоге — препятствие любому выражению недовольства, любым реформам. М. Шульман, С. Рознфелд также подчеркивали, что причина неудач США в развивающихся странах состояла в нежелании признать уменьшение своих возможностей, в упорном взгляде на все события исключительно сквозь призму антикоммунизма, в априорной враждебности к любым антикапиталистическим режимам.

Г. Моргентау, «патриарх школы политического реализма», как называют его советские исследователи, на семинаре в Вашингтоне в 1980 г. приводил в пример ситуацию с заложниками в Иране. 30—50 лет тому назад, говорил он, было бы невероятно, чтобы так «испытывалось терпение» США. Ядерное оружие сделало использование войны, ранее бывшее *ultima ratio*, невозможным — ни в Иране, ни в Афганистане. США не могут прибегнуть к прямому военному вмешательству, так как это грозит перерасти в ядерную войну. В то же время мышление осталось прежним. «Мы все еще оперируем давно обесценившимися процедурами и институтами». «Я не имею конкретных предложений, — заявил тогда Г. Моргентау, — применять силу и нельзя, и надо, Ясно лишь одно: нам остается либо жить вместе, либо умереть вместе». Динозавры, напоминал он, не смогли приспособиться к но-

вым условиям — человечеству грозит их судьба, если оно не сможет учесть современные реальности¹⁷⁶.

М. Шульман призывал к рациональной, взвешенной, разумной политике в противовес «антикоммунизму, который означает механический подход к движениям в третьем мире, когда состязание Восток — Запад заслоняет местный национализм и другие причины конфликта»¹⁷⁷.

Итак, приспособиться. Но как? Решать новые проблемы новыми методами. Но какими? Здесь либеральные авторы расходились во мнениях. Все были согласны лишь в том, что предпочтение следует отдать способам невоенным. Но каким все же? Некоторые авторы прямо заявляли, что новые методы пока не найдены (Г. Моргентхау, С. Эмброуз), другие предлагали свои рецепты. В целом они сводились к трем предложениям: «сокращению обязательств» (т. е. военных гарантий другим странам); дифференцированному подходу к различным регионам мира; реализации идеи нового экономического порядка, «подправленного» американской «помощью».

За сокращение «обязательств» активно выступал Дж. Кеннан. Может ли Америка продолжать свою роль мировой сверхдержавы, спрашивал он, указывая, что возможности США влиять на мировые дела значительно сузились. Кеннан призывал свести «обязательства» к минимуму, говоря, что ничего страшного не случится, если, например, предоставить самой себе Анголу — «никто не может всерьез поверить, что Ангола будет превращена в советскую республику по образцу Узбекистана»¹⁷⁸. Но, как видно из контекста ряда выступлений этого автора, речь шла об уменьшении именно военных обязательств, военного вмешательства.

Однако Кеннан не предполагал отказа от экономических средств воздействия, особенно при условии избирательного их применения, учета конкретных условий. США не могут решить такие глобальные проблемы как недостаток продовольствия, перенаселение и т. п., но они могут содействовать их решению снижением своего протекционизма, помощью через международные организации, проявляя во всем остальном безразличие.

Дж. Кеннан конкретизировал этот общий подход на примере политики США буквально на всех континентах. Он рекомендовал следующее решение проблем, стоящих перед американской политикой в отношении развивающихся стран.

— Прекратить поддержку антикубинской эмиграции, признать *de facto* правительство Кастро (что не означает одобрения режима или даже обязательности назначения посла, оговаривается автор), избегать «сверхреакций», театральных жестов; в том же духе урегулировать отношения с Панамой (как раз в эти годы шли переговоры о Панамском канале, завершившиеся договором 1977 г.). «Расслабьтесь! Оставьте их в покое!» — взывал Кеннан. США не имеют подлинно жизненных интересов в Центральной Америке и должны «вполне довольствоваться всего лишь ролью „активного фактора“ в ее делах». В Латинской Америке в целом

автор рекомендовал либерализовать экономические отношения (цены на сырье и т. п.), но не стремиться к тесным связям во что бы то ни стало — это лишь усиливает непопулярность американцев. «Будем щедрыми во второстепенных вопросах, вежливы при всех обстоятельствах, готовы помочь, когда сможем, но сверх этого — не станем беспокоиться насчет их мнения о нас...» Тогда-то и образуется само собой улучшение отношений¹⁷⁹.

— Снизить активность в Африке. «Комплекс вины» вызвал чрезмерные программы помощи, посылку бесконечных делегаций, советников, деятелей культуры — позицию «искательного просителя». Отчасти этот комплекс вызван страхом, что СССР займет важные позиции в регионе (такова, например, причина американской поддержки антиправительственных группировок в Анголе, южноафриканских расистов в Намибии). Между тем полезнее продемонстрировать, что «мы вполне обойдемся без них». Самым разумным было бы отбросить апартеид и ввести правление большинства: «черные все равно не обойдутся без белых» при решении задач экономического развития, создания квалифицированных кадров и других проблем.

— На Ближнем Востоке США заинтересованы в сохранении государства Израиль и должны всемерно поддерживать его, но только не своими войсками. Следует содействовать арабо-израильскому соглашению, прямо в нем не участвуя¹⁸⁰. (Это писалось в 1977 г., а в 1978 г. при посредничестве президента США было подписано известное соглашение между Египтом и Израилем в Кэмп-Дэвиде.)

— «К востоку от Ирана»¹⁸¹, на всей обширной территории, включающей Афганистан, Индию, Пакистан, Индонезию, Юго-Восточную Азию, США не имеют жизненных интересов. Со всеми этими странами следует установить «корректные и прохладные отношения, как дипломатические, так и торговые», — никакого политического вмешательства, военной помощи, участия в региональных пактах, стремления изменить режимы. «Это всегда было нашей традицией в делах с отдаленными странами, пока безумие повсеместной вовлеченности не охватило нас в послевоенный период». Дж. Кеннан предлагал прекратить военное присутствие США на Филиппинах, в Юго-Восточной Азии, в Пакистане.

— На Дальнем Востоке настало время начать сближение с КНР, с которой США разделяет, утверждал Дж. Кеннан, не коммунистический режим, а вопрос о Тайване. Постепенно, не торопясь, сдвигаться к непризнанию Тайваня. Однако, пишет Дж. Кеннан, «я решительно не одобряю» попытки использовать сближение с КНР против СССР, поскольку это может вовлечь США в советско-китайский конфликт, будет отягощать отношения с СССР; утверждение, что американо-китайская общность интересов больше советско-китайской, остается недоказанным¹⁸². Должно быть взято за принцип, что ухудшение отношений между третьими странами — не в интересах США. К этому Кеннан

прибавлял совет «постепенно и разумно» избавиться от военных обязательств в Южной Корее и, главное, рассматривать Японию как краеугольный камень всей политики США на Дальнем Востоке.

Из этой программы явствует, что взгляды Кеннана кое в чем приближались к взглядам прогрессистов. Его не случайно обвиняли в изоляционизме. В полемике с консерваторами сам Кеннан ставил вопрос, кем же он в конце концов является: «воителем холодной войны или ревизионистским историком» (отвечая, по сути дела, тем и другим)¹⁸³. Но в целом можно сделать вывод, что речь шла не столько о ревизии всего курса США в отношении развивающихся стран, сколько о призыве к проявлению реализма, к трезвому учету новой обстановки и озабоченности поражениями США, о поисках более успешной политики, базирующейся на невоенных методах. Характерно, что частичное осуществление описанных выше рекомендаций Дж. Кеннана неизменно выливалось в проведение реакционной колониалистской политики (Панама, Кэмп-Дэвид) — повторялась история «сдерживания»: благие намерения либерала усилиями правящих кругов США воплощались в практику империалистическую и агрессивную, последствия оказывались «не совсем теми», какие предполагал автор.

Новоизоляционистские мотивы характерны и для рекомендаций С. Брауна¹⁸⁴. Г. Киссинджер, писал этот автор, лишь к концу своего пребывания в должности государственного секретаря стал понимать то, что Дж. Кеннеди видел еще в 1960 г., а именно что США, влияя на развивающиеся страны экономическими средствами, оказывая помощь в налаживании образования, здравоохранения и т. п., в остальном должны «занять неоизоляционистскую позицию, не вмешиваясь в путаницу событий в третьем мире».

Региональный подход как способ преодолеть испытываемые США трудности в «третьем мире» отстаивали М. Шульман, Х. Бинен и некоторые другие авторы. Они предлагали не исходить из общей конфронтации с СССР, как это имело место в политике и практике США, когда любой конфликт рассматривался исключительно как «агрессия коммунистов», требующая немедленного отпора. Надо, считали они, подходить дифференцированно: сократить повсеместное военное присутствие Америки, заранее ограничить себя лишь «жизненно важными» районами (соответственно рекомендации Дж. Кеннана), вести среднюю линию: решать вопрос о вмешательстве, каждый раз исходя из конкретных, чисто местных условий.

«Эффективная политика в третьем мире», писал М. Шульман, «должна начинаться скорее с локальных мер в каждом отдельном случае, чем с трактовки всех локальных конфликтных ситуаций как столкновений в процессе общего соперничества Востока с Западом. Военные методы могут оказаться необходимыми, чтобы предотвратить советское военное вмешательство, но они

не составляют адекватного ответа на условия, вызывающие радикальные движения протеста»¹⁸⁵. Поэтому, считает автор, нужны не общие декларации о принципах мирного сосуществования, а соглашения по отдельным регионам, которые лимитировали бы уровень политического вмешательства (в частности, поставки оружия), усиление международных механизмов регулирования конфликтов на местах, изучение причин местных конфликтов на их ранних стадиях. Автор рекомендовал учесть горькие уроки Вьетнама и Ирана, исследовать нужды, настроения, культуру стран, о которых в США, по существу, так мало знали¹⁸⁶.

Х. Бинен, участвовавший в работе двух специальных групп, созданных Советом по международным отношениям для изучения «ответа США на советскую агрессию в Африке в 1978—1979 гг.»¹⁸⁷, поддерживал в «давнем споре глобалистов и регионалистов» позицию регионализма — подход с точки зрения конкретных американских интересов в каждом отдельном регионе, с учетом его специфики, ставя на первое место экономическую мощь США. Он оговаривался, что в ряде случаев приходится рассматривать локальный конфликт в глобальном контексте (например, Африканский Рог и «американские интересы в Индийском океане»), бывает необходимо «сбалансировать оба подхода», но в конечном счете все же «попытки спасти региональные позиции увязыванием вопроса с глобальной политикой и проблемами из других областей, скорее всего, будут иметь кратковременный успех»¹⁸⁸.

Х. Бинен усматривал в политике США в отношении развивающихся стран две главные тенденции — глобалистскую (подход к частным проблемам, возникающим в отдельных странах, с точки зрения общей конфронтации с СССР — идеи «вакуума», «дуги нестабильности», военного отпора и игнорирования экономических связей) и регионалистскую (решение проблем в местном масштабе, использование в первую очередь экономической мощи США). Автор высказывался за политику «регионализма», исходящую из того, что увеличение военной мощи США не является необходимостью, а политические изменения в развивающихся странах не угрожают жизненным интересам США.

Он исследовал борьбу двух тенденций в африканской политике США и пришел к выводу, что администрация Дж. Картера сначала применяла подход в духе регионализма, но после событий в Анголе, на Африканском Роге, в Родезии перешла на позиции глобального противостояния СССР. Общую обстановку надо учитывать, пишет он, но, «если не понимать конфликт на Африканском Роге согласно его собственной природе и перспективам, политика будет построена на песке». В итоге Бинен осуждает «увязывание в один пакет» местных проблем с общими задачами разоружения и американско-советских отношений¹⁸⁹.

В значительной части либеральных работ предлагалось использовать идею нового экономического порядка, выдвинутую странами Азии, Африки и Латинской Америки в начале 70-х годов и отраженную в решениях ООН 1974 г. Речь шла, как из-

вестно, об экономической деколонизации освободившихся государств, более справедливом перераспределении мировых ресурсов о межгосударственном регулировании этого процесса. Авторы этой идеи указывали на моральное право освобождающихся народов требовать компенсации за прошлую колониальную эксплуатацию. Они были поддержаны и странами СЭВ. Что касается США, то после затяжных переговоров и частичных уступок в конце 70-х годов, с приходом к власти администрации Рейгана был взят курс на экономическую гегемонию Америки, устанавливаемую путем поддержки реакционных режимов.

Одобряя идею нового экономического порядка, либеральная литература выдвигала цель «сохранения социальной и политической стабильности». По сути дела, речь шла о том, чтобы направить развитие освободившихся стран по капиталистическому пути, задержать и остановить революционные изменения, причем предпочтение вновь отдавалось невоенным методам, мировому рынку, совместным усилиям всех развитых стран. Поддерживая американские программы «помощи иностранным государствам» (13,6 млрд. долл. в 1983—84 финансовом году), либеральные авторы подробно разрабатывали свою концепцию «помощи», отличную от ее консервативной трактовки.

Много внимания уделялось теоретическим предпосылкам помощи, прежде всего вопросу о причинах отсталости бывших колоний. При этом единодушно отвергался тезис об империалистической эксплуатации как факторе, определившем бедность и отсталость социальной структуры освободившихся государств.

Дж. Кеннан обрушивался на тех, которые считали, что «крупные страны порочны, а малые — невинны и добродетельны», что в отсталости бывших колоний виноваты развитые страны, которые поэтому должны теперь «разделить с ними свое богатство и поднять их до своего уровня», иначе те «поднимутся во гневе». Это нарочито окарикатуренное и упрощенное изложение трактовки проблемы в прогрессистской литературе Кеннан сопровождал собственным объяснением причин отсталости. Европа и Северная Америка совершали ошибки в своей политике относительно «Юга», но не в этом причина отсталости последнего. Мои предки, указывал автор, явились в Висконсин в 1851 г. на пустую, бесплодную землю и сделали ее цветущей без какой-либо внешней помощи: они тяжело трудились, создали самоуправление, не тратили силы и средства на межплеменные войны. Итак, виноваты сами же народы бывших колоний. Выход Дж. Кеннан предлагал следующий: «прекратить пустую болтовню о великом соглашении Севера с Югом», пусть каждый заботится о себе. И нечего бояться упреков в адрес США, «гнева» развивающихся стран — эти страны, в том числе и государства, входящие в ОПЕК, не могут причинить особого вреда Америке¹⁹⁰.

Сказанное выше не означало, что Дж. Кеннан вообще отвергал «помощь» как рычаг американского влияния. По-существу, речь шла все о той же эффективности. Предлагалось предвари-

тельно изучать условия в каждой стране, оказывать помощь коллективно с другими государствами, через международные организации, что придавало бы большую надежность выполнению всех ее условий. Помощь должна иметь ограниченные размеры, США не могут тратить на нее свои ресурсы, американский вклад может составить лишь малую долю того, в чем нуждаются освободившиеся страны, и не глобальное планирование, а решение отдельных конкретных проблем должно лежать в основе помощи.

Подобно Дж. Кеннану, ставившему в пример отсталым народам трудолюбие своих предков, С. Хофман доказывал, что нет никакой вины империалистических государств в слабом развитии «третьего мира». Аргумент об эксплуатации недоказуем, писал он, поскольку отставали в развитии и многие страны, никогда не бывшие колониями. «Эксплуатация», по его мнению, вообще «не научное, субъективное понятие». Сомнительно, что заморские владения приносили большие барыши. Из своих сомнений Хофман делал вывод, что нет обязанности «Севера» помогать развитию «Юга», платить «своего рода дань, репарации». Он объявлял унижительным аргумент о том, что помогать необходимо, поскольку «Юг» может нанести «Северу» ущерб, например отказать в поставках нефти или даже совершить «поворот к Москве».

Но и С. Хофман не отвергал программы «помощи». Он лишь доказывал, что предоставлять ее нужно на условиях более жесткого контроля за ее использованием. Морализм пускался в ход и здесь: исходить следует, писал Хофман, не из несправедливого распределения благ между богатыми и бедными государствами, а из несправедливого распределения внутри этих государств — в соответствии не с «национальной», а с «космополитической» моралью. Необходимо преодолеть нежелание развивающихся стран принимать контролируемую помощь, сопровождаемую указаниями, как распорядиться ею внутри страны. Освободившиеся страны ссылаются на свой суверенитет, однако «государство — не божественное существо», его права не так уж абсолютны, требования «непроницаемого суверенитета» должны быть размягчены.

Достаточно откровенно писал этот автор и о конечной цели: американская помощь должна содействовать таким реформам, которые помогут преодолеть «радикальные альтернативы». Не случайно автор предвидел большое сопротивление, которое будет оказываться предлагаемым им мерам для «преодоления отсталости»¹⁹¹.

Помимо требования «свободы рук» для США в вопросе о помощи, под которую подводилась теоретическая база в виде тезиса об отсутствии «вины за прошлое», либеральная литература выдвигала такие условия, как коллективность действий держав — удобное прикрытие агрессии США и известную гарантию от провалов. Прошлые попытки «навести порядок» потому и кончались крахом, что США действовали единолично, с позиций гегемонизма, утверждали либералы. Новый экономический порядок

должен строиться на сотрудничестве развитых капиталистических стран.

Речь шла, по сути дела, о коллективном колониализме. Это достаточно ясно видно из оценок и рекомендаций С. Хофмана. Обозревая внешнеполитическую деятельность США после второй мировой войны, он утверждал, что США «приветствовали деколонизацию» и это дало им много друзей, хотя исключения, по признанию автора, были: Моссадык, Лумумба, Сукарно. В те годы Америке удалось создать некий частичный порядок в мире, воплощенный в ОАГ, НАТО, ОАЕ, ООН (хотя эта последняя и «не оправдала всех надежд США»), Международном банке, Международном фонде и др. Этот «порядок» не был стопроцентным, он был основан на гегемонии США, но господство Америки, как его характеризует С. Хофман, было уступчивым, и вообще, «увы! порядок и справедливость не являются синонимами»¹⁹². Беда была лишь в том, что США преувеличили свои возможности. Как показали революции в Китае и Вьетнаме, навязать идеалы демократии невозможно. Г. Киссинджер к середине 70-х годов уже начал понимать непреодолимость национально-освободительных движений, но он лишь «приоткрыл дверь» для новой политики «использования комплекса интересов всех держав». Уроком было то, что США не могут более единолично устанавливать «порядок»¹⁹³.

Одним из главных каналов коллективной политики в отношении отсталых стран С. Хофман считал транснациональные корпорации (ТНК). Исходя из отмеченного выше тезиса буржуазных политологов, будто бы ТНК способны руководствоваться не только прибылью, а заинтересованы в социальной стабильности и нередко стремятся поставить «моральность выше извлечения дохода»¹⁹⁴, Хофман доказывал преимущественность опоры на ТНК по сравнению с мерами открытого вмешательства, всякого рода санкциями. ТНК способны понять, что ведение дел с тираном вроде иранского шаха может привести в конечном счете к крупным потерям; частные предприятия и банки могут эффективнее использовать свое влияние, например, в Южной Африке, где санкции себя не оправдали, писал этот автор¹⁹⁵.

Некоторые либералы считали допустимым и политическое вмешательство США во внутренние дела развивающихся стран. Так, наряду с «помощью» предлагалось сочетать защиту «прав человека», но и здесь — осторожно, с разбором, с рядом условий. Допуская вмешательство США под флагом требования «соблюдать права человека», утверждая, что такое требование соответствует «космополитической, универсальной морали», подходу с точки зрения «гражданина мира», С. Хофман в то же время предупреждал против чрезмерной напористости в этом вопросе, указывая на необходимость «практической морали», соблюдения собственной выгоды, учета возможной эффективности такого вмешательства, подхода с точки зрения «гражданина своего отечества». «Если государство-клиент настолько хрупкое, что реформа может

лишь ускорить его крушение, это достаточная причина, чтобы вовремя устраниваться». Катастрофы типа иранской могут произойти, предостерегает Хофман, и в Южной Корее, и на Филиппинах, и в Саудовской Аравии, и в Египте ¹⁹⁶.

Таковы были те методы, которые рекомендовались в либеральной литературе США проповедниками приспособления к изменяющейся обстановке. Независимо от различий и вариантов в предлагаемых методах — с позиций ли изоляционизма, регионализма или нового экономического порядка — среди всех либералов существовало единство по вопросу о преимуществах невоенных действий. Единными были и конечные цели, к которым должна была вести пересмотренная политика — приостановка, торможение, если не полное сведение на нет революций, широких массовых выступлений. Об этом прямо говорил тот же С. Хофман: «Волна местных революций, нацеленных на больший эгалитаризм, может стать абсолютно разрушительной для международных отношений».

Могут ли США, спрашивал он, поддерживать новые режимы, которые «почти неизбежно становятся антиамериканскими»? Возможен ли умеренный мировой порядок на базе революционных государств, ведущих радикальную внутреннюю политику? Автор — надо отдать ему справедливость — не считал победу над революциями «третьего мира» обеспеченной. Это, говорит он, сизифов труд, плавание между Сциллой и Харибдой, но все же он считает неприемлемыми иные решения — как «радикальный утопизм», так и «консервативный тупик» ¹⁹⁷.

В целом ответ либералов на вопрос, как приспособиться, особенно детально развитый в работах С. Хофмана, включал все базовые принципы либерализма: «реформы против революции», широкое использование экономических рычагов, но через международные институты, коллективное вмешательство развитых капиталистических держав и совместное государственное регулирование, апологию монополий в лице ТНК, американский контроль под флагом заботы об индивидуальном человеке. Этот ответ был направлен на упрочение в освободившихся странах ориентации на капиталистический путь развития и укрепление позиций США. Невоенные методы имели ту же задачу, что и военные, но выдвигались на первый план как более эффективные. Прикрытие их защитой «прав человека», «космополитической моралью» должно было сделать такую линию более приемлемой для общественного мнения.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

Конечная цель внешней политики США определялась либералами довольно устойчиво — «мировой порядок». В свое время лозунг «нового мирового порядка» разрабатывался школой «реализма», причем особенную известность получила его интерпретация, данная Г. Киссинджером. Последний рассматривал его

как теоретическое обоснование своей практической политики. Однако в конце 70-х — начале 80-х годов этот лозунг подвергся интенсивной критике как справа, так и слева, прежде всего в связи с оценкой политики Р. Никсона — Г. Киссинджера.

Среди либералов 70-х годов не было единодушия в вопросе о том, нужна ли вообще какая-либо формулировка общей цели. Это соответствовало и отсутствию новой позитивной программы либералов в политике, в частности определенному разброду в демократической партии. Дж. Кеннан прямо отрицал необходимость нахождения какой-то общей цели. Насмешливо оценивая планы создания «мирового братства», он утверждал, что разумнее не заглядывать в будущее больше чем на 3—4 года вперед¹⁹⁸ — лучше сосредоточиться на решении конкретных проблем, на отношениях с отдельными регионами мира.

В разделе своей работы, озаглавленном «Организация международного сообщества», он делал следующий вывод: Америка не может быть полезной для мира в глобальном плане. Столь же бесполезно, по его мнению, и «международное сообщество, организованное с целью эффективных действий на мировой арене через какой-то международный институт»¹⁹⁹. Автор призывал повернуться лицом к отдельным странам и предлагал, как указывалось выше, целую серию соответствующих решений — от нормализации отношений с Кубой и признания, что США не имеют подлинных жизненных интересов в Центральной Америке, до преодоления страхов насчет возможного вхождения коммунистов в правительства Италии и Франции. Он требовал пересмотра ошибочной и алармистской «сверхреакции» на так называемую «советскую угрозу» («идеологический» подход к СССР «устарел на 70—80 лет»²⁰⁰) при одновременном умеренном развитии торговых отношений с СССР; сближения с Китаем, но отказа от использования этого сближения против СССР — политики «равноудаления». США имеют ограниченные возможности влиять на мировые дела, поэтому следует уменьшить американские обязательства до самого необходимого минимума — «гарантии защиты» должны быть даны только Западной Европе, Японии и Израилю (последнему — без использования американских войск и с уменьшением «фантастических поставок оружия») ²⁰¹.

Перед США, писал Кеннан, лежат две дороги — «одна ведет к тотальной милитаризации политики и в конечном счете к прямому столкновению, т. е. к единой катастрофе, другая означает попытку вырваться из смиренной рубашки военного соперничества и пробиться к более конструктивному и обнадеживающему будущему для Америки и всего мира»²⁰².

Противники либералов расценивали такого рода высказывания как изоляционизм. Дж. Кеннан стал изоляционистом, указывал, например, Лэтвак, хотя и не полностью, «не как грубый провинциал, который игнорирует все, чего не знает», и не как левак, считающий роль США в мире злом, — «Кеннан понимает благотворность этой роли, но не осознает подлинность советской угро-

зы, так как совершенно не разбирается в военных делах»²⁰³. Сам Кеннан, задавая вопрос: «Может ли Америка сохранить положение мировой сверхдержавы?» — отвечал, что он лично за изоляционизм, хотя он и не любит этот термин, — за изоляционизм в смысле «сосредоточения на своих собственных делах, неприятия новых обязательств где бы то ни было и сокращения уже существующих обязательств, даже на Ближнем Востоке»²⁰⁴.

Ярлык «изоляционизма», столь легко и охотно приклеиваемый в США к авторам любых высказываний против американской экспансии, вряд ли действительно применим к Дж. Кеннану, взгляды которого значительно отличаются от изоляционизма радикалов²⁰⁵. Просто этот автор в своих предложениях шел дальше большинства либералов, и его оценки приведены здесь лишь как показатель расхождений в либеральном лагере относительно общего курса американской внешней политики.

Если Дж. Кеннан, отвергая необходимость сформулировать общую цель США во внешнем мире, в целом призывал уменьшить прямое вмешательство в мировые дела, то другой виднейший представитель либерализма, А. Шлезингер, также не формулируя общую цель, развивал теорию повторяющихся циклов активности Америки.

«Теория циклов», не только означавшая некий фатализм, но и тесно связанная с идеей всей буржуазной историографии США о том, что будто бы определяет внешнюю политику США не правящая элита, а народ, сменяющиеся настроения масс, неоднократно появлялась и ранее. Так, Л. Блумфилд говорит о тезисе Фрэнка Клинберга, утверждавшего, что каждые 27 лет во внешней политике происходит смена фаз — экстравертной и интравертной²⁰⁶. Сам А. Шлезингер писал в 1980 г., что еще его отец сорок лет назад развивал «теорию циклов»²⁰⁷.

Как историк, занимающийся прежде всего внутренними проблемами развития страны, А. Шлезингер (младший) относил эту теорию к государственному регулированию внутренних проблем, то усиливающемуся, то ослабевающему (примерно каждые 12–20 лет). Но такая идея затрагивала и внешнюю политику, в которой США представляли то экспансионистской силой, то «замкнувшимися в своей раковине».

Так, волна прогрессистского движения, реформ Т. Рузвельта и В. Вильсона сопровождалась вступлением в первую мировую войну; устав «от дисциплины и самопожертвования», «от абстрактных и недостижимых целей», народ повернулся к частной жизни, к гардинговскому лозунгу «возвращения к нормальной фазе». Затем были два неравнозначных десятилетия подъема — «новый курс» Ф. Рузвельта и «справедливый курс» Г. Трумэна, которые опять-таки сопровождались войнами — второй мировой, «холодной», корейской; после «успокоительной интерлюдии» Д. Эйзенхауэра появился активизм «новых рубежей» и «великого общества», а вместе с ними — война во Вьетнаме. 70-е годы А. Шлезингер называет «десятилетием собственного я» (me-de-

cade), усталости и цинизма, но он предсказывал, что в 80-х годах поднимается новая волна активности США.

Оценивая подъемы как приливы американского «идеализма», утверждая, что в эти периоды режим якобы освобождается от коррупции и преобладания частного интереса, А. Шлезингер признает, что «идеализм» содержит и угрозу: «переливаясь через край», он способен втянуть страну в войны. Однако, пишет он, «крестовые походы» за реформы не породили в США «кайзера или Гитлера или японских империалистов», возможно регулирование взрыва, нужна лишь большая осторожность.

В целом А. Шлезингер одобряет периоды активности, считая их неизбежными, а их отрицательные стороны подлежащими сглаживанию. Американская демократия, утверждает он, сдерживает экспансионизм, а политика США в целом определяется психологией народа, законом этой психологии — ее регулярным колебательным движением. При таком подходе «теория циклов» по существу тоже ведет к отказу от выработки какой-либо общей программы, предоставляя будущее стихийному ходу вещей, не зависящей от человека закономерности.

Такие оригинальные, как всегда, своеобразные позиции двух столпов американского либерализма — Дж. Кеннана и А. Шлезингера — не изменили все же того факта, что среди либералов в целом общая альтернатива разрабатывалась и она была прежней — «мировой порядок». Многие авторы продолжали отстаивать эту идею и уточняли ее содержание, вообще говоря достаточно неопределенное и толкуемое по-разному.

В либеральной литературе конца 70-х — начала 80-х годов рассматривались три главных аспекта проблемы: доказывалась необходимость «мирового порядка»; определялась роль США в его создании с учетом таких важнейших факторов, как отношения с СССР и мощь национально-освободительных движений; указывались силы и средства, с помощью которых «мировой порядок» может быть установлен.

Что касается необходимости «мирового порядка», то приводились аргументы как теоретического порядка, выдвигаемые в широком контексте истории цивилизаций в духе А. Тойнби, так и ссылки на конкретное международное положение 70-х годов. Так, Луис Халле в книге «Из хаоса» (1977), пытаясь создать самую общую концепцию истории и обозревая путь, пройденный человечеством в целом, приходил к выводу, что цивилизации погибали, когда основанный на принципах морали порядок заменялся военной силой. В этой связи он пессимистически оценивал судьбу современной западной цивилизации, которой, по его мнению, предстоят два—три столетия хаоса и беспорядков. Если А. Тойнби выражал надежду на торжество разума в конфронтации Восток—Запад и на создание в конце концов мирового правительства, то Л. Халле считал это возможным лишь в весьма отдаленном будущем²⁰⁸. В этой крайне абстрактной концепции, теоретически несостоятельной, поскольку игнорировалась реально происходящая

прогрессивная смена одного социального строя другим, феодализм капитализмом, а последнего социализмом, все же содержался характерный для либерализма элемент — критика «силового хаоса».

Более убедительными выглядели аргументы, связанные с текущим международным положением. Угроза ядерной войны, взаимозависимость национальных экономик, универсальный характер задачи сохранения окружающей среды — все эти проблемы, указывали либералы, с очевидностью требуют установления мирового порядка.

Единственное средство против многочисленных военных угроз, писал еще в 1971 г. Ч. Боулс, создание международного механизма, поддерживающего порядок в мире ²⁰⁹. С. Хофман подчеркивал, что «баланс страха» крайне хрупок и недостаточен, «ограниченная, чистая, хирургическая контрсиловая война» непредсказуема и, скорее всего, невозможна, так как на практике не останется ограниченной, «первый удар» — химера. Подлинный выход из ситуации ядерного всесожжения — переговоры, установление международных «правил игры» и самоограничений ²¹⁰.

Требование мирового порядка, вытекающего из экономической взаимозависимости, детально развивал У. Диболд. В 40-е — 60-е годы, считал он, был все же создан — вопреки утверждениям позднейшей критики — «новый международный экономический порядок», например в лице Бреттон-Вудской системы. В условиях 70-х годов его следует возродить, хотя и на несколько иных основаниях, при уменьшившемся влиянии США, так как альтернатива одна — экономический хаос. Колоссальные трудности остаются, писал автор. Это и требование экономического равенства со стороны развивающихся стран, и необходимость согласовывать свободный рынок с регулируемой экономикой. Однако проблема может быть решена созданием единой мировой экономической системы ²¹¹.

Немало аргументов было выдвинуто и в связи с задачами планетарного характера. «Наиболее важные силы, затрагивающие жизнь человека на планете, становятся все более транснациональными и требуют мер, направленных на создание мирового порядка», — писал Л. Блумфилд. Национальные государства еще долго будут вести себя так, как если бы их суверенитет был стопроцентным, однако проблемы сохранения воздуха, воды, пищевых ресурсов, создания коммуникаций, защиты от болезней и последствий научно-технической революции будут выходить за национальные рамки, «готовы мы к этому или нет» ²¹².

Нельзя не признать общую линию этих аргументов справедливой. Однако, переходя к вопросу о том, как, в каком виде должен быть создан «мировой порядок», и прежде всего какова будет роль Америки в этом процессе, либералы, несмотря на все их критические выпады против гегемонизма, по сути дела, отстаивали гегемонизм США, хотя и в смягченной форме «лидерства».

Прежде всего они решительно выступали против изоляционистских тенденций, столь типичных для прогрессистов. Л. Блумфилд, констатируя, что изоляционистские настроения в США усилились, называл этот подход «твердолобым, односторонним, себялюбивым», означающим стремление к сохранению «полной свободы выбора», что «в возрастающей степени противоречит характеру внешнеполитических проблем, стоящих перед США». Автор пытался опровергнуть даже тот основной тезис изоляционизма, что необходим приоритет внутренних нужд: почему, спрашивал он, решение внутренних проблем должно идти за счет снижения внешнеполитической активности? Эту связь он объявлял незакономерной и даже непонятной²¹³. Между тем вполне очевидно, что одно только распределение расходов уже подтверждает наличие «нулевой суммы» в этом вопросе: чем больше финансируется внешняя политика, и особенно ее военный компонент, тем меньше остается на внутренние нужды.

С. Хофман также выступал против изоляционистских тенденций во всех своих работах. Америка не может целиком отдаться внутренним проблемам, подчиниться поствьетнамскому синдрому и забыть о мировом порядке, писал этот автор в 1979 г.: сохраняют силу заключенные ранее союзы и взятые на себя обязательства, решающее значение отношений с СССР остается, значение американской экономики, роль доллара по-прежнему велика²¹⁴. В мире, где накапливается ядерное оружие, все более усложняется экономика, растет взаимозависимость государств, неизбежна регулирующая роль крупных стран, писал С. Хофман в 1981 г. США должны перестраивать мир не от случая к случаю, по отдельным фрагментам, а иметь целью глобальную реформу. В частности, «контроль над вооружениями со стороны сверхдержавы есть абсолютный долг»²¹⁵. «Мировой порядок — главный приоритет для Соединенных Штатов», — делал вывод С. Хофман²¹⁶.

Тезис о руководящей роли США в установлении мирового порядка, пожалуй, особенно четко прослеживается при оценке либералами двух первых послевоенных десятилетий, когда, по утверждению С. Хофмана, Америке все же удалось создать «хотя бы частичный порядок» в мире — автор имеет в виду НАТО, ОАГ, европейскую интеграцию и установившиеся «правила игры» (США избегали прямых военных конфронтаций в Берлине, на Кубе). В итоге мир стал биполярным, но «выжил», его «не постигла общая катастрофа». Критикуя слабость ООН, автор называет также «другие элементы порядка» — Международный банк, Международный фонд, ГАТТ, ОЕЭСР, транснациональные корпорации. Хотя США господствовали в мировой экономике, они относились «с пониманием» к народам других стран — позволили Европе создать «Общий рынок», Японии — повысить тарифы. Вся эта политика, утверждает Хофман, единодушно поддерживалась американским народом, сопровождалась консенсусом²¹⁷.

Искажение подлинной картины «холодной войны» здесь оче-

видно. Утверждение о консенсусе на деле опровергается брошенной мимоходом оговоркой самого автора о том, что были движение Г. Уоллеса (оно быстро сошло на нет — спасает автор свою концепцию), «великие дебаты», маккартизм. Но ясно одно: господствующую роль США, блоки и организации, где доминируют США, автор считает необходимыми «элементами порядка», якобы одобряемого американским народом. С такой оценкой послевоенного «порядка» солидаризировался У. Диболд. Говоря о экономических отношениях того времени, он писал, что надо признать наличие в 40—60-х годах «нового международного экономического порядка» и использовать этот опыт в условиях 70-х годов, когда приходится «переформировывать мировую экономику». Был ли этот порядок гегемонистским, не допускавшим равного партнерства? Автор отвечает на это отрицательно: при всем своем экономическом преобладании США якобы опирались на согласие и сотрудничество, на убеждение и компромисс ²¹⁸.

Высказываясь за американское лидерство, либералы все же более трезво, чем консерваторы, оценивали его возможности и пределы в условиях 70—80-х годов. Они признавали, что обстановка требует определенных ограничений мировой роли США и новых, более гибких методов создания «мирового порядка». Чем же должны отличаться эти методы от прежнего *Rex Americana*?

Во-первых, отказом от психологической войны, от «крестовых походов».

Тот же С. Хофман высмеивал «сильное моральное сопровождение», созданное в годы развертывания «холодной войны»: «Мир был разделен на две части — „мы“ и „они“, на хороших парней и плохих парней, на свободные страны и угнетателей. Среди хороших парней только американцы обладали мировой ответственностью». В отношении противника предусматривалась его «переделка, приведение к умеренности, если не обращение в нашу веру». Убежденность в американской «исключительности», инстинкт насилия, милитаризация, крайний национализм стали характерными чертами идеологии США ²¹⁹.

Осуждая «крестовые походы», либералы вместе с тем подчеркивали, что это не означает отказа от «моральной политики». С. Хофман, как отмечалось, развивал идею «прикладной этики» и призывал, не боясь упреков в непоследовательности, исходить из «моральных соображений» (т. е. из тезиса о превосходстве капиталистического строя и буржуазной демократии) там, где это выгодно и даст практический результат.

Во-вторых, утверждалась необходимость коллективных действий западных держав, а не единоличный диктат США, большее равноправие среди партнеров. «Соединенные Штаты играют влиятельную роль в мире, но не обладают мандатом от бога», писал Л. Блумфелд. «Прощай, *Rex Americana*», теперь надо «строить коллективную безопасность» ²²⁰. Вмешиваться в международные события следует лишь вместе с государствами-союзниками. США

больше заинтересованы в сильной, пусть независимой и не во всем соглашающейся Европе ²²¹.

С. Хофман призывал проводить различие между «достижимой, практически применимой и эффективной мощью» ²²². Важно понять, писал он, что «мировой порядок не может быть чисто американской политикой», пора отказаться от чрезмерного шовинизма, шире вводить коллективные институты, соблюдать общность действий. Действовать в одиночку — даже США это не по силам ²²³. Мораль мирового порядка означает «долговременные коллективные выгоды, а не краткосрочные или пусть даже длительные национальные преимущества». Кто должен быть лидером в построении мирового порядка — все великие державы или только США? В новых условиях последний вариант «не работает». Необходимы разные лидеры в зависимости от проблемы, «менее монопольное, менее олигархическое руководство», отказ от претензий на гегемонию ²²⁴.

В-третьих, гегемонизму противопоставлялся общий, мировой (т. е. включающий и социалистические страны) баланс сил как основа «мирового порядка», и именно в создании такого баланса должна была прежде всего состоять, по мысли либералов, руководящая роль США.

Л. Блумфилд, предлагая позитивную программу из 10 пунктов ²²⁵, подчеркивал важность баланса международных сил, единственно способного предотвратить ядерную войну и снизить остроту противоречий Запад-Восток, Север-Юг, а также в самом западном лагере.

У. Диболд отмечал, что в новых условиях Соединенным Штатам необходимо построить такую экономическую систему, которая в отличие от Бреттон-Вудской должна включать соглашения о экономическом сотрудничестве с Москвой и Пекином, а также предусматривать выделение определенных ресурсов для развивающихся стран. Бессмысленно, писал он, говорить о новой мировой экономической системе, рассматривая одного из ее участников как врага. Правда, выдвигая эти положения, У. Диболд сопровождал их множеством оговорок: он возлагал надежду на «изменения в экономической практике социалистических стран и дифференциацию в их системах и методах»; говорил о необходимости развивать экономические связи с ними «в реалистическом и экспериментальном духе, не рассматривая это как начало резких перемен»; утверждал, что новый экономический порядок не должен отменять старый — развитые страны будут по-прежнему играть ведущую роль, распределение ресурсов не станет эгалитарным, но будет зависеть от эффективности их использования (при этом автор пытался отрицать, что таким способом возникнет «клуб богатых, управляющий миром») ²²⁶.

Вопросу о роли США в создании «нового мирового порядка» много внимания уделял С. Хофман, в 1980 г. опубликовавший на эту тему специальную книгу — «Первенство или мировой порядок. Американская внешняя политика со времени холодной

войны». Большое место отводится здесь критике идей Г. Киссинджера, выявлению тех отличий, которые характеризуют аналогичную киссинджеровскую концепцию.

В течение 20 лет, писал Хофман в 1980 г., официальная догма и квазиофициальные авторы проповедовали «реализм». Нибур и Нитце, братья Банди, братья Росту, Артур Шлезингер и Генри Киссинджер выступили против «устаревшего, бессильного и нетерпеливого морализма», против соглашений типа пакта Бриана — Келлога, изоляционизма, непризнания, невмешательства, «глупых иллюзий о доверии и законности». Они выдвинули аргумент о «национальных интересах», который означал применение «ограниченной силы для ограниченных целей» в отличие от неограниченной (ядерной) силы, применяемой для общего «сдерживания». И далее: «Национальный интерес требовал политики разумной и просвещенной, без утопий, но и без священного эгоизма»²²⁷. «Эра Киссинджера», считает автор, радикально изменила политику «холодной войны». Были учтены поражения в Китае, Вьетнаме, новое соотношение вооруженных сил с СССР, взят курс на переговоры, на урегулирование конфликтов политическими средствами. Г. Киссинджер, как никто другой, централизовал американскую внешнюю политику и выдвинул на первый план идею мирового порядка. Это была его самая большая, хотя и несколько туманная идея, попытка оснастить американскую внешнюю политику теорией и институтами.

Отдав в немногих словах должное Г. Киссинджеру, С. Хофман немедленно переходит к пространной критике его теорий и практики. Будучи однокашником Киссинджера по университету, Хофман считал себя вправе характеризовать своего коллегу достаточно резко — как человека, обладающего «дьявольской ловкостью» в перехвате чужих идей, «хамелеонской способностью воспринимать взгляды, которые первоначально были ему чужды», что свидетельствовало о его «уме, гибкости, таланте менять курс, когда прежнее направление оказывалось ошибочным»²²⁸. Но это не было просто приспособленчество, отсутствие каких-либо убеждений, смягчает свои оценки С. Хофман. У Г. Киссинджера были свои убеждения, однако самые консервативные.

С молодых лет Г. Киссинджер развивал принцип легитимизма, который стал фундаментом его основополагающей концепции в работах о Метернихе и Венском конгрессе. Он толковал легитимизм как политику, основанную не на морали и справедливости, не на идеологических постулатах, а на международных соглашениях, базирующихся на балансе сил. Важной стороной его теории, на которую в свое время не было обращено должного внимания, пишет С. Хофман, являлось то, что легитимизм не требовал одинаковости режимов, допускал сосуществование различных идеологий. Но все это относилось скорее к методам, чем к цели политического курса, целью же оставалось американское превосходство.

Идя на разрядку, Г. Киссинджер и Р. Никсон преследовали

старую цель консерваторов — утвердить преобладание США в мире (primacy). Идея американского первенства, хотя и оформленная по-новому — в виде плюралистической структуры мира, осталась, по замыслу Г. Киссинджера, все той же старой идеей гегемонии США. Хофман подчеркивал, что в этом был основной порок его концепции, его понимания «мирового порядка». Помимо этого, Г. Киссинджеру не удалось достичь своих целей в результате того, что он, как и Р. Никсон, оказался неспособным учесть значение внутренних демократических сил, «имел мало приводных ремней» к общественности и мало заботился о консенсусе, опираясь лишь на узкий круг специалистов из высшей бюрократии и излишне персонифицировав внешнюю политику. Не учел он и роли национально-освободительных движений — его трилатеризм был, по сути дела, способом обеспечить лидерство США лишь среди развитых капиталистических стран.

В конечном итоге Г. Киссинджер, по мнению С. Хофмана, «оставил двойственное наследие»: с одной стороны, приоритет идеи мирового порядка, с другой — эксплуатацию этой идеи в интересах и к исключительной выгоде США. Между тем США более не могут устанавливать «мировой порядок» единолично. «От периода превосходства, основанного на просвещенном интересе одной нации, мы перешли к периоду вынужденных переговоров и компромисса. Это не означает полного устранения... Но преобладающая держава должна идти на уступки» ²²⁹.

Гегемонистской концепции «мирового порядка» Хофман противопоставил свою концепцию — порядка, основанного на равновесии международных сил, на переговорах как инструменте установления такого баланса, самоограничении государств, на сосуществовании независимо от идеологии, на проведении политики распределения ресурсов. Такой порядок может быть создан, указывал Хофман, лишь очень постепенно, причем ключевой проблемой будет введение международных правил. «Важно понять, что это не будет чисто американской политикой мирового порядка», неким подобием трилатеризма, который в течение 30 лет давал преимущества одной державе, «развивавшей практику, методы, оценки и жаргон глобализма... Альтернатива, которую я предлагаю, пишет С. Хофман, основана на концепции мира, состоящего из многих коалиций и стабильного военного баланса». Это будет «плюрализм, конвергенция наиболее существенных интересов, без попыток Америки дергать за все веревочки», политика, «менее отравленная мировой ответственностью» ²³⁰.

Характерно, что, требуя снижения гегемонизма США, добиваясь руководства миром не в смысле диктата, а в целях создания баланса сил, уравновешенной плюралистической структуры, С. Хофман и другие либералы подчеркивали направленность этой структуры против революций. «Стабильность мира» толковалась как упрочение позиций капитализма, ограничение социалистических тенденций. В этом смысле конечные цели либералов не отличались от целей консерваторов, хотя те изменения в методах, ко-

торые они предлагали, открывали больше возможностей для установления мира и сосуществования государств с различными социальными системами.

Переходя к средствам и способам построения предлагаемого ими «мирового порядка», либералы впадали в привычный для них институционализм, нередко мелочный и отнюдь не радикальный. Авторы-либералы положительно оценивали опыт ООН, хотя и признавали эту организацию недостаточно эффективной. Л. Блумфилд предлагал создать дополнительную, внутри ООН, коалицию государств по совпадающим интересам с обязательством всех членов этой коалиции твердо и неукоснительно соблюдать принятые ею решения. «Чем ждать, когда коммунисты станут капиталистами или бедные государства станут богатыми», писал он, Соединенным Штатам лучше приступить к созданию таких коалиций. Это освободит США от обязанности подчиняться большинству в ООН — при том, что государства большинства не всегда являются наибольшими по населению, экономическому потенциалу, по размеру взносов в ООН — «не преобладают на деле». Через коалиции может быть начат переход от слов к делу, «в направлении работающего мирового порядка»²³¹.

У. Диболд предлагал лучше использовать существующие денежные системы, каналы и формы помощи развивающимся странам. Л. Халле выступал за то, чтобы государственный секретарь США, помимо решения текущих дел, пользовался советами специально создаваемой группы экспертов, рассматривающей политику широко, в комплексе²³². С. Хофман предлагал опираться на деятельность международных организаций, установление «правил игры», международные законы, конференции и переговоры, даже, как отмечалось, на использование ТНК (особенно в отношениях с освободившимися государствами. Он подчеркивал необходимость «очень большой институционализации международных отношений», умения управлять международными кризисами, задачу создания не только экономических, но и новых сильных политических межнациональных организаций («хотя это и непопулярно в США»), а также механизмов контроля над вооружениями.

Инициативными движущими силами в создании разветвленной общемировой организации Хофман считал интеллектуалов, средства массовой информации и системы образования — они в первую очередь, как он полагал, призваны содействовать возникновению «космополитического порядка»²³³.

¹ Арбатов Г., Олджанс В. Вступая в 80-е... М., 1983.

² Богданов Р. Г., Кокошин А. А. США: информация и внешняя политика. М., 1979.

³ Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976. Он же. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М., 1980.

⁴ Уткин А. И. Взаимоотношения США и Западной Европы в американской исторической литературе // Проблемы истории международных отноше-

- ний и идеологическая борьба. Сб. ст. М., 1976. С. 75—99; *Он же*. Кризис концепции атлантизма // США — Западная Европа: партнеры и соперники. М., 1978. С. 336—357; *Он же*. Доктрины атлантизма. М., 1979.
- ⁵ Трофименко Г. А. США: политика, война, идеология. М., 1976; *Он же*. Сквозь призму «баланса сил»: Критика советологических концепций советско-американских отношений // Проблемы истории международных отношений и идеологическая борьба: Сб. ст. М., 1976.
- ⁶ Подлесный П. Т. Американские концепции развития отношений с СССР. М., 1980.
- ⁷ США: военно-стратегические концепции. М., 1980.
- ⁸ Современное политическое сознание в США / Под ред. Ю. А. Замошкина, Э. Я. Баталова. М., 1980.
- ⁹ Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / Под ред. И. С. Галкина. М., 1977. С. 461—490.
- ¹⁰ Переходя к послевоенной историографии внешней политики США, автор прослеживает не указанные выше основные направления, а ведущую роль двух школ — «политического идеализма» (Перкинс, Бемис) и «реальной политики» (Моргентау, Осгуд), отмечая также, что в 60-е годы их потеснило модернистское направление, применяющее методы математики. Соотношение между направлениями и школами, принципами классификации по политической идеологии и методу исследования при этом не устанавливалось.
- ¹¹ Аппатов С. И. Школы и направления в американской буржуазной историографии послевоенных международных отношений и внешней политики США // История и историки. М., 1980. С. 172—189; *Он же*. США и Европа: Общие проблемы американской континентальной политики // Критический анализ буржуазной историографии США. М., 1979; *Он же*: США: ЭПИ, 1981. № 11; 1985, № 1.
- ¹² Михайлов Б. В. Современный американский либерализм: Идеология и политика. М., 1983.
- ¹³ Там же. С. 3. 101, 109.
- ¹⁴ См., напр., сб.: Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополистического капитализма. М., 1980.
- ¹⁵ Гаджиев К. С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии. 1950—1970-е годы. М., 1982.
- ¹⁶ Егорова Н. И. Советско-американские отношения послевоенного перипода в буржуазной историографии США. М., 1981.
- ¹⁷ Пелипась М. Я. Буржуазные историки США о создании Североатлантического блока: (Критический анализ работ 50-х — первой половины 70-х годов) // Европейские государства и США в международных отношениях первой половины XX века: Межвуз. сб. науч. трудов. Л., 1983. С. 20—31.
- ¹⁸ Приставка «нео», обозначающая переход либералов начиная с 1930-х годов от традиционного «laissez faire» к пропаганде государственно-монополистического регулирования, ставшего их символом веры во внутренней политике, не представляется обязательной. Главной сутью либерализма остается тезис «реформы против революции». Он не изменился и в 30-е годы, и в последнее время. Изменился лишь подход к тому, какие реформы необходимы (с 30-х годов — государственное регулирование).
- ¹⁹ «Новые консерваторы», стоящие ближе к консерваторам, чем к традиционным, «рузвельтовским» либералам, рассматриваются в следующей главе. Об этом течения см. также: Гаджиев К. С. Указ. соч.
- ²⁰ Практически каждый автор предлагает свои названия, причем создается впечатление, что порой исходят из бытового, ненаучного понимания читателем слова «либерал», вызывающего положительные эмоции (мягкий, уступчивый человек), и потому избегают называть либералами анти-советских, реакционных исследователей, хотя и реакционность, и анти-советизм органически свойственны буржуазному либерализму. Как бы то ни было, одни и те же лица в работах советских авторов называются не только «либералами» или «неолибералами», но и «умеренными либералами», «реалистами, стоящими на позициях умереннее консервативных»,

- «миролюбивыми буржуазными идеологами», «умеренными консерваторами» (последнее определение отнесено С. И. Аппатовым к Дж. Кеннану, Г. Моргентгау, А. Шлезингеру и т. п.). В американской литературе определение «либерал» еще более расплывчато и также фигурируют многочисленные наименования — «выразители ортодоксальной точки зрения» (Дж. Геддис), «прагматически настроенные» (С. Розенфелд), «противники конфронтации», «сторонники модуса вивенди в отношениях с СССР» (М. Шульман) и т. п.
- 21 *Schlesinger A. Is Liberalism Dead? // New York Times Magazine. 1980. March 30. P. 42.*
- 22 *Hoffman S. Duties beyond Borders. Syracuse, 1981. P. 8.*
- 23 *Encounters with Kennan. L., 1979. P. 2.*
- 24 *Bell D. Cultural Contradictions of Capitalism. 2nd ed. L., 1979. P. XI.*
- 25 *Thompson K. Masters of International Thought. Baton Rouge, 1980. P. 143—144.*
- 26 *Steinfels P. Neoconservatives. N. Y., 1979. P. 2.*
- 27 Это не исключает возможности сдвига вправо и в дальнейшем. Слово «прежние» носит здесь относительный смысл: и в прошлом американские либералы выступали в духе «холодной войны», частично поддерживали маккартизм (см.: *McAuliffe. Liberals and the Communist Control Act of 1954 // Journal of American History. 1976. N 2. P. 351—367*), затем «полевели» под влиянием массовых движений 60-х годов, потом опять «поправились» в 70-е годы. Это колеблющаяся, постоянно подтвержденная сдвигам позиция. Но есть и преемственность, идущая от 1930-х годов.
- 28 *Schlesinger A. Op. cit. P. 42.*
- 29 Неточность перевода термина «welfare state» как «государства всеобщего благоденствия» (или «благосостояния») отмечена А. А. Поповым в его статье, опубликованной в журнале «Рабочий класс и современный мир» (1981. № 5), позже Б. В. Михайловым (Указ. соч. С. 48).
- 30 *What is a Liberal — Who is a Conservative?: A Symposium // Commentary. 1976. Sept.; Historical Perspective on the Future of Liberalism // Center Magazine. 1981. March — Apr.; Is America Right? Ought it?: A Conversation with I. Kristol and A. Schlesinger // Public Opinion. 1978. Sept.—Oct.; Lowi U. End of Liberalism. N. Y., 1979.*
- 31 *Ladd E. C. Liberalism Upside Down // PSQ. 1976—1977, Winter. N 4.*
- 32 *Schlesinger A. Op. cit. P. 42, 70—79.*
- 33 Эдлай Стивенсон — патриарх американского либерализма, автор ряда книг по внешнеполитическим вопросам, был специальным советником президента Ф. Рузвельта по регулированию сельского хозяйства, помощником военного министра в 1941—1944 гг., участником дипломатических миссий и конференций в период второй мировой войны, делегатом, а затем постоянным представителем США в ООН. Будучи одним из лидеров демократической партии, он занимал пост губернатора штата Иллинойс (1949—1953) и дважды, в 1952 и 1956 гг., выдвигался этой партией как кандидат в президенты. Входили в деловую, административную, журналистскую, университетскую элиту М. Банди, Р. Хофстедтер, Ч. Боулс, У. Липпман, Ф. Шуман и др.
- 34 О роли фондов и «мозговых центров» см.: *Шейдина И. Л. «Фабрики мысли» на службе стратегии. М., 1973; Журигин Э. А. «Филантропические» фонды США в системе власти монополий. М., 1978; Philantropy and Cultural Imperialism: The Foundations at Home and Abroad/Ed. B. F. Arnove. Boston, 1970.*
- 35 *Hoffman S. Op. cit.*
- 36 *Ibid. P. 130—134, 178—181.*
- 37 См.: *Гаджиев К. С. Указ. соч. С. 54—57.*
- 38 *Jennings M. et al. Effect of Military Service on Political Attitudes // APSR. 1977. N 1; Robinson M. Public Affairs Television // Ibid. 1976. N 2; Role of Mass Media in American Politics // Annals of American Academy of Political and Social Sciences (далее: AAAPSS). 1976. Sept.; Ethnicity in American Politics 1976. N 3.*

- ³⁹ *Richardson M.* Political Compliance and US Trade Dominance // APSR. 1976. N 4; U. S. and the World: Bicentennial Conference on the Constitution // AAAPSS. 1976. July; *Sandquist G.* Crisis of Our National Government // PSQ. 1980. N 2; *Cronin Jh.* Resurgent Congress and the Imperial Presidency // Ibid.
- ⁴⁰ *Hafner D. L.* Bureaucratic Policies... // Orbis. 1977. N 2. P. 307—334 (показана несостоятельность данной теории на материалах кубинского кризиса 1962 г.: все бюрократические влияния, интересы и т. п. не решали исхода кризиса, главным фактором была взаимная уязвимость, опасность ядерной войны); *Averbach J. D., Rockman B. A.* Clashing Beliefs within Executive Branch // APSR. 1976. N 2. P. 456—468. Критика теории бюрократического компромисса дана в работах советских исследователей: *Петровский В. Ф.* Американская внешнеполитическая мысль. С. 165—167; *Богданов Р. Г., Кокошин А. А.* Указ. соч., С. 23—25, 239—243 и др.
- ⁴¹ *Blechnan B., Nolan G.* Reorganizing for More Effective Arms Negotiations // Foreign Affairs. 1983. Summer. P. 1157—1182.
- ⁴² *Heclo H.* Political Executives and the Washington Bureaucracy // PSQ. 1977. N 3. P. 395—424; *Sundquist G.* Crisis in Our National Government // Ibid. 1980. N 2. P. 183—208.
- ⁴³ *Temple G.* Politics of Nuclear Power // PSQ. 1980. N 2. P. 239—260.
- ⁴⁴ *Sorensen J.* Improper Payment Abroad // Foreign Affairs. 1976. N 4.
- ⁴⁵ *Robinson M.* Television and the Growth of Political Malaise // APSR. 1976. N 2. P. 409—432; *Grossman M. B., Kumar V. G.* White House and the Mass Media: Phases of Relationship // Political Science Quarterly. 1979. N 1. P. 37—56.
- ⁴⁶ Работы А. М. Белоногова, Анат. А. Громыко, Ю. А. Иванова, Э. А. Иваняна, А. А. Кокошина, А. А. Мишина, А. С. Никифорова, Б. С. Никифорова, Е. И. Поповой, В. А. Савельева, С. Б. Четверикова, И. Л. Шейдиной, Ю. А. Шведкова, Т. Н. Юдиной и др.
- ⁴⁷ Об этой школе в историографии и политике США см.: *Каренин А. А.* О школе «политического реализма» // Американская историография внешней политики США, 1945—1970/Под общей редакцией и с предисловием Г. Н. Севостьянова. М., 1972; США: политическая мысль и история/Под ред. Н. Н. Яковлева. М., 1976; *Он же.* Философия политического насилия. М., 1974; *Петровский В. Ф.* Указ. соч. Оценку идеи «баланса сил» см.: *Арбатов Г. А., Олманс В.* Вступая в 80-е... С. 264—265.
- ⁴⁸ См.: *Подлесный П. Т.* Указ. соч.
- ⁴⁹ *Kennan G.* American Diplomacy. Chicago, 1952; *Idem.* Russia, the Atom and The West. L., 1957; *Idem.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1961; *Idem.* Memoirs, 1925—1950. Boston, 1952.
- ⁵⁰ Ibid. P. 356.
- ⁵¹ *La Feber W.* America, Russia and the Cold War. 3rd ed. N. Y., 1976. P. 64—70; *Gaddis G. L.* Containment: A Reassessment // Foreign Affairs. 1977. July.
- ⁵² Encounters with Kennan. L., 1979.
- ⁵³ *Kennan G.* Memoirs, 1925—1950. P. 302—303, 318—323, 330—331, 340—341, 356, 367, 557.
- ⁵⁴ Ibid. P. 354—355.
- ⁵⁵ Ibid. P. 399—413.
- ⁵⁶ Ibid. P. 407.
- ⁵⁷ Ibid. P. 532—546.
- ⁵⁸ Ibid. P. 413.
- ⁵⁹ Ibid. P. 294, 301.
- ⁶⁰ Лекция Дж. Кеннана в Виргинском университете в 1946 г. (см.: Ibid. P. 301), лекции 1951 г. (см.: American Diplomacy) и 1957 г. (см.: Russia, the Atom and the West).
- ⁶¹ *Shulman M.* US — Soviet Relations and the Control of Nuclear Weapons // Rethinking the US Strategic Posture/Ed. B. Blackman. Cambridge, 1982. P. 80—81.
- ⁶² Common Sense in US — Soviet Relations. Wash., 1978. P. 3—4.
- ⁶³ *Shulman M.* Op. cit. P. 77—79.
- ⁶⁴ New York Times. 1981. Nov. 18. P. 35.

- ⁶⁵ Common Sense... P. 4, 6.
- ⁶⁶ Hoffman S. Op. cit. P. 95–100.
- ⁶⁷ Common Sense... P. 1, 3–4.
- ⁶⁸ Schlesinger A. Human Rights and the American Tradition: // America and the World. 1978 // Foreign Affairs. 1978. Vol. 57, N 3. P. 492–502.
- ⁶⁹ Hoffman S. Op. cit. P. 112–123, 135–140.
- ⁷⁰ Schlesinger A. Human Rights and the American Tradition. P. 503–526.
- ⁷¹ Periods of Peril: Window of Vulnerability and Other Myths // Foreign Affairs. 1983. N 4. P. 950–970.
- ⁷² Р. Джонсон участвовал в разработке Национальным советом безопасности ответа на доклады Киллиана (1955 г.) и Гейтера (1957 г.)
- ⁷³ New York Times. 1981. Nov. P. 35.
- ⁷⁴ Schlesinger A. Foreign Affairs. 1983. Fall.
- ⁷⁵ См., напр.: Shulman M. Op. cit. P. 91–92.
- ⁷⁶ Ibid. P. 92–93.
- ⁷⁷ Hoffman S. Op. cit. P. 86.
- ⁷⁸ Ibid.
- ⁷⁹ Ibid. P. 80–81. 84–89, 91.
- ⁸⁰ Арбатов Г., Олманс В. Вступая в 80-е... С. 146–148, 181–182.
- ⁸¹ Foreign Affairs. 1982. Spring. P. 764. В последующей литературе статья эта неоднократно цитировалась, а ее авторы получили ироническое прозвище «банды четырех».
- ⁸² Gervis B. Why Nuclear Superiority Doesn't Matter? // PSQ, 1979–1980. Vol. 94. N 4. P. 617–634. Оценивая концепцию «первого удара» и порожденные ею идеи «контролируемой», «ограниченной» ядерной войны как утопию, автор, однако, трактует их как результат «оборонительных» стремлений США и оговаривается, что полагаться исключительно на «взаимное устрашение» все же рискованно — США должны иметь какие-то возможности «ограниченного ядерного удара» по ракетным базам для демонстрации своей решимости.
- ⁸³ Schlesinger A. Op. cit.
- ⁸⁴ Hoffman S. Op. cit., P. 52–54, 73–75.
- ⁸⁵ Scoville H. MX: Prescription for Disaster. Cambridge, 1981.
- ⁸⁶ Steinbruner G. Nuclear Decapitation. Wash., 1982.
- ⁸⁷ Foreign Affairs. 1983. Fall.
- ⁸⁸ Hoffman S. Op. cit., P. 75–76, 83–85.
- ⁸⁹ Shulman M. History and Mystery // 25th Annual Guy Stanton Ford Memorial Lecture. Minnesota Univ. 1983, May 18.
- ⁹⁰ Shulman M. US — Soviet Relations... P. 78, 98.
- ⁹¹ Ibid. P. 88.
- ⁹² Ibid. P. 90.
- ⁹³ Ibid. P. 91. ⁹⁴ Ibid. P. 97–98, 100.
- ⁹⁵ Foreign Affairs. 1983. Fall.
- ⁹⁶ NATO after Thirty Years/Ed L. Kaplan, R. Clauson. Wilmington, 1981.
- ⁹⁷ America and Western Europe/Ed. K. Kaiser, H. Schwarz. Lexington, 1977. P. 9–12, 47–50.
- ⁹⁸ Ibid. P. 50–51.
- ⁹⁹ Kennan G. J. Cloud of Danger. Boston. 1977. P. 131–136, 228–230.
- ¹⁰⁰ См.: NATO after...; Diebold W. Western Europe, The United States and Canada Facing the Problem of Reforming the International Economic System // America and Western Europe. P. 130–132.
- ¹⁰¹ Богданов Р. Г., Кожошин А. А. Указ. соч. С. 132, 147.
- ¹⁰² Western Security: What Has Changed? What Should Be Done?/Ed. K. Kaiser et al. N. Y., 1981. P. 23–31. Доклад, подготовленный четырьмя институтами: американским Советом по международным отношениям, английским Королевским институтом по международным делам, западногерманским Исследовательским институтом Немецкого общества по изучению внешней политики, французским Институтом международных отношений. Хотя в ряде положений доклада отразился консервативный подход, в целом он воплотил либеральную точку зрения.

- 103 *Diebold W.* Op. cit. P. 130–132.
- 104 *Foreign Affairs.* 1983. Vol. 61, N 3. P. 491–495.
- 105 *Western Security.* P. 21.
- 106 *Ibid.* P. 15.
- 107 *Schulman M.* *History and Mystery...* P. 94–95.
- 108 *Rosenfeld S.* *Testing the Hard Line // Foreign Affairs,* Vol. 61, N 3. P. 489–510.
- 109 *NATO after...* P. 135.
- 110 *Kennan G.* Op. cit. P. 114–119; *Camp G.* *Greek-Turkish Conflict over Cyprus // PSQ.* 1980. Spring. N 1. P. 43–70; *Owen H.* *Tasks of Trilateral Cooperation // NATO after...* P. 296 (Г. Оуэн – в прошлом председатель Совета планирования политики госдепартамента США); *Western Security.* P. 33, 35.
- 111 *Western Security.* P. 12, 34.
- 112 *Kennan G.* Op. cit. P. 125–126.
- 113 *NATO after...* P. 289–298.
- 114 *Ibid.,* P. 20.
- 115 *Diebold W.* Op. cit. P. 133.
- 116 *Rosenfeld S.* Op. cit. P. 490; *Western Security.* P. 22, 35, 39, 40–41.
- 117 *Rosenfeld S.* Op. cit. P. 510.
- 118 *Western Security.* P. 41–47.
- 119 *Foreign Affairs.* 1982. Spring, Summer.
- 120 *Ibid.* Summer. P. 1171, 1172, 1176.
- 121 *Ibid.* P. 1179. Р. Г. Богданов и А. А. Кокосин с полным основанием относят взгляды Э. Равенала к «неоизоляционистскому» течению (Указ. соч. С. 162).
- 122 *Schulman M.* *US — Soviet Relations...* P. 93, 94; *Camp G.* Op. cit. P. 69; *Western Security.* P. 755–756.
- 123 *Western Security.* P. 755–757.
- 124 *Shulman M.* Op. cit. P. 88.
- 125 *Hoffman S.* Op. cit. P. 85.
- 126 *Ibid.,* P. 763, 768.
- 127 *Ibid.* В доказательство эти авторы приводили факты, которые якобы свидетельствовали о неизбежном смягчении позиций тех, кто приходил к власти или оказывался ответственным за решение проблемы: Дж. Бирнс вынужден был согласиться с идеей международного контроля, Дж. Ф. Даллес несколько отступил от концепции «массированного возмездия». Д. Эйзенхауэр склонялся к запрету испытаний ядерного оружия, Дж. Кеннеди изменил свои первоначальные взгляды на мишени, которые следует подвергнуть удару, Л. Джонсон отложил проект создания многосторонних ядерных сил, Р. Никсон пошел на соглашение об ограничении противоракетной обороны, полное развертывание которой считал ранее необходимым. Сдвиги в позициях, уверяют авторы, имели место и в правление Дж. Форда, а также Дж. Картера.
- 128 *Bleckman B. M., Nolan G. E.* *Reorganizing for More Effective Arms Negotiations // Foreign Affairs.* 1983. Summer. P. 1157–1182.
- 129 *Ibid.* P. 1159.
- 130 *Foreign Affairs,* 1982. Spring. P. 764.
- 131 *Shulman M.* *US — Soviet Relations...* P. 98.
- 132 *Арбатов Г., Олманс В.* Вступая в 80-е... С. 5–6.
- 133 *Hoffman S.* Op. cit. P. 8–10.
- 134 *Thompson K.* Op. cit. P. 155–157.
- 135 *Kennan G.* *Democracy and the Student Left.* Boston, 1968.
- 136 *Kennan G.* *Memoirs, 1950–1963.* Boston, 1972. P. 88.
- 137 *Hoffman S.* Op. cit., P. XII, 34, 62, 99–104, 114, 121–122.
- 138 *Bowie B.* *Basis of Postwar Cooperation // America and Western Europe.* P. 47–61.
- 139 *Kennan G.* *Cloud of Danger.* P. 118–122, 129–136.
- 140 *Encounters with Kennan.* P. 17–23; *Kennan G.* *Cloud of Danger.* P. 127–129.

- ¹⁴¹ Griffith W. E. Communist and Socialist Parties in Italy, Spain and France // America and Western Europe. P. 247—270.
- ¹⁴² Hoffman S. Primacy or World Order. N. Y., 1980. P. 236.
- ¹⁴³ Hoffman S. Duties... P. 170—175, 183.
- ¹⁴⁴ Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. Boston, 1978. P. 574, 609, 777.
- ¹⁴⁵ Shulman M. US — Soviet Relations... P. 82—84. О подлинном развитии событий в Анголе, Эфиопии, о помощи Кубы см.: Арбатов Г., Олтманс В. Указ. соч., С. 291—296, 300.
- ¹⁴⁶ Shulman M. History and Mystery. P. 3.
- ¹⁴⁷ Ibid. P. 12.
- ¹⁴⁸ Shulman M. US — Soviet Relations... P. 80.
- ¹⁴⁹ Ibid. P. 99.
- ¹⁵⁰ Арбатов Г., Олтманс В. Вступая в 80-е... С. 306.
- ¹⁵¹ См.: Thompson K. Op. cit.
- ¹⁵² Kennan G. Memoirs, 1950—1963. P. 25—38.
- ¹⁵³ Gaddis G. L. Russia, the Soviet Union and the United States. N. Y., 1978. P. 248.
- ¹⁵⁴ Hoffman S. Primacy... P. 27—29.
- ¹⁵⁵ Ambrose S. Rise to Globalism. 2nd ed. N. Y., 1980. P. 338—339.
- ¹⁵⁶ Hoffman S. Primacy... P. 29—31.
- ¹⁵⁷ Ambrose S. Op. cit. P. 369.
- ¹⁵⁸ Rosenfeld S. Testing the Hard Line: America and the World, 1982 // Foreign Affairs. 1983. Vol. 61, N 3. P. 489—490, 496—501.
- ¹⁵⁹ Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. Boston, 1978. P. 758—776. Дж. Кеннеди послал во Вьетнам 16 723 солдата и офицера, писал А. Шлезингер, но это все же меньше, чем количество военных, направленных Л. Джонсоном в Доминиканскую республику в 1965 г.; до конца 1963 г. во Вьетнаме было убито лишь 73 американских военнослужащих (Ibid. P. 756).
- ¹⁶⁰ Brown S. Crisis of Power. N. Y., 1979. P. 139—152.
- ¹⁶¹ См. главу II.
- ¹⁶² Hoffman S. Primacy... P. 9—10.
- ¹⁶³ Ambrose S. Op. cit. P. 362—369.
- ¹⁶⁴ Ibid., P. 17—18.
- ¹⁶⁵ Ibid. P. 12—13, 17, 340, 361—362.
- ¹⁶⁶ Hoffman S. Primacy... P. 71—72.
- ¹⁶⁷ Gaddis G. L. Russia, the Soviet Union and the United States: An Interpretative History. N. Y., 1978. P. 249, 253—254.
- ¹⁶⁸ Ambrose S. Op. cit. P. 341—369.
- ¹⁶⁹ Johnson R. H. Periods of Peril // Foreign Affairs. 1983. N 4. P. 950—970; Shulman M. US — Soviet Relations... P. 84 (для СССР проблема Афганистана связана с безопасностью границ; следует также помнить, пишет автор, что к моменту событий «от разрядки почти ничего уже не осталось»).
- ¹⁷⁰ Так, например, С. Хофман, выступив в принципе против вмешательства во внутренние дела охваченных революциями стран, писал, что в некоторых случаях «гуманная интервенция» оправдана, и ссылаясь при этом на помощь США афганской контрреволюции (Hoffman S. Duties... P. 46, 62, 216).
- ¹⁷¹ Арбатов Г., Олтманс В. Указ. соч., С. 303.
- ¹⁷² В 50-е годы, Э. Стивенсон, например, писал, что для США экспансионистская тенденция якобы не характерна («консолидация континента за счет индейцев-aborигенов» не должна приниматься во внимание), в результате второй мировой войны на Америку «свалилось» бремя руководства «свободным миром», не имеющее аналогов в истории, притом свалилось надолго, «может быть, навсегда». Приняв на себя «неизбежную ответственность» сопротивления «агрессивному коммунизму», защиты на практике «концепции свободы и индивидуализма», доктрины «самоопределения и независимости» (от европейских держав), США «вынуждены защищать» и страны Азии, Африки, Латинской Америки, содействовать

- «подавлению мятежей» в Индонезии, Бирме, Малайе, Филиппинах, Корее, содержать базы и вооруженные силы по всему миру — от Западной Германии до Японии, от Гренландии до Саудовской Аравии, какое бы возмущение, какие бы обвинения в империализме это ни вызывало (*Stiven-son A. E. Call to Greatness*. N. Y., 1954. P. 11—25, 37).
- 173 *Ambrose S. Op. cit.* P. 14, 18, 21, 339.
- 174 См.: *Brown S. Op. cit.*
- 175 *Hoffman S. Primacy...* P. 23—31.
- 176 *Morgenthau H. Development in Foreign Policy // American Foreign Policy in the 80-th.* Wash., 1980. P. 40—45.
- 177 *Shulman M. US — Soviet Relations...* P. 94.
- 178 *Kennan G. Cloud of Danger.* P. 228—234; *Encounters with Kennan.* P. 17—18.
- 179 *Kennan G. Cloud of Danger.* P. 59—67.
- 180 *Ibid.*, P. 68—79, 228—234.
- 181 *Ibid.* P. 92—99.
- 182 *Ibid.*, P. 100—113, 228—234.
- 183 *Encounters with Kennan.* P. 50.
- 184 *Brown S. Crises of Power: An Interpretation of United States Foreign Policy during the Kissinger Years.* N. Y., 1979. P. 139—152.
- 185 *Shulman M. History and Mystery.* P. 12—13.
- 186 *Shulman M. US — Soviet Relations...* P. 99—100.
- 187 *Bienen H. Perspectives on Soviet Intervention in Africa // PSQ.* 1980. Spring. Vol. 95, N 1. P. 29—42.
- 188 *Ibid.* P. 41—42.
- 189 *Ibid.* P. 29—42.
- 190 *Kennan G. Cloud of Danger.* P. 37—40.
- 191 *Hoffman S. Duties...* P. 158—187.
- 192 *Hoffman S. Primacy...* P. 12, 34, 80; *Idem. Duties...* P. 122.
- 193 См.: *Ibid.*
- 194 *Hoffman S. Duties...* P. 131—132.
- 195 *Ibid.* P. 132—135.
- 196 *Ibid.* P. 137—138.
- 197 *Ibid.* P. 186—187.
- 198 *Kennan G. Cloud of Danger.* P. 233.
- 199 *Ibid.* P. 51.
- 200 *Encounters with Kennan.* P. 22.
- 201 *Kennan G. Cloud of Danger.* P. 100—113, 228—234.
- 202 *Ibid.* P. 9.
- 203 *Decline of the West?: G. Kennan and his critics.* Wash., 1978. P. 98.
- 204 Сам Кеннан отрицает совпадение своих положений с постулатами «школы ревизионизма». См.: *Cold Warrior or Revisionist Historian // Encounters with Kennan.* P. 50—58.
- 205 *Ibid.* P. 17—21.
- 206 *Klinberg F. L. Historical Alternation of Moods in American Foreign Policy // World Policy.* 1952. Jan.; *Bloomfield L. M. In Search of American Foreign Policy.* N. Y., 1974. P. 27.
- 207 *Schlesinger A. Op. cit.*
- 208 *Thompson K. Op. cit.*, P. 159—169.
- 209 *Bowles Ch. Promises to Keep.* N. Y., 1971. P. 286.
- 210 *Hoffman S. Duties...* P. 52—54, 73.
- 211 *Diebold W. Op. cit.*, P. 129—147. P. 129—147.
- 212 *Blomfield L. M. Op. cit.* P. 159—160.
- 213 *Ibid.* P. 132, 165.
- 214 *Hoffman S. A View from Home: The Perils of Incoherence // America and the World.* 1978. *Foreign Affairs.* 1979. Vol. 57, N 3. P. 463—491.
- 215 *Hoffman S. Duties...* P. 199—201, 219—220.
- 216 *Hoffman S. Primacy...* P. 201.
- 217 *Ibid.* P. 16—17.
- 218 *Diebold W. Op. cit.* P. 130—131.

- ²¹⁹ *Hoffman S.* Primacy... P. 19–21.
²²⁰ *Bloomfield L. M.* Op. cit., P. 141.
²²¹ *Diebold W.* Op. cit. P. 132–133.
²²² *Hoffman S.* A View from Home. P. 463–491.
²²³ *Hoffman S.* Primacy... P. 188–200.
²²⁴ *Hoffman S.* Duties... P. 122, 205, 211–212.
²²⁵ *Bloomfield L. M.* Op. cit. P. 136–158.
²²⁶ *Diebold W.* Op. cit. P. 131–145.
²²⁷ *Hoffman S.* Primacy... P. 17–18.
²²⁸ *Ibid.* P. 34.
²²⁹ *Ibid.* P. 87–88.
²³⁰ *Ibid.* P. 249–263.
²³¹ *Bloomfield L. M.* Op. cit. P. 167.
²³² Цит. по: *Tompson K.* Masters' of International Thoughts. Baton Rouge. 1980. P. 159–160.
²³³ *Hoffman S.* Duties... P. 205–213, 220–229.

ЛИТЕРАТУРА КОНСЕРВАТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Поднявшаяся в США в конце 70-х — начале 80-х годов консервативная волна (выражением которой стала победа Р. Рейгана на выборах 1980 и 1984 гг.) не была случайным или единичным явлением. Достаточно напомнить об успехах консерваторов и «тэтчеризма» в Англии, приходе к власти коалиции ХДС—СВДП в Западной Германии, сдвигах вправо в политике руководящих кругов Франции и Италии. Естественно, что этот поворот нашел свое отражение и в состоянии американской политологии и историографии, где тоже стало быстро набирать силу консервативное направление.

Уже в начале 80-х годов консервативные авторы с торжеством провозглашали, что сдвинулась вправо вся ось политической жизни США. Этот процесс, по их утверждениям, не просто коснулся либералов, но затронул большинство из них. «Почти никто не оспаривает факта,— подчеркивал в 1982 г. Р. Сэгер,— что Америка становится консервативной. На выборах начала 80-х годов либеральные кандидатуры не выдвигались ни на федеральном, ни на низших уровнях. Сами либералы переходят на позиции умеренного консерватизма, отражая дрейф вправо в общественном мнении»¹. Б. Пайнс заявлял в том же году, что, может быть, консерваторы еще не преобладают, но доминация либералов подорвана, либерализм «повержен и ранен, хотя еще далеко не убит». Инаугурация Рейгана, провозглашал он,— это инаугурация «новой эры», подобной по значению эре, начатой Ф. Рузвельтом.

Характерно, что в политологии США этот поворот начался раньше, чем он проявился в настроениях избирателей (как показали результаты выборов 1980 г.). Своего рода манифестом агрессивного консерватизма стала коллективная монография, вышедшая в 1977 г. (но многие ее главы публиковались предварительно, еще в 1974—1976 гг.). Книге было предпослано предисловие бывшего министра обороны Дж. Шлессинджера. По словам последнего, в этой публикации «дюжина ученых с мировыми именами и военных экспертов» по-новому взглянули на роль США в мире, «развеели иллюзии разрядки» и показали, что «только США имеют достаточную мощь, необходимую для защиты свободы ... и процветания нашего социального порядка». Среди авторов сборника были: Т. Дрейпер, Ю. Ростон, П. Нитце, Р. Конквист, П. Сибири. Одной из последних работ, в столь же

концентрированной форме отразившей идеи консерваторов, явилось собрание докладов на симпозиуме 1985 г., организованном «Херитидж фаундейшн»².

Хотя подобные оценки и прогнозы были и преувеличенными, и преждевременными, поворот вправо явился несомненным фактом в политике и идеологии правящих кругов США. Однако консерватизм, в частности консервативная историография, утверждал себя не без борьбы, происходившей как в локальных, так и в общенациональных масштабах.

По-видимому, не одиночным является пример борьбы в Стэнфордском университете, описанный одним из авторов журнала «Комментри»³. В 1983 г. в этом научном центре разгорелся конфликт, связанный с позицией Гуверовского института войны, революции и мира, основанного в рамках Стэнфордского университета Гербертом Гувером еще в 1919 г. «Гуверовцы» были известны своими правыми взглядами, а ко времени, о котором идет речь, настолько откровенно пропагандировали «рейганизм», что вызвали недовольство целого ряда профессоров и студентов Стэнфорда — университета, который и сам по себе был достаточно консервативен. Позиция Гуверовского института закрепляла за Стэнфордом одиночную в глазах ряда его собственных представителей «репутацию центра правых»⁴.

Толчком для развития конфликта в Стэнфорде послужило намерение президента Р. Рейгана передать Гуверовскому институту документы и бумаги периода его губернаторства в Калифорнии — «что-то около 25 тонн бумаги», по выражению самого президента⁵. В дальнейшем предполагалось передать в Стэнфорд и документы периода президентства Р. Рейгана, что в целом создало бы основу для своего рода рейгановского центра. В апреле 1983 г. два профессора, Мэпли и Рэбхольц, организовали петицию, собравшую 83 подписи, с требованием расследовать чрезмерные связи Гуверовского института с Р. Рейганом. Аналогичная петиция появилась в среде студентов (1500 подписей). Оба призыва содержали протест против «партийной» ориентации ученых, упреки в получении гуверовцами при новом президенте особых материальных льгот и привилегий. В ответ появилась контрпетиция, подписанная 131 профессором, где по существу оспаривалась сама идея «независимости университета» (указывалось, что связи Гуверовского института с администрацией Р. Рейгана аналогичны отношениям, существовавшим между Гарвардом и президентом Дж. Кеннеди).

«Гуверовцы» обвиняли профессоров — зачинщиков дискуссии в радикализме, маоизме, чтении работ К. Маркса, высмеивали стэнфордских профессоров вообще как не знающих реальной жизни, «живущих в Дисней-лэнде», полагающих, что окружающие их роскошь и комфорт каким-то образом ими заслужены. Таким образом, отчетливо звучали как антикоммунистические, так и демагогические мотивы псевдопопулистского и антиинтеллектуального толка.

«Петиционная война» была дополнена выступлениями с трибуны «Стэнфордского консервативного форума» (организованного еще в 60-х годах в противовес студенческому движению) таких известных консерваторов, как У. Бакли и Г. К. Лодж, приглашенных «гуверовцами», причем потребовалась сильная охрана ораторов и распространялись слухи о подложенных под трибуны бомбах. Появились статьи в местной прессе, где правые еще более четко сформулировали свою реакционную позицию, выводя ее за пределы локального конфликта. Так, П. Дунган, научный сотрудник Гуверовского института, с возмущением напоминал в «Кампус рипорт», что в годы протеста против войны во Вьетнаме студенты устраивали мятежи и демонстрации, занимали помещение ректората, штурмовали и поджигали здания Гуверовского института. Он утверждал, что подобная практика продолжается: консерваторов запугивают, приглашенным ораторам не позволяют говорить. Мало того, призывают к уходу США из Сальвадора, поддерживают сандинистов, в университете действует комитет по расследованию деятельности американского бизнеса в Южной Африке. Между тем, жаловался этот автор, «не было ни одной демонстрации или сидячей забастовки в защиту полпотовской Камбоджи, кубинских эмигрантов, беженцев из Южного Вьетнама, против вступления советских войск в Афганистан, ни одной петиции или письма, чтобы заставить Советы или Кубу уйти из Анголы. Когда вы видели какую-либо демонстрацию, сидячую забастовку, возглавляемую гуверовцем? Видели ли вы когда-нибудь Милтона Фридмана во главе армии орущих „изху“, атакующих помещение ректората?» — с гордостью за верноподданничество «гуверовцев» спрашивал П. Дунган⁶.

Здесь содержалась уже целая политическая программа, выходявшая далеко за пределы вопроса о «рейгановском центре». Аналогично — естественно, на стороне Гуверовского института — выступала большая часть калифорнийской прессы, в том числе «Лос-Анджелес таймс» и особенно «Меркьюри».

Шумная кампания правых, пытавшихся вырвать у либералов лозунг борьбы с «политизацией» Стэнфорда, не могла заглушить тот факт, что в университете сохранялись либеральные, а также демократические, антимилитаристские группировки. Около 200 профессоров выступили с открытыми письмами, в которых протестовали против выполнения университетом военных заказов, осуждали курс Р. Рейгана в целом, говоря о настроениях «презрения, страха и гнева», которые он вызывает, сравнивали тщеславие президента с амбициями Нерона и Гитлера.

Как с возмущением указывали правые, в Стэнфорд был приглашен демократический кандидат в президенты Дж. Андерсон, проводились курсы лекций о странах социалистической ориентации в Африке, о положении «чиканос», женском движении и т. п., в книжном магазине Стэнфорда продавалось 39-томное собрание сочинений Маркса и Энгельса, выпущенное московским издательством «Прогресс», работы А. Грамши (гнев правых вы-

звала даже продажа книг Р. Барнета). В университете распространялись листовки протеста против оккупации Гренады, призывы к демонстрациям против размещения в Западной Европе «Першингов-2» и крылатых ракет.

Борьба в Стэнфорде была лишь частным эпизодом в той более широкой полемике вокруг пересмотра курса США, которая развернулась в описываемое время и характеризовалась наступательной кампанией правых, расширением и распространением консервативных взглядов. Другим проявлением этого процесса была множественность течений, из которых одни были исконно консервативными, другие находились на полпути к консерватизму или почти слились с ним.

Разновидности консерватизма, существовавшие в США начиная с XVIII—XIX вв. и вплоть до современности, рассмотрены в советской литературе⁷. Из этих книг в связи с задачами данной работы необходимо выделить серьезное исследование К. С. Гаджиева⁸, где изложение доведено до конца 70-х годов и большое внимание уделяется не только философским, но и политическим взглядам консерваторов. В рассматриваемый нами период активизировались как старые, традиционные течения консерватизма, так и новые.

В 1982 г. выступил со своими воспоминаниями о Стэнфордском университете и историках старшего поколения известный автор учебников и многочисленных апологетических работ по дипломатической истории США Т. Бейли⁹, представитель «официозной» конформистской школы 40—50-х годов¹⁰. В 1976 г. сторонники чистого индивидуализма, члены «Общества Мон-Пелерэн»¹¹ опубликовали сборник, в котором известный экономист М. Фридман, издатель правого журнала «Нэшнл ривью» У. Бакли, политолог Г. Дитце, экономист Ф. Махлуп и историк Д. Роуч пропагандировали либертаризм, взгляды его идеолога Ф. Хайека¹².

Однако подобные течения отступили на второй план. Энергичнее заявляли о себе представители основного русла консерватизма, где наряду с такими неизменно правыми, как Р. Пайпс, Дж. Лиска, С. Поссони, К. Филлипс, а также П. Дуигнан, Б. Пайнс, Э. Рэбашка, выступали (грешившие в 60—70-е годы «реализмом») Дж. Болл, С. Хантингтон, Г. Киссинджер, У. Кинтер, Р. Осгуд, У. Ростоу, Р. Такер и др. Фактически все умеренные консерваторы, входившие в школу «политического реализма», отказались от того, что составляло суть ее концепций, — от признания необходимости разрядки, лозунга «не конфронтация, а переговоры». Эта школа (как промежуточное звено между либералами и консерваторами на базе некоторого сдвига последних к либерализму) прекратила свое существование.

Типичным образцом этой эволюции могут служить взгляды Г. Киссинджера — консерватора во всех его работах, от самых ранних до последних, однако в конце 60-х и в 70-х годах выступавшего, исходя из реалистической оценки международного соотношения сил, за разрядку, а на рубеже 70—80-х годов ставшего

одним из ее противников¹³. Некоторые из «реалистов» ранее квалифицировались в советской литературе как либералы 60-х годов. В этом отношении характерна фигура З. Бжезинского, которого различные авторы причисляли и к «видным либералам 60-х годов», затем поправевшим (Б. В. Михайлов¹⁴), и к ястребам, к правым, стоящим рядом с Б. Голдуотером, Р. Рейганом и т. п. политическими деятелями¹⁵, и к «промежуточной школе политического реализма» (В. Ф. Петровский, И. Л. Шейдина и др.). Но каковы бы ни были сложность и эволюция взглядов этого известного американского идеолога и политического деятеля, общее мнение состоит в том, что его позиции сдвигались вправо, а на рубеже 70—80-х годов он встал в ряды «новых консерваторов».

Возникновение «нового консерватизма» явилось наряду с отказом многих старых консерваторов от постулатов «школы реализма», характерной чертой исследуемого периода. Появление этого течения столь ясно отразило правый поворот в историографии США, и само оно заняло столь значительное место в политической литературе начала 80-х годов, что среди течений консерватизма его следует выделить особо.

В советской литературе предшествующего периода американские консерваторы, в своем большинстве принявшие принципы государственно-монополистического регулирования и совершившие таким образом значительный отход от позиций традиционного консерватизма XIX и начала XX в., получили название «неоконсерваторов». Однако в 70-х годах совершается новый поворот: значительная часть «неоконсерваторов» отвергла социальное и экономическое регулирование, выступила за резкое сокращение государственного вмешательства и возвращение к частной инициативе, против всей «кейнсианской» политики, проводившейся в США со времен Ф. Рузвельта. Во внешней политике это был отход многих консерваторов от идей школы «реализма». В этой связи термин «неоконсерваторы» в смысле «консерваторы, признающие ГМК и реализм», потерял свое значение.

Сдвиг вправо захватил также большую группу либералов (особенно входивших в школу «политического реализма»), а отчасти и бывших «новых левых». На базе этого поворота и образовалось течение «нового консерватизма», сохраняющее кое в чем либеральные установки, но в основных вопросах согласное с консерваторами. Появление в итоге «самых новых» консерваторов превратило прежних «неоконсерваторов» уже в неких традиционалистов. Возникла терминологическая путаница: «неоконсерваторы» не синоним термина «новые консерваторы», причем во втором случае речь идет о самоназвании (правда, не всеми разделяемом).

К. С. Гаджиев предлагает называть консерваторов 40—60-х годов «социальными консерваторами» или традиционными консерваторами¹⁶. Первое представляется удачнее, так как второй термин уничтожает рубеж между консерваторами до признания ГМК и после этого этапного события. Однако и первый термин

не избавляет от путаницы, так как постоянно применяется к современным «новым правам»¹⁷. По-видимому, нужна какая-то общая договоренность исследователей. Пока же в данной работе для обозначения группы, образовавшейся из бывших «реалистов» — либералов и консерваторов, включившихся в рамки консервативного направления, используется название «новый» консерватизм (в отличие от «неоконсерватизма» 40—60-х годов).

В американской литературе термин «новые консерваторы» появился в 1974—1976 гг. В 1974 г., как отмечает К. С. Гаджиев¹⁸, вышла книга «Новые консерваторы. Критика слева», где сотрудники левого журнала «Диссент» констатировали переход ряда видных либералов на правые позиции (ранее, в 1972—1973 гг., эта работа была опубликована в виде статей в том же «Диссенте»). 19 января 1976 г. в журнале «Ньюсуик» появилась программная статья одного из идеологов нового течения, Э. Кристола, «Что такое новый консерватизм?», ставшая, по мнению американского исследователя П. Стейнфелса¹⁹, исходной точкой в оформлении течения.

Конечно, поворот не совершился внезапно. Признаки «правения» либералов появились еще в конце 60-х годов — как реакция на «эксцессы» массовых выступлений протеста. Так, например, в 1967 г. слывший либералом сенатор П. Мойнихен выступил в совете либеральной организации «Американцы за демократические действия» с речью, в которой призывал предпочесть реформам сохранение стабильности²⁰. Характерно также, что многие либералы, перейдя на правые позиции, не принимали названия «новые консерваторы». Тот же П. Мойнихен и некоторые другие провозглашали, что они истинные хранители либерализма, защитники либерального наследия от радикалов, пытающихся уничтожить американские ценности и традиции. Все это указывало на динамику процесса, его незавершенность.

Для течения «нового консерватизма» характерны, как и для преобладающего большинства других американских политических течений, неоформленность, отсутствие какой-либо разделяемой всеми участниками программы, разнородность состава. Ряды «новых консерваторов» пополнялись и бывшими либералами, и умеренными консерваторами — приверженцами в прошлом школы «политического реализма» (Д. Белл, З. Бжезинский, С. Хантингтон, Л. Колдуэлл, Э. Ледд, П. Мойнихен, Р. Осгуд, Р. Сэгер, Р. Такер, А. Юлэм и др.)²¹, но также радикалами 60-х годов, подчас выходцами из «новых левых», которые составляли наиболее шумную и воинственную группу, объединенную журналами «Комментри» (ежемесячник, публикуемый Американским еврейским комитетом) и «Паблик интрест». Постоянными авторами журнала «Комментри», издававшегося Н. Подгорецом, который побывал и в либералах, и в радикалах и стал в конце концов новым консерватором²², являлись бывший либерал Н. Глейзер, известный советолог и пропагандист сионистских изданий У. Лакёр, теоретик внешней политики Дж. Нюхтерлейн.

Журнал «Паблик интрест» основал в 1965 г. Э. Кристол (в молодости член троцкистской «Молодежной социалистической лиги», издававший с 1953 г. журнал «Инкаунтер» (причем были изобличены его связи с ЦРУ).

После выступлений Э. Кристола против «новых левых» он был приглашен на обед к президенту Р. Никсону и удостоился похвал С. Агню, затем стал профессором Нью-Йоркского университета, сотрудником таких правых изданий, как «Форчун», «Уолл-стрит джорнэл», а также Американского предпринимательского института. Объявленный знаменосцем нового консерватизма, он, однако, не внес какого-либо вклада в историографию, выступая преимущественно в качестве публициста — автора таких работ, как «О демократической идее в Америке» (1972), «Троекратное ура капитализму!» (1978) и т. п. Американский исследователь П. Стейнфельс называет в «группе воинственных молодых антикоммунистов, отколовшихся от старой социалистической партии Нормана Томаса», У. Лакёра, П. Сибири, П. Берджера, М. Новака, Д. Бурстина, П. Дракера и др.²³

Что же объединяло пестрый конгломерат «новых консерваторов» со «старыми» и неизменными, такими, как У. Бакли, Дж. Бэрнхем, Р. Конквест, Г. Кэмпбелл, П. Дугнан, Р. Фостер, Р. Хессен, Дж. Киркпатрик, Дж. Лиска, Р. Пайпс, Б. Пайнс, К. Филлипс, С. Поссони, Э. Рэбашка и др.? Объединяющим началом стал «рейганизм».

Возникновение «нового консерватизма» можно в определенном смысле сравнить с появлением в 60-е годы школы «политического реализма». Подобно тому как данная школа объединила в тот период многих ведущих либералов и значительную часть умеренных консерваторов в поисках новой политики, которая вывела бы страну из тупиков «холодной войны», «новый консерватизм» стремился перекинуть мост между либералами и консерваторами в связи с пересмотром курса, на сей раз уже с правых позиций. И там и здесь речь шла о течениях в среде интеллектуалов, тесно связанных с правительственным аппаратом, являющихся поставщиками идей в процессе формирования политики. Однако в 70—80-е годы поиски были противоположны «реализму».

«Новые консерваторы» призывали к борьбе с «необузданным радикализмом» и «излишком демократии» (в том числе в виде государственных социальных программ), с прогрессивными силами во всем мире, подрывающими позиции империализма США. Если школа «реализма» направляла свои усилия в сторону либерализации политического курса и занималась в основном переосмыслением проблем внешней политики, то «новый консерватизм» создавался на базе реакционных принципов и уделял первоочередное внимание внутренним проблемам — снижению социальной активности государства в интересах частного бизнеса.

«Новые», перейдя на позиции консерватизма в основных его поззрениях, обеспечивали определенную связь и единство тех частей истеблишмента, которые приступили к выработке курса на

смену господствовавшим более 50 лет «рузвельтовским» принципам, желая идеологически обосновать некий консервативный центризм как основное направление на предстоящие годы. Характерно, что на выборах 1976 г. общим кандидатом многих «новых консерваторов» был Генри Джексон, который считался либералом во внутренней политике и консерватором во внешней. «Новые консерваторы» начали свою деятельность еще при демократах и толкали Дж. Картера вправо.

Тот факт, что это течение не просто отражало поправление многих либералов, но явилось попыткой создать промежуточную коалицию, берущую на себя задачу пересмотра курса, подтверждается готовностью известных консерваторов сотрудничать с этими недавними либералами и вхождением в это течение умеренных консерваторов. Не случайно «новые» за короткий срок успели стать влиятельной идеологической силой. В специальной работе, посвященной этому течению, показано, что оно широко представлено в университетах, в сфере средств информации, бизнеса, фондов, профсоюзах, очень влиятельно в правительстве. П. Стейнфельс пишет, что из наиболее престижных американских интеллектуалов он отнес бы к «новым консерваторам» каждого четвертого²⁴.

Крайний фланг консерватизма составляют «новые правые». Они, однако, будучи экстремистами правопопулистского характера, стояли за пределами «школы», не входили в число видных исследователей — ученых консервативного направления, претендуя скорее на роль «вожаков масс», чем руководителей-интеллектуалов, и занимаясь прежде всего борьбой на выборах²⁵.

В данной работе рассматривается консерватизм со всеми его внутренними течениями и модификациями как единое направление. Дело в том, что разногласия и различия между многими разновидностями консерватизма касались преимущественно проблем внутренней политики (государственное регулирование, социальные программы и т. п.). Внешнеполитическая «программа» (формально таковой, естественно, не было) оказалась единой, несмотря на варианты и отклонения (например, крайне шовинистический и реакционный вариант «новых правых», имеющих свои разногласия с консерватизмом рейгановского толка), в главном совпадающей у всех консервативных групп. Поскольку ставится задача выявить крупные и долговременные черты консерватизма — его отличие в целом от либерализма и мелкобуржуазного радикализма, такой подход представляется оправданным. Консерватизм рассматривается по тем же пяти параметрам, по которым описывались два других направления в предшествующих главах.

СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КОНСЕРВАТИВНЫХ АВТОРОВ

Выдвижение и рост консервативного направления в историографии США конца 70-х — начала 80-х годов не случайно совпадают со сдвигом вправо политики президента Дж. Картера и

приходом к власти администрации Р. Рейгана. Это совпадение выявляет те социальные слои, взгляды которых нашли отражение в концепциях консерватизма.

Консерваторы любят выдавать себя за выразителей настроений народа, всей нации. Именно народ повернул, по их мнению, вправо, так как широкие слои американцев «разочаровались» в кейнсианской политике, социальном законодательстве и «мягкости» внешнеполитического курса США, приведшем к неудачам и ослаблению на международной арене влияния страны.

Характерны в этом отношении оценки Г. Кэмпбела, директора Гуверовского института. В 60-х годах, пишет он, в США царили оптимизм, надежды на «великое общество», на ликвидацию бедности с помощью государственных затрат и высоких налогов. Эти надежды не оправдались. Падение производства, инфляция, невыносимые цены на энергию, финансовый крах системы социального обеспечения вызвали в стране широкое недовольство. Во внешней политике в 60-е годы США также рассчитывали на активную роль государства, которое должно было посредством масштабных инвестиций, внедрения американской техники, улучшения системы образования содействовать «модернизации и демократизации третьего мира» (т. е. развития по капиталистическому пути и под контролем США). Этого не случилось, и «сегодня взгляды публики на политику радикально изменились». «Народ», отмечает Г. Кэмпбелл, выступает за сдерживание государственного вмешательства, понижение налогов, сокращение государственного аппарата, непомерно разросшейся бюрократии. Что же касается внешней политики, то «было признано, что Соединенные Штаты не могут экспортировать демократию в другие страны». Соединенные Штаты утратили «чувство цели» и «национальную волю». Америка «не является более господствующей военной силой». Возникла задача пересмотреть курс с тем, чтобы «более эффективно управлять собственной страной и восстановить веру в решительность США как лидера свободного мира»²⁶.

Аналогичная критика справа высказывалась и другими авторами, которые подчеркивали еще один момент: консерватизм, утверждали они, необходимая и здоровая реакция на массовые движения 60-х годов, идеологию «новых левых», порожденную ими анархию, «культурную дегенерацию», негативное отношение ко всем освященным временем традициям Америки²⁷. «Америка становится консервативной», — провозглашал Р. Сэгер, наблюдается «дрейф общественного мнения вправо» как реакция на волнения в студенческих городках, «войну с бедностью» и т. п. явления; государство вновь подчиняется интересам индивидуального человека, «согласно нашим традициям свободы». «Новые консерваторы считают, что американский народ пробуждается от 40-летнего сна»²⁸.

Изображая отход от разрядки, консервативный поворот во внешней политике как закономерный ответ на некую «советскую экспансию», на революции в развивающихся странах и массовые

протесты 60-х годов, правые авторы идентифицировали цели элиты с народными, приравнивали ее интересы к национальным.

Характер перехода США к «рейганизму» освещен в советской литературе. Подлинными причинами подъема консервативной волны были поражения империализма в борьбе с социализмом и национально-освободительными движениями, а также глубокий кризис политики государственно-монополистического регулирования, в течение более чем 50 лет составлявшей основу всей эры «социально ответственного государства» или «государства благосостояния». Однако правящие круги США использовали всеобщее недовольство непоследовательностью и недемократичностью государственного регулирования, негативными для США итогами колониальных войн и интервенций, осуществлявшихся в интересах монополий.

Выдвигая демагогические лозунги о борьбе с засильем бюрократии и истеблишмента восточных штатов, требуя «снять государство с шеи народа», разжигая национализм и шовинизм, руководство республиканской партии сумело повести за собой значительную массу избирателей (не мешает при этом напомнить, что на выборах 1980 г. Р. Рейган — в сплупе необычно высокого абсентеизма, отразившего недовольство обеими партиями, — был избран лишь голосами 27% граждан, имевших право голоса, а в 1984 г. — лишь 30%) и сдвинуть вправо общественное мнение страны. По сути дела, программа Р. Рейгана, откровенно ориентирующаяся на интересы бизнеса, свертывание социальной помощи, гонку вооружений, шла вразрез с интересами широких масс населения. Значительные элементы консерватизма в психологии американских «низов» не имеют ничего общего с консерватизмом официальных кругов, это скорее ностальгия по прошлому, более свободному капитализму, сочетающаяся с поддержкой социального законодательства, а национализм «низов» близок скорее к изоляционизму, чем империализму.

Это в определенной мере признают и некоторые американские авторы, склонные к более глубокому и реалистичному анализу правого поворота, чем того требуют пропагандистские каноны. Прогрессивный автор П. Стейнфелс в своем исследовании констатировал, что «новые консерваторы», претендующие на выражение взглядов народа, на роль «здравомыслящих антиинтеллектуалов», на деле боятся народа и презирают его; они говорят о «городской черни» (Э. Кристал), считают, что допущен «излишек демократии» (С. Хантингтон), требуют «сильного истеблишмента» (Д. Белл); слово «популизм» имеет в их речи презрительный оттенок²⁹. Упомянутый выше Р. Сэгер, перешедший, как он сам пишет в своей книге, из стана либералов в стан консерваторов, признает, что, несмотря на «дрейф вправо в общественном мнении», многие либеральные программы «нового курса» продолжают пользоваться поддержкой избирателей, особенно такие, как «социальное страхование, контроль над зарплатой и ценами, курс на соглашение с Советским Союзом об ограничении ядерных воору-

жений». Требуя усиления опоры на частный сектор, Р. Сэгер сам критикует крайние проекты сокращения социальной помощи государства, такие, например, как требование М. Фридмана лишить получателей этой помощи права голоса, пока они не начнут зарабатывать на жизнь самостоятельно (Р. Сэгер справедливо указывает при этом, что государственную помощь получают также «Локхид», «Крайслер» и другие крупнейшие компании)³⁰.

Сложность и противоречивость социальной опоры консерватизма, обнаружившиеся в процессе сдвига вправо, происходившего в США в конце 70-х — начале 80-х годов, были специально проанализированы такими авторитетными представителями консервативного течения, как Б. Пайнс, К. Филлипс, Дж. Нюхтерлейн, причем все эти авторы, хотя и с разной степенью уверенности, стремились доказать возможность создания прочной и долговременной коалиции двух сил, на которые опирался правительственный консерватизм, — правой части истеблишмента и увлеченных «рейганизмом» низовых групп, именуемых указанными авторами «популистами», «новыми правыми», «средними слоями». Традиционализм, как предпочитает именовать консервативное движение его сторонник и апологет Б. Пайнс («правый» слишком отдает политикой, «консерватор» — идеологией), состоит из двух разнородных частей: с одной стороны, это консервативно настроенные интеллектуалы, управляющие монополий, ведущие республиканцы, с другой — фаланга рядовых граждан, социальных консерваторов, иногда отождествляемых с «новыми правыми». Первые озабочены экономикой, внешней политикой, обороной, вторые — проблемами семьи, школы и т. п. частными вопросами. Респектабельных консерваторов отделяет от «простонародных» стиль поведения, считает Б. Пайнс, интеллектуалы не привыкли к грубо прямолинейному, напористому стилю толпы. Но это противоречие, считает он, будет преодолено, победы республиканцев на выборах тем самым обеспечены. Традиционализм, набирающий силу, откроет новую эру, станет «волной будущего».

Несколько иначе и не столь оптимистически оценивает социальную опору «рейганизма» другой консервативный автор — К. Филлипс, еще в 60-х годах выступивший с предсказанием о распаде рузвельтовской коалиции и выдвижении на первый план республиканцев³¹. В своей новой книге³² он высказывает сомнение в прочности коалиции Р. Рейгана, так как видит в ней засыле «новых правых», «раздраженных популистов». «Популистам», утверждает он, органически свойственна враждебность к истеблишменту, поэтому они никогда не смогут надолго сохранить союз с «респектабельными» республиканцами. Они стоят за прогрессивный подоходный налог и вовсе не заинтересованы в монетаристских мерах «рейганомии», рассматривая их как выгодные прежде всего бизнесу и богачам. Средние слои, может быть, и поддерживают некоторые сокращения социальных программ, но они не хотят их всеобщего уменьшения. Программа Р. Рейгана не работает, предсказывает К. Филлипс, коалиция

распадется, те средние слои, которые поддерживали Р. Рейгана, могут даже броситься в экстремистский радикализм, создать «революционный консерватизм» — нечто весьма похожее на фашистскую диктатуру³³.

Еще одну оценку социального состава сторонников «рейганизма» и его перспектив дает в обширной рецензии на обе отмеченные выше книги Дж. Нюхтерлейн³⁴. Б. Пайнс, отмечает он, будучи в прошлом газетчиком (редактором журнала «Тайм»), склонен к скоропалительным выводам и чрезмерному оптимизму в отношении правого поворота. Демократическая партия остается партией большинства; на выборах 1982 г. избиратели отложили окончательное суждение о Рейгане до осени 1984 г. «Рейганизм — „волна будущего? Может быть! Но не наверняка“». К. Филлипс, по мнению Дж. Нюхтерлейна, чрезмерно пессимистично оценивает будущее рейгановской коалиции и Америки вообще. Неправильно, считает Дж. Нюхтерлейн, отождествлять «социальный консерватизм» с фашизмом, думать, что все его сторонники — истерические фанатики, ностальгические обскурантисты, отличающиеся непримиримостью и бездуховностью. Это трезвый народ, люди здравого смысла. Главная идея рецензента сводится к тому, что нельзя ни переоценивать, ни недооценивать глубину той пропасти, которая разделяет «респектабельную» и «простонародную» части рейгановской коалиции. У них разные цели, хотя и сходные симпатии. Отличие не сводится к стилю поведения, как думает Б. Пайнс, но преодолеть главные противоречия «не невозможно», хотя и трудно.

Каковы же собственные рекомендации рецензента?

Поскольку коренные цели двух сил, составляющих коалицию Р. Рейгана, противоположны, необходимо, считает Дж. Нюхтерлейн, обеспечить руководящую роль респектабельных консерваторов, держать «новых правых» в узде. Для этого важно, чтобы консерваторы четко отделили себя от «непримиримых», от «тех, которые не берут пленных», от «ничего не знающих». В свое время Народный фронт в Европе подорвал свои позиции тем, считает автор, что недостаточно элиминировался от левых элементов. Аналогично консервативное движение погубит себя, если не отграничится от крайне правых. Для Р. Рейгана главное — «не зарываться», оставаться консерватором, но не крайне правым. Но как же все-таки держать в узде «низы»?

Критикуя мрачную перспективу, нарисованную К. Филлипсом, и вообще аргумент о «безличных исторических силах» (т. е. о значении социальной опоры «рейганизма»), Дж. Нюхтерлейн противопоставляет этим доводам указание на роль личности в «делании истории», в данном случае личности Р. Рейгана. Он безудержно восхваляет президента, объявляя его «наиболее эффективным политическим лидером за все последнее время», «консерватором глубокой убежденности», обладающим «громадным политическим мастерством». Он пишет: «Рональд Рейган, к лучшему это или к худшему, наиболее значительный президент в американской по-

литике со времен Франклина Рузвельта (может быть, за исключением Р. Никсона)». Его будут помнить в отличие от Форда или Картера. Хотя он не отличается интеллектуальной глубиной, эта последняя вовсе и не нужна — для политики необходимы «характер и индивидуальность»: «Рейган, конечно, не является глубоким мыслителем, но таковым не был и Рузвельт», которого часто критиковали за поверхностность. Нынешний президент ввел последовательность в американскую политику, сплотил консервативное движение и превратил республиканскую партию в инструмент этого движения.

Дж. Нюхтерлейн соглашается с тем, что «рейганизм» опирается на две разнородные силы, но считает, что никакого разброда в коалиции не видно, что обе ее части — бизнес и «социальные консерваторы» — лояльны лидеру, а этого достаточно. Помимо того, есть определенное совпадение между экономическими требованиями первых и социальными требованиями вторых. Наконец, «социальным консерваторам» некуда уйти от Р. Рейгана: демократам они не нужны, да и нет у них альтернативной программы, «третья партия» — утопия, нет планов и у крайне правых. Проблема Рейгана не идеология и даже не социальная политика, а экономика. Если ему удастся добиться стабильного экономического роста, успех ему обеспечен — «прилив поднимет все лодки».

Помимо личности Р. Рейгана и экономического подъема, автор возлагает надежды на поправление либералов, демократической партии. Демократы, говорит он, могут стать серьезной силой, если поймут, как много вреда они себе нанесли в 60-е и 70-е годы, «балуясь Новой политикой», если они преодолечат «философию Манхэттена, Гарварда и Биверли Хиллс», не будут выдвигать кандидатуры типа Э. Кеннеди и перестанут отвергать компромиссы, диктуемые здравым смыслом.

В целом же, заключает Дж. Нюхтерлейн, республиканцы имеют хорошие шансы на утверждение «новой эры», поскольку они лучше, чем демократы, понимают, что Америка — «страна среднего класса».

При всех различиях и вариантах приведенные выше оценки социальной опоры консерватизма имеют много общего и во многом верны, если не иметь в виду практические рекомендации и общие симпатии авторов к реакции и консерватизму. Не соглашаясь с презрительной оценкой «популизма» и тем более с попытками приравнять его к движениям фашистского типа, рассматривать правый и левый радикализм как единое движение (есть «популизм» Макговерна и «популизм» Дж. Уоллеса, прогрессизм 1948—1952 гг. и маккартизм), следует признать справедливость тезиса о двойственной природе социальной опоры «рейганизма» и мысль о глубокой пропасти, разделяющей в конечном счете «верхи» и временно увлеченные демагогией «низы»³⁵.

С точки зрения историографии существенно то, что консервативное направление представлено в ней «верхами». Это и зако-

померно: анализом истории и политики занимаются прежде всего интеллектуалы, а не рядовые избиратели. «Новые правые» оказали некоторое влияние на теоретические концепции прежде всего той части «новых консерваторов», которая вышла из числа радикалов. В целом консервативное направление, особенно в историографии внешней политики, отразило взгляды правых группировок истеблишмента США.

Консервативные авторы в своем большинстве непосредственно принадлежат к истеблишменту, что подтверждается их постами, их политическими и социальными связями. Среди них — помощники президентов по национальной безопасности, государственные секретари (Р. Аллен, З. Бжезинский, Г. Киссинджер, У. Ростоу), помощники государственного секретаря и постоянные представители США в ООН (Дж. Болл, П. Мойнихен, Дж. Киркпатрик), члены высшего звена внешнеполитического механизма США — Совета национальной безопасности (С. Хантингтон, Р. Осгуд), советники и консультанты отдельных ведомств и т. п. Они работают в самых престижных университетах (особенно часто в Стэнфордском и Чикагском), возглавляют там исследовательские центры и занимают другие руководящие посты. Это члены академий, научных обществ, лауреаты Нобелевской (Г. Киссинджер, М. Фридман, Ф. Хайек) и других премий, обладатели различного рода наград и получатели специальных стипендий из фондов Гугенхайма, Форда, Рокфеллера и др.

Весьма значительно влияние консерваторов на средства массовой информации. Так, З. Бжезинский был обозревателем «Ньюсуик» (1970—1972 гг.), регулярно печатался в журнале «Инкаунтер» (1960—1980 гг.); У. Бакли, в течение более чем 25 лет издающий «Нэшнл ревью», с 1963 г. был автором еженедельной колонки, которая покупалась более чем 330 газетами, ведет одну из еженедельных программ по телевидению; С. Хантингтон в 1970—1977 гг. был одним из редакторов журнала «Форин полиси»; Б. Пайнс, как отмечалось, был редактором газеты «Таймс»; Э. Кристал — журнала «Паблик интрест»; Н. Подгорец — журнала «Комментри».

Особую роль в разработке внешнеполитических вопросов играют консервативные «мозговые центры» или «фабрики мысли», среди которых следует отметить роль Гуверовского института войны, революции и мира как мозгового центра консерватизма в его рейгановском варианте. Уже в 1980 г. американская пресса отмечала эту особую роль института. Так, «Вашингтон стар» писала 16 ноября 1980 г.: «Некоторые из наиболее сильных идей, выдвинутых администрацией Р. Рейгана, будут исходить от группы интеллектуалов, уютно устроившихся в Гуверовском институте войны, революции и мира, расположенном в кампусе Стэнфордского университета... Совершенно ясно, что они окажут гораздо большее влияние на посткартеровскую политику Вашингтона, чем можно предполагать, учитывая капитал института — 35 млн. долл. и годовой бюджет в 6,6 млн. долл».

С этим соглашался «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» (номер от 24 ноября 1984 г.): «За последние годы под руководством директора Гленна Кэмпбелла, одного из давних советников Р. Рейгана, Гуверовский институт расширил свое поле деятельности. Его исследования имеют теперь существенный вес в конгрессе и в исполнительной ветви правительства США». Журнал «Ньюсуик» 1 декабря 1980 г. предсказывал: «Некоторые лучшие умы из Гуверовского института в скором времени начнут помогать рейгановской администрации». Несколько десятков человек уже привлечены в эту администрацию. Публикуя до 30 крупных работ в год, Гуверовский институт, подчеркивал «Ньюсуик», «уже начал оказывать влияние на национальную политику». А известный обозреватель Уолтер Кронкайт, имея в виду Гуверовский институт, говорил по телевидению 10 декабря 1980 г.: «Многие позиции, сформулированные Рейганом во время избирательной кампании, были разработаны фабрикой мысли Западного побережья».

Эти оценки и предсказания подтверждались всей практикой института. В избирательной кампании Р. Рейгана — почетного члена института — участвовал ряд ученых-гуверовцев, «либо получая зарплату (взяв на это время в институте отпуск), либо в качестве добровольцев»³⁶. На торжественном собрании наблюдательного совета 6 января 1981 г. в честь вновь избранного президента Р. Рейган восхвалял институт как «самую яркую звезду в небольшом созвездии консервативных фабрик мысли», как средоточие «честного консерватизма». Президент отметил, что в период выборов он призвал из Гуверовского института больше людей, чем из любого другого. «Я глубоко благодарен сотрудникам Гуверовского института, — заявил он, — за поддержку и советы, которые они мне давали в прошлом и дают сейчас... Я ожидаю подобных советов и в предстоящие годы, так как наилучшие знания и исследования будут практически необходимы в процессе трудного выбора политики, которая повернет страну на 180°»³⁷.

После вступления президента в должность свыше 30 бывших и настоящих сотрудников института получили назначения на административные посты в федеральном правительстве или в качестве членов различных комиссий, среди них — бывший старший сотрудник института Р. Аллен — пост помощника президента по национальной безопасности³⁸, старший научный сотрудник Ф. Хабиб — пост специального посла президента на Ближнем Востоке, один из руководителей института, старший научный сотрудник Р. Стаар, — пост представителя США на переговорах по сокращению вооружений в Вене. Г. Кэмпбелл был единственным представителем академического мира, участвовавшим в совещательной комиссии по составлению кабинета Р. Рейгана, а затем стал членом президентского консультативного совета по иностранной разведке. Старший научный сотрудник института М. Фридман стал членом президентского совета по экономической

политике. Государственные посты получили и такие сотрудники института, как Э. Теллер, У. Ван Клив, Р. Тэрнер. Другие стали консультантами конгресса, Агентства по контролю за вооружениями и разоружением, различных министерств, привлекались в качестве экспертов при обсуждении налоговой реформы (Э. Рэбашка), космической лазерной программы (Э. Теллер) и т. п.³⁹ Все они выступали также перед широкой публикой, пропагандируя рейганизм (лекции, доклады на конференциях и т. п.).

Организованные Гуверовским институтом регулярные «вашиingtonские семинары» играют, как писал директор института Г. Кэмпбелл, «значительную роль в диалоге между учеными и политиками», в принятии правительственных решений⁴⁰. Пять изданий выдержала подготовленная в институте книга под редакцией П. Дуигнана и Э. Рэбашки «Соединенные Штаты в 1980-е годы», переведенная также на шесть языков. Этот интерес объясняется тем, что из 32 ее авторов 18 участвовали в разработке политики Р. Рейгана: Г. Кэмпбелл — внешняя политика в целом, экономическая в частности, П. Дуигнан — курс в Африке и на Ближнем Востоке, Р. Стаар — отношения с СССР и странами Восточной Европы и т. д. «Назначение некоторых авторов гуверовских изданий на посты в администрации Рейгана усилило их популярность и увеличило распродажу их книг... по всему миру», — констатируется в отчете института⁴¹.

Состав руководящих органов Гуверовского института и социальная принадлежность его наиболее видных авторов не оставляют сомнения в том, что это представители верхних слоев американского общества, его элиты. Из членов его наблюдательного совета в 1981 г. (71 человек) свыше половины (42 человека) были руководителями корпораций и банков (среди них — «Леман бразерс», «Кун Леб», «Чэйз Манхэттен бэнк», «Стандард ойл К° оф Калифорния»), несколько деятелей просвещения и культуры (в том числе президент Стэнфордского университета Д. Кеннеди), один генерал и один адмирал в отставке, издатели журналов и газет⁴².

Разрабатывались такие темы, как «Современная корпорация и частная собственность» (конференции весной 1982 г.), «Сокращение государственного вмешательства», «Коммунизм в Центральной Америке и Карибском регионе» и т. п. Институт издает ежегодник по международному коммунизму⁴³. Сотни статей публикуются из года в год работниками института в «Уолл-стрит джорнэл», «Лос-Анджелес таймс», «НАТО ревью» и т. п. органах, перепечатываются в изданиях Англии, ФРГ, Японии и других стран. Их направленность могут иллюстрировать следующие названия: «Терроризм по всему миру: Советский Союз за сценой», «Почему Советы не вторглись в Польшу»⁴⁴, «Крупная корпорация» и т. п.

Значительна роль консерваторов и в других «мозговых центрах», в частности в «Рэнд корпорейшн» (Т. Вулф), Международном институте стратегических исследований в Стокгольме

(С. Хантингтон), в Тройственной комиссии (З. Бжезинский), в Совете по международным отношениям (З. Бжезинский, Э. Л. Хоровиц, С. Хантингтон, Р. Осгуд), в Атлантическом совете (Р. Осгуд). Являясь идеологами бизнеса и военно-промышленного комплекса, пишет П. Стенфелс, «новые консерваторы» действуют через Гудзоновский институт, конференции Аспенского института, «Рассел сейдж-фаундейшн» и т. п. организации.

Социальную сущность консервативного направления наиболее ясно раскрывают его внутриполитические требования. В отношении внутренней политики доминировали два тезиса: 1) государственное вмешательство и регулирование вредно, пора вернуться к «свободному капитализму»; 2) главной причиной внутренней нестабильности в США является «излишек демократии».

Поход против государственного вмешательства сопровождался порой и оговорками, и исключениями, но при всех вариантах и оттенках оставался характерной чертой общей консервативной программы.

В наиболее последовательном виде указанный принцип был сформулирован тем течением консерватизма, которое провозглашало себя продолжением классического либерализма XIX в. или «либерализмом континентальной Европы» и соглашалось на наименование «либертарианского». Так, «Общество Мон-Пелерэн» (председателем его в 1958—1960 гг. был Ф. Хайек, в 1970—1972 гг. — М. Фридман, с 1972 г. — У. Бакли) еще при своем возникновении в 1947 г. в «Заявлении о целях» объявляло, что ценности цивилизации находятся в опасности (как подразумевалось, от коммунизма), поэтому задача общества — прояснить различие между тоталитарным и либеральным строем. В 1976 г. член общества Ф. Махлуп писал: классический либерал «хочет, чтобы индивидуум был свободен от принудительного вмешательства, особенно от вторжений государства»⁴⁵.

Столь же прямо высказывались другие сторонники идей Хайека—Фридмана (как экономисты, так историки и политологи), неизменно трактуя при этом государственное вмешательство как шаг к социализму. В сборнике, посвященном критике идей Дж. Гэлбрейта, У. Бакли безапелляционно заявлял, что Дж. Гэлбрейт — «откровенный социалист», так как «его главная любовь в течение всей его жизни — государство», а между тем «социализм — это несчастье и тирания»⁴⁶. Пора развернуть защиту «свободного капитализма», и в частности не допускать прогрессивно-подоходного налога, призывал У. Бакли⁴⁷. Аналогично, но прибавляя заметные правопопулистские акценты, выступал и Р. Рейган, тогда еще не являвшийся президентом: в Америке, утверждал он, допущено разрастание государства до чудовищных размеров, создана иллюзия, что оно может решить любую вновь возникающую проблему с помощью издания новых законов и ассигнования все новых и новых средств; в итоге выращен «правящий класс политиканов и бюрократов», которому одному толь-

ко и идет на пользу расширение власти правительства, что же касается «свободы индивидуального гражданина», то она все более сокращается; пора поднять веру в способность людей «думать за себя и принимать собственные решения»⁴⁸.

Историки обычно несправедливы к капитализму, утверждал Р. Хартуэлл: они создали мифы о какой-то его зловредности и тем подрывают «свободное общество». Как доказывал Ф. Хайек, замена стихийного механизма рынка сознательным коллективным вмешательством ведет к социализму, а это «дорога к рабству». Пора интеллектуалам осознать опасность⁴⁹.

В советской литературе было показано, что на деле речь не шла о требовании ликвидации государственно-монополистического регулирования вообще: был объявлен поход против программ социальной помощи, но вмешательство буржуазного государства в интересах монополий продолжало усиливаться.

Развивая тезис о вредности государственного регулирования и его «социалистическом» характере, консерваторы прославляли свободу частного предпринимательства. Инфляция, стагнация и другие беды капиталистической экономики, уверял историк из Колорадского университета Дж. Роуч, результат того, что свобода индивидуальной инициативы незаметно и постепенно, без всякой революции или диктатуры, под прикрытием прежней конституции сведена на нет мощной государственной властью, которая, манипулируя демократией, обслуживает собственные нужды; исправить это могут лишь отказ от «коллективизма», от «политизации общества», возвращение к «невидимой руке свободного рынка»⁵⁰. Социалистические режимы не способны обеспечить рост экономики, вопреки очевидности утверждал П. Мойнихен; планирование и контроль замедляют экономическое развитие; американцы же за последние десятилетия перестали верить в собственные идеалы, поддались влиянию «двух образцов социализма»: русского, «тоталитарного» и британского, фабианско-лейбористского⁵¹.

Помимо государственного регулирования экономики, не менее важной мишенью консервативных нападок было социальное законодательство, вся концепция «государства благосостояния». Для развития экономики, теоретизировали консерваторы, необходимо заботиться не о росте потребления, а об инвестициях, не о имущественном равенстве граждан, а об общем экономическом подъеме, не перераспределять богатство через программу социальной помощи: пособия по безработице, бедности и т. п. — это социалистический принцип, а предоставить свободу тем, кто способен обогащаться. Лозунг «не равенство положения, а равенство возможностей» толковался как основная черта капитализма, как уничтожение уравниловки, поощрение выживания сильных.

«То государство лучше всех, которое управляет меньше всех», — цитировал Т. Джефферсона Э. Рэбашка в подкрепление своего требования перестать пытаться решать социальные проблемы, «бросая на них все больше денег». «Суммарная стоимость

всех правительственных программ огромна, и это лишает отдельных индивидуумов тех денег, которые они потратили бы на покупку товаров и услуг по своему выбору... Если правительственное вмешательство будет ограничено, частная деятельность сможет расти и процветать — со всеми вытекающими отсюда благами для американского народа»⁵².

Естественным продолжением протеста против «государства благосостояния», какой-либо помощи трудящимся, были протесты консерваторов против любой критики монополий. Так, выступив в многосерийной телевизионной передаче под руководством У. Бакли (на ее основе позже была издана книга), профессор истории бизнеса А. Мартин обрушивался на Дж. Гэлбрейта (за то, что тот называл первых основателей монополий «баронами-грабителями») и призывал не высмеивать прошлое, а гордиться им, и прежде всего деятельностью Рокфеллеров. Карнеги, компании «Америкэн нордвест» и др., внесших «огромный вклад в экономическое развитие страны на благо всех американцев». Он уверял, что «никто из этих людей не работал ради денег», и расточал похвалы авторам «школы бизнеса»: А. Невинсу («величайшему историку, какого когда-либо произвела Америка»), А. Чендлеру, Дж. Уоллу и другим биографам и апологетам крупных монополистов⁵³.

В том же сборнике Р. Хессен, историк из Гуверовского института, профессор, написавший апологетическую книгу о Ч. Швабе, нападал на Дж. Гэлбрейта за его тезис о неравноправии внутри крупной корпорации акционеров и правления, за его требование, чтобы либо акционеры имели голос в вопросах техники, рынка, финансов, либо акции были бы переданы государству. Отделение собственности от контроля над делами — необходимая специализация, разделение труда, утверждал Р. Хессен. Люди как раз потому и покупают акции, что хотят освободить себя от управления предприятиями, передать эту функцию специалистам. Права акционеров достаточно защищены возможностью в любой момент продать акции и тем выразить свое недовольство: механизм биржи обеспечивает «ежедневный плебисцит». Если миллионы людей добровольно вкладывают свой капитал в акции, по какому праву кто-то требует экспроприации их собственности, вмешательства государства? Это атака на индивидуальные права, возмущался профессор⁵⁴.

Р. Сэгер так оспаривал введенное либералами понятие «социально ответственной» корпорации: социальные функции (пенсии рабочим, здравоохранение и т. п.) удорожают продукцию, а задача корпорации — обеспечивать прибыль своим пайщикам; дело бизнеса — бизнес!⁵⁵

Откровенное прославление монополий и отрицание социальной помощи трудящимся разделяли не все представители консерватизма. Некоторые из бывших левых иначе формулировали проблему «локомотива экономики». Так, Э. Кристол, остро полемизируя с экономистами, «ничего не понимающими в политиче-

ской экономии», заявлял, что для хозяйственного развития страны важнее деятельность не крупных, но мелких предприятий. Необходимо, утверждал он, подойти к вопросу с социологической точки зрения и видеть то громадное различие, которое существует между обществом, где доминируют крупные союзы предпринимателей, и обществом, где преобладает «активный, здоровый мелкий бизнес». Мелкий и средний предприниматель, по его мнению, ключевая фигура для экономического роста и существования свободного общества.

Отсюда Э. Кристол выводил требование о снижении налогов. Большинство консерваторов, указывал он, считают, что такое снижение может быть допущено лишь после выравнивания бюджета. «Нам это не подходит. Мы согласны с Р. Рейганом, который обладает прекрасным политическим инстинктом. Мы понижаем налоги — вот наша программа». Политики с такой программой получают поддержку на выборах. Исходя из той же апелляции к мелкому предпринимателю, к средним слоям вообще, Э. Кристол высказывался за сохранение в определенных ограниченных рамках основных государственных социальных программ. «Новые консерваторы», заявлял он, против патерналистского правления, против повсеместного вмешательства правительства, но за государство благосостояния, за социальное обеспечение в области безработицы, здравоохранения и др.⁵⁶

В этой демагогии, продиктованной заботой об откровенно упомянутой Э. Кристолом поддержке на выборах и социальной опоре вообще, были использованы взгляды той части консервативного движения, которую сами же консервативные авторы окрестили «популистами».

В целом и особенно если брать требования давно окопавшихся «престижных» лидеров, а также всю экономическую программу, тот факт, что консерваторы выражали интересы монополий, истеблишмента, остается несомненным. Не менее очевидно это вытекает из требований консервативных авторов в области политического строя.

В 1975 г. С. Хантингтон написал по заданию Тройственной комиссии и в сотрудничестве с двумя другими авторами — англичанином М. Крозиером и японцем Дж. Ватануки — «Доклад об управляемости демократий» (часть доклада, посвященная США и написанная С. Хантингтоном, была опубликована в номере журнала «Паблик интрест», посвященном 200-летию юбилею США). Доклад вызвал сенсационный интерес даже в самой Тройственной комиссии⁵⁷, поскольку откровенно провозглашал «излишек демократии» основной причиной всех бед Америки (как и других западных стран). С. Хантингтон доказывал, что демократический подъем 60-х годов сделал государство неуправляемым, породил скептическое отношение к власти, бизнесу, церкви, семье, вызвал анархию, убийства политических лидеров, кризис доверия (Уотергейт). Все это не случайно, все это результат «излишка демократии», чрезмерной активности государства,

вызвавшей невыполнимые ожидания и требования. «Во имя самой демократии», С. Хантингтон призывал не только уменьшить государственную социальную помощь («снизить ожидания»), но и ограничить участие граждан в управлении страной, которое должно осуществляться «элитой экспертов».

С. Хантингтону не уступал сторонник «разумного консерватизма», бывший либерал Р. Сэгер, который также констатировал падение авторитета власти, опасность подрыва двухпартийной системы и делал вывод, что спасение не в реформах, а в укреплении элиты. Критикуя либеральную теорию плюрализма как «основы демократии» в США, Р. Сэгер доказывал, что массовые движения вроде протеста потребителей («Комон коз», движение Р. Нэйдера) не могут ничего изменить, да и не интересуют большинство американцев. Элита, хотя и насчитывает, по его подсчетам, всего лишь 5416 человек, сама способна справиться с задачей приспособления к новой обстановке. Она учитывает в определенной мере требования низов — во имя стабильности власти, и этого вполне достаточно. Разве что следует сохранить как инструменты приспособления лоббистские «группы давления» (никакие потребители, пишет Р. Сэгер, не могут сравниться по силе влияния, например, с лоббистской группой Американской медицинской ассоциации⁵⁸).

Переходя к анализу состояния политической системы в США, Р. Сэгер настаивал на тезисе: никаких реформ, реформы лишь расшатывают страну и вызовут политический хаос. Следует всячески охранять двухпартийную систему. Неважно, что две главные партии напоминают Твиддди и Твидлдэма из «Алисы в стране чудес», что между ними почти нет разницы — именно они «элемент стабильности». Высмеивая позицию либералов в вопросе о полномочиях президентской власти («сами не знают, чего хотят: за сильного президента, когда у власти стояли Дж. Кеннеди, Л. Джонсон, Дж. Картер, и против, когда победил Р. Рейган, изображаемый «кем-то вроде Чингисхана, окруженного разбойниками-баронами»), Р. Сэгер следующим образом сформулировал новоконсервативный подход в этом вопросе: Америке нужен сильный президент во внешней политике и слабый (в смысле неактивный) во внутренней политике; конгресс сам уступил власть президенту и по существу нет никакого «возрождения конгресса в 70-е годы», о чем столь много писалось за последнее время; что же касается недемократического состава конгресса, вовсе не соответствующего составу населения, то такое различие закономерно и неизбежно.

Р. Сэгер выступил с демагогическими выпадами против бюрократии, что было типично для консерваторов в связи с их тезисом о чрезмерном разрастании государства, всего его аппарата. В 1800 г., писал он, федеральный чиновничий аппарат насчитывал 30 тыс. человек в 1980 г. — 3 млн.: увеличение в 100 раз, тогда как население выросло только в 20 раз. Требуя передачи в частные руки образования, здравоохранения и других систем,

Р. Сэгер делал вывод, что бюрократия нужна, но в сокращенном виде, с ограниченным правом вмешательства в общественную жизнь⁵⁹.

Значительное место в консервативной литературе занимали критика «контркультуры», требование восстановить традиции, уважение к власти и религии, дисциплину, моральные нормы, нуклеарную семью, преодолеть «нравственную анархию», охватившую страну в 60-е годы⁶⁰.

Внутриполитическая программа консерваторов вряд ли нуждается в подробных комментариях. Несмотря на расхождения между «верхами» и «низами» консервативного движения, все ее основные пункты свидетельствовали о том, что консервативное направление в историографии отражало настроения и требования прежде всего наиболее реакционной части правящих кругов, монополий, элиты США. С этим была связана и оценка консерваторами внутриполитических факторов внешней политики США.

ПОДХОД К ВНУТРЕННИМ ФАКТОРАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Внешнеполитический курс США формируется под влиянием сложного комплекса различных внутренних сил: взаимодействия монополистической, военной, политической и интеллектуальной элит, политической структуры, включающей как официальные институты (три ветви власти, партийную систему), так и различные «группы давления»: лобби, общественные организации и т. п.; в периоды обострения социальных отношений становится более значительным влияние массовых движений и требований. При этом определяющим фактором, от которого зависят все остальные, являются классовый характер общества, структура власти⁶¹.

Консервативная историография, отрицая существование в США классов (в марксистской трактовке этого понятия), обычно вообще не углубляется в проблему внутриполитических факторов внешней политики, довольствуясь суммарной ссылкой на «общественное мнение», «волю народа» и голосование избирателей (больше других консервативных течений занимаются обсуждаемым вопросом «новые консерваторы» — сказывается их либеральное или «ново-левое» прошлое). Все же можно констатировать, что в тех, относительно немногих, рассуждениях, которые касаются указанной проблемы, отличие консервативной трактовки этого вопроса от либеральной и тем более «прогрессистской» проявляется с достаточной ясностью.

В противоположность прогрессистам консервативные авторы отрицают значение для внешней политики массовых, демократических движений (как американских, так и европейских) или, во всяком случае, приписывают им самое негативное влияние на американский внешнеполитический курс.

Широко распространено в консервативной литературе осуждение выступлений против войны во Вьетнаме в 60-е годы.

«Я не был большим другом 60-х», — писал П. Мойнихен, солидаризируясь с оценками В. Хофстедтера, «человека демократического и левого». Последний, по словам П. Мойнихена, называл эти годы «вульгарными», осуждал тех, кто не смог противостоять «шикарной моде» радикализма, противопоставлял участников протестов, «отчужденных от общества», людям, готовым «интеллигентно защищать его». На новом этапе 80-х годов задачи, стоящие перед нацией, будут решать, утверждал данный автор, «образованные и состоятельные». Бури 60-х были, по мнению консерваторов, вызваны временными причинами, а именно демографическим взрывом первых послевоенных лет: к 1960 г. появилось небывало большое число молодежи в возрасте от 14 до 24 лет — 12,5 млн.; за 60-е годы это число увеличилось до 13,8 млн. Однако, предсказывал П. Мойнихен, в 70-е годы дальнейшее возрастание не превысит 600 тыс., а в 80-е годы численность молодежи вообще начнет снижаться⁶². Трактовка массового подъема молодежного движения как нетипичного, вызванного исключительно особыми демографическими колебаниями, вошла в арсенал американской литературы довольно широко. Она и использовалась консерваторами для отрицания серьезного значения массовых движений как внешнеполитического фактора.

Еще более негативно расценивали консерваторы антиимпериалистическое движение в США начала 80-х годов. Так, Н. Подгорец, отмечая «небывалую моду на пацифизм» и «сенсационное возвращение изоляционизма в американскую политическую культуру», доказывал, ссылаясь на историю прошлого — Вашингтонскую конференцию по ограничению вооружений 1921—1922 гг., пакт Бриана—Келлога и т. п., что все пацифистские начинания всегда заканчивались неудачей. Московский договор 1963 г. о запрещении ядерных испытаний в трех средах и Договор ОСВ-1 также «не принесли выгоды демократиям». «Отказ от применения ядерного оружия первыми», от размещения в Западной Европе Першингов-2 и крылатых ракет, лозунг «замораживания» — все это трактуется консерваторами как новые формы изоляционизма и означает, по их утверждению, «одностороннее разоружение» США, ослабление НАТО, выдачу Европы «на милость СССР», хотя большинство американских борцов за мир, по-видимому, «не осознают» этого.

Антиимпериалистическое движение вредно, так как угрожает консенсусу, сложившемуся к выборам 1980 г. Оно поддерживает «поствьетнамский синдром». Наконец, оно просто ошибочно, так как создает иллюзию, что войны порождаются оружием, а не «противоречиями в фундаментальных вопросах». «Еще хуже», по мнению Н. Подгореца, движение против вмешательства США в дела Латинской Америки. В то время как возникновение Кубинской республики, революции в Никарагуа и Сальвадоре нарушили, по его мнению, «доктрину Монро», конгресс США терпит это, фактически считает все социалистические революции необратимыми. Принятая конгрессом «поправка Болэнда» «запрещает

американскому правительству помогать свержению социалистического сандинистского режима», негодовал автор. Н. Подгорец солидаризировался с интервенционистскими высказываниями Дж. Киркпатрик и распространялся насчет того, что партизаны Сальвадора — «орудие СССР», что так было и с Вьетнамом, и с Ф. Кастро, о котором не знали, что он «был коммунистом с самого начала», принимали его за «джефферсоновского демократа». «Изоляционисты», делал вывод Н. Подгорец, фактически действуют «коммунистической угрозе»⁶³.

Характерна в этой связи полемика, которую консервативные авторы вели с литературой либерального и особенно прогрессистского направлений. Типична, например, рецензия редактора «Журнала современных исследований» П. Глинна на исследовательскую литературу сторонников антиядерного движения, которые, «помимо митингов и прочего», выпускают, к возмущению рецензента, книгу за книгой, пропагандируя «антинуклеаризм»⁶⁴. Особенное негодование рецензента вызывают такие тезисы в этой литературе, как утверждение, что в расширении ядерных arsenалов заинтересована властвующая структура США, которая заботится о прибылях монополий и личных выгодах, указания на тот факт, что многие новые виды оружия появились вследствие односторонних решений США. П. Глинн яростно осуждает «фантазии» о росте милитаризации и «психоз антинуклеаризма».

Бранясь и возмущаясь, П. Глинн называет рецензируемые им книги «в значительной мере марксистскими и просоветскими», проникнутыми «ненавистью к США» (властвующая элита, как обычно, приравнивается здесь к стране в целом). И такие «безответственные экстремисты» не отвергаются широкой публикой, а, наоборот, приобретают все большую популярность даже в «образованном среднем классе», восклицает рецензент. Однако он спешит утешиться уверениями, что подобные настроения — результат «особого климата», создавшегося в западных странах, что это временное психологическое состояние, а не реакция на объективные условия. Даже если поклонение ядерному оружию (нуклеаризм) — психоз, как утверждают борцы за мир, «позволительно спросить, не является ли — в долговременной перспективе — легкое психическое заболевание ничтожной платой за то, чтобы избежать ядерной войны».

Таким образом, оценка консервативной литературой столь влиятельного внутриполитического фактора, как массовое антивоенное движение, предельно ясна. Стремление опорочить его, изобразить антипатриотическим, «антиамериканским» или, по крайней мере, бессознательно служащим интересам противника, предсказания о его недолговечности — все это в конечном счете должно было содействовать созданию идеологического единства сторонников нынешнего «силового» курса Вашингтона как важного условия дальнейшего проведения агрессивной политики США.

Непосредственным продолжением этих оценок явилось отношение консерваторов к вопросу о роли монополий. Как отмечалось выше, консерваторы всегда прославляли историю монополий, их содействие экономическому развитию США. Гораздо меньше говорилось о них как о факторе внешней политики. Если об этом заходила речь, то все старания были направлены на отрицание такой роли. В упоминавшемся выше полемическом сборнике под редакцией У. Бакли, направленном против взглядов Дж. Гэлбрейта, Б. Броди писал об этом так: «Высказывания Гэлбрейта о влиянии в стране военно-промышленного комплекса, при всех ссылках на Д. Эйзенхауэра, преувеличены; ВПК не имел отношения к вовлечению США в войну в Корее или Вьетнаме, тем более к вступлению США в первую и вторую мировые войны. Конечно, бывали взятки и подкупы, но в этом нет ничего особенного, никакой опасности. Влияние бизнеса на правительство, на военные ассигнования невелико... Опасность не бизнес, а СССР»⁶⁵.

Занимая в оценке массовых движений и монополий как факторов внешней политики позиции, диаметрально противоположные прогрессистам, консерваторы полемизировали и с либеральным подходом к проблеме — институционализмом и психологизмом. Так, например, У. Лакёр критиковал выдвинутую либералами идею плюрализма как якобы неизбежного будущего в развитии государственной системы всех стран, либеральную теорию «бюрократического компромисса» как проявление недооценки идеологии (при приписывании всемогущества интересам ведомств), что ведет, по его мнению, к пассивности в отношении к советской идеологии. Он высмеивал психологический подход либеральных социологов, их «легковесные» и «псевдонаучные» рекомендации о том, что достаточно понять противника, лучше узнать его, и все пойдет как по маслу.

При этом У. Лакёр с особым раздражением отзывался о претензиях большой группы ученых, применяющих математические, научные, «объективные» методы при исследовании политики в отличие, как они утверждают, от «субъективного, инстинктивного, исходящего из предубеждений, фольклорного» метода. Их методология, утверждает У. Лакёр, поглощает все их время, не позволяя непосредственно следить за событиями. Отдав дань антиинтеллектуализму, У. Лакёр отмечал, что и в тех случаях, когда исследования либералов опирались на знание событий, или, например, в работах оказавшего особое влияние на американскую интеллигенцию и средства информации Дж. Кеннана с его «мощным языком» и опытом, характеристика внутренних факторов была неверна, поскольку Дж. Кеннан объясняет антисоветскую истерию в Америке психологически — «потребностью иметь внешнего врага»⁶⁶.

Отрицая не только марксистский классовый подход к проблеме решающих внутривнутриполитических факторов внешней политики, но и прогрессистскую, а также либеральную трактовку этой

проблемы, большинство консерваторов в конечном итоге сходились в одном: решающим фактором является идеология. Консервативная литература энергично протестовала против провозглашенного в конце 50-х — начале 60-х годов Д. Беллом и С. Липсетом, а затем подхваченного другими социологами и политологами тезиса о «конце идеологии», понимаемом как отказ от слепого антикоммунизма и призыв к реализму. Правда, многие понимали этот тезис односторонне — как требование лишь к СССР отойти от «идеологической» политики к «прагматическому» курсу, что якобы создало бы возможность для США отказаться от «крестовых походов», а в дальнейшем пойти на разрядку. Данный тезис стал одной из основ возникшей в тот период в американской историографии школы «реализма» (наряду с тезисом, отрицавшим всемогущество Америки, с понятием «национального интереса» и т. п.).

На рубеже 80-х годов развернулась критика концепции «конца идеологии». В противовес «реалистам», призывавшим понять, что США не всемогущи, Р. Такер объявлял теорию ограниченных возможностей Америки ошибочной и писал, что Соединенным Штатам не хватает лишь воли и желания, а не материальных условий для того, чтобы диктовать миру свой курс⁶⁷. «Мы без сомнения имеем идеологию, мощную идеологию, гораздо более мощную, чем марксизм-ленинизм, она только недостаточно используется», — убеждал Р. Пайпс⁶⁸.

«Рейган не обычный президент, — заявлял Дж. Нюхтерлейн. — Он наиболее идеологический глава исполнительной власти со времен Франклина Рузвельта»⁶⁹. Пришло время новых идей, все более осознается, что идеология необходима для руководства государством, появление «нового консерватизма» — важнейший этап в идеологическом развитии США, считал Р. Сэгер⁷⁰. «Новый консерватизм», вторил Э. Кристол, привел к возрождению в США «такой великой политической силы, как национализм — силы, более значительной, чем коммунизм, капитализм, католицизм... Национализм побеждает во всех конфликтах»⁷¹.

Обращение к идеологии было не случайным. Поворот в политике, которого добивалась американская реакция, требовал поворота в умах. Консервативная литература брала на себя эту задачу с тем большей готовностью и легкостью, что консерваторы всегда претендовали на общенародное представительство, на роль выразителя общенациональных «американских идеалов».

Примером подведения теоретической базы под призыв к идеологическому сплочению может служить работа К. Глезера и С. Поссопи. Говоря о социальной структуре государств вообще и США в частности, они противопоставили концепции К. Маркса (на которого ссылались наряду с М. Вебером и Э. Дюркгеймом) схему из пяти общественных классов. Она была построена исходя из критерия, близкого теории Р. Хофстедтера и С. Липсета о борьбе в политической жизни США не «классов» или «интересов», а «статусов», и содержала следующие пять со-

циальных групп: аристократия; высшая буржуазия; средний класс (традиционно мелкие торговцы, лавочники, ремесленники, фермеры, специалисты всякого рода, теперь постепенно заменяемые, как в 1959 г. указал В. Даренхоф, «новым средним классом» служащих и чиновников); «рабочий класс или пролетариат», включающий трудящихся сферы обслуживания (повара, шоферы, почтальоны и т. п.); «низший класс», отношение которого к системе производства, по сути дела, случайное, нестабильное (занимаются тяжелой физической работой, нелегальными промыслами, живут на благотворительность и т. п.).

Из этой схемы авторы делают вывод, что классы в капиталистическом обществе не антагонистичны, они воплощают необходимое разделение труда. Они становятся антагонистичными, если их убеждают в этом идеологи. «Представляет проблему» лишь один «низший класс», но совершенно избавиться от него невозможно ни в одном обществе⁷². Такой вывод подразумевал полную возможность идеологического единства, выполнимость задачи идеологического сплочения страны (конечно, на консервативной платформе) как предпосылки активизации внешнеполитического курса, ранее подорванного массовой оппозицией войне во Вьетнаме, «поствьетнамским синдромом», а затем и движением за замораживание ядерного оружия.

Раскрывая содержание той идеологии, вокруг которой предполагалось сплотить нацию, консервативная литература возрождала две старые (и неоднократно терпевшие крах) идеи: 1) антикоммунизма и антисоветизма, прикрываемых словами о «защите свободы», о необходимости «идеализма» в политике США; 2) мировой гегемонии США со ставкой на национализм и шовинизм.

Все мировые конфликты порождались идеологией, провозглашали К. Глезер и С. Поссони: вторая мировая война возникла «в конечном счете» из-за коммунизма, «терроризм арабов против Израиля», события вроде убийства Альдо Моро — результат идей самоопределения и деколонизации⁷³.

Характерно в этом отношении обращение П. Мойнихена к идеологическому наследию президента В. Вильсона, который «думал не столько об Америке, сколько о человечестве» и стремился, по словам автора, организовать управление миром по образцу США. Остается фактом, писал П. Мойнихен, что сейчас большинство государств не видят в американской демократии желательного примера и «завидуют только американской экономике». Почему же упало американское влияние в мире, спрашивал П. Мойнихен и отвечал: из-за недостаточного внимания США к идеям.

Значение идей велико, порой они важнее, чем «интересы», необходимо научиться умело их использовать. Он призывал полагаться на «патриотизм, соответствующий XX в.», означающий обязанность США распространять «свободу и демократию» во всем мире, проявлять «добродетель силы, а не слабости». Демо-

кратия в одной лишь Америке просто не выживет в одиночестве, доказывал он. «Мы, провозгласил П. Мойнихен,— нация из наций. Мы неразрывно связаны с судьбами народов всего мира». Поэтому США «призваны», утверждал он, выполнять нелегкую задачу «распространения свободы». Поэтому пора преодолеть «чувство вины» за Вьетнам и тому подобные акции США, расстаться, наконец, с утверждением, что США не могут поучать других морали и не стоят выше всех. Полемизируя с Дж. Кеннаном, П. Мойнихен писал, что демократия американского образца подходит всем странам. Тот факт, что в данное время «идеи большей частью против нас», писал он,— результат того, что «мы недостаточно верим в наше собственное дело»⁷⁴.

Высказывания других консервативных авторов также не отличались новизной, возрождая давно обветшавшие идеи о превосходстве американского общества над всеми остальными, о «необходимости» навязывать всем странам американский образец «свободы». Б. Пайнс требовал «твердой» внешней политики и сильной национальной обороны, которые должны быть основаны «на патриотизме и безоговорочном следовании американским целям»⁷⁵. США, утверждал Г. Кэмпбелл, повернули к политике, имеющей целью «восстановить обязанность Америки защищать свободное общество»⁷⁶. Центральный момент в американской идеологии, провозглашал Р. Пайпс, «защита свободы», которая, по его мнению, даже важнее, чем сохранение мира на Земле⁷⁷. За «моральные внешнеполитические цели», которые разъяснялись как борьба с антипатриотизмом, нигилизмом, моральным релятивизмом, ратовал Дж. Болл, призывавший восстановить представление о США как о стране будущего, «граде, сияющем на холме»⁷⁸. В несколько менее агрессивном стиле высказывался Э. Кристол, который в одном из пяти пунктов своего программного заявления писал: «Американская демократия вряд ли долго выживет в мире, в большей своей части враждебном американским ценностям... Поэтому новые консерваторы критически относятся к поствьетнамскому изоляционизму, ставшему столь популярным в конгрессе, а многие относятся подозрительно и к разрядке»⁷⁹.

«Неустойчивость международного порядка требует стабильного солидарного общества внутри страны; необходимо вновь привлечь внимание к коммунистической угрозе и к тому, что третий мир отвергает ценности свободы»,— так передавал либеральный критик идеологические цели новых консерваторов⁸⁰. Новый консерватор Р. Сэгер уже от себя отмечал: «Неконсервативная тенденция—это крайний антикоммунизм», новые консерваторы опасаются не столько внутреннего коммунистического заговора, сколько внешней коммунистической угрозы⁸¹.

Требуя развернуть критику социализма и защиту «свободного капитализма», У. Бакли уверял: «Потенциальные силы, стоящие за человеческий гуманизм и национальный суверенитет,— у нас!»⁸².

Глубже анализировали идеологический фактор недавние «реа-

листы». Так, З. Бжезинский и С. Хантингтон в совместной работе⁸³, отвергая тезис о «конце идеологии» и реабилитируя сам термин «идеологический» (который обычно понимается в США как «предвзятый», «необъективный», «демагогический»), связывали идеологию с политическим строем. Правда, они ставили идеологию впереди строя, утверждая, что институты и политика определяются позициями и доктринами. Само понимание строя оставалось в их работе чисто институциональным: стоящая за ним классовая структура не рассматривалась.

Отзвуки реалистического подхода заметны были и в полемических высказываниях Г. Киссинджера. Отвечая на нападки критиков справа о том, что принцип «национального интереса» противоречит «американскому идеализму и общим ценностям» США, и на их требование, чтобы «Америка ставила целью моральную оппозицию коммунизму, а не геополитическую оппозицию советским вторжениям», Г. Киссинджер писал: «Я симпатизирую этой точке зрения». Однако он оговаривался, что конкретные обстоятельства, международная обстановка заставляют считаться с собой; опыт показывает, что «крестовые походы, одержимость идеологией» не дают долговременных результатов, нарушают мировое равновесие сил⁸⁴. Говоря об уроках Вьетнама, Р. Осгуд делал вывод, что эти уроки не имеют универсального характера — в другой подобной войне можно и победить. Но общее значение имеет тот факт, что нельзя исходить только из антикоммунизма — необходимо учитывать и другие факторы, экономические, политические, географические и т. п.⁸⁵

Каковы бы ни были реалистические оговорки отдельных исследователей, в целом консервативная литература, отвергнув тезис о существенном значении для внешней политики таких сил, как массовые движения, с одной стороны, монополии — с другой (идея прогрессистов), как институты власти, процесс принятия решений и психология правителей (идея либералов), выдвигала в качестве решающего внутреннего фактора идеологию. Прагматизму реалистической школы она противопоставляла национализм и шовинизм, возвращение к идее превосходства и лидерства США, активизацию прямолинейного антикоммунизма.

КОНЦЕПЦИЯ АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Исходной позицией консервативной литературы в вопросе о советско-американских отношениях являлся, как указывалось выше, предвзятый и прямолинейный, нередко фанатичный антисоветизм. Концепция антисоветизма развивалась в этой литературе по трем основным линиям: сравнение строя и принципов внешней политики США и СССР; оценка конкретных этапов советско-американских отношений и особенно разрядки; собственные предложения относительно курса на будущее.

Сравнительный анализ — метод, который широко применялся в многочисленных трудах З. Бжезинского, — использован в таких

известных работах этого автора, как «Между двумя эпохами. Роль Америки в технотронную эру»⁸⁶, а также упоминавшаяся выше книга, написанная им совместно с С. Хантингтоном⁸⁷, и др. Вторая из этих работ отличается особенно подробным сопоставлением политического строя СССР и США. Авторы рассмотрели здесь аппараты управления, роль партий, положение руководящих деятелей, влияние интеллигенции, каждый раз обращая специальное внимание на исторические традиции и сформировавшиеся на их базе национальные идеологии. Они пришли к выводу, что при отдельных второстепенных чертах сходства полностью преобладают глубокие различия между СССР и США, причем СССР якобы свойственны «доктринерский абсолютизм», «фанатизм», «романтика террора и революции», а США — стремление к «гармонии интересов», эволюционным методам, компромиссу, законности, морализму, вытекающим из наличия большого «среднего класса» и опоры на него правящих кругов, а также из плюралистической внутренней структуры. «Идеология и революция — ключевые слова для русского политического развития, консенсус и эволюция — для описания Америки»⁸⁸.

Задачу своей книги З. Бжезинский и С. Хантингтон сформулировали как ниспровержение либеральной теории конвергенции. Под эту цель и выстроен весь материал. Следует признать, что невозможность конвергенции в смысле постепенного сближения строя обоих государств и образования некой средней, промежуточной структуры (по мысли либералов, в основном все же капиталистической) достаточно убедительно доказана авторами. Как известно, советская точка зрения также отвергает конвергенцию, утверждая тезис о коренной, социально-экономической противоположности двух систем. Однако между двумя этими позициями существует принципиальное различие: впадая в тривиальный шовинизм, З. Бжезинский и С. Хантингтон приписали американскому строю все добродетели, а советскому — лишь негативные черты. Помимо основной, заявленной с первых же строк цели книги — доказать невозможность конвергенции, авторы параллельно проводят идею о том, что якобы из всего строя Советской страны, из русских исторических традиций вытекает агрессивность СССР.

Эта идея звучала уже в полный голос в выступлениях З. Бжезинского начала 80-х годов. «Советский вызов» международной системе, писал этот автор, связан с «органическим экспансионизмом». Поскольку эволюции СССР к плюралистическому режиму ожидать не приходится, поскольку советская страна — «одномерная держава», она является препятствием к созданию единой международной системы, и Западу остается лишь одно — противостоять Советам военной силой⁸⁹. По сути дела, от тезиса о невозможности конвергенции З. Бжезинский перешел к тезису о невозможности мирного и равноправного сосуществования государств двух систем (если и поскольку советская политическая система не изменится).

Особенно претенциозно и с немалым апломбом развивал ту же явно несостоятельную концепцию Р. Пайпс, подкрепляя свои выводы предвзято толкуемым историческим материалом. Анализируя современный советский внешнеполитический курс, в частности разрядку, он начинает... с XVI в. В то время, утверждает он, «климат и топография не позволяли прокормить излишне плотное население», и Россия приступила к завоеваниям, в течение 150 лет каждый год присоединяя «территорию, равную целой Голландии».

Помимо этого, в свою аргументацию Р. Пайпс включает «семь веков» (т. е. уже с XIII в.?) доминанции государства и «бюрократически-милитаристской элиты», а также особенно «неотразимый» довод — русские пословицы (например, толкуемая в государственном смысле как некое политическое руководство пословица «На то и щука в море, чтобы карась не дремал» или выкопанная из клеветнических анналов и вряд ли знакомая кому-либо из русских людей пословица «Бей русского — часы сделает»). Завершается эта серия аргументов не менее «неотразимой» связью с современностью: в Советском государстве управляют выходцы из крестьян, а русский мужик, клеветает Пайпс, «раб в течение четырех веков с коротким перерывом в 1861—1928 гг.» и потому верит лишь в силу, жестокость, хитрость⁹⁰. Таковы, по мнению Р. Пайпса, традиции, продолжающие действовать и в наше время.

Желание очернить советскую внешнюю политику настолько сильно владеет автором, что он, будучи профессиональным историком, забывает элементарные правила своего ремесла: принцип историзма, необходимость видеть эволюцию строя и традиций, особенно в результате таких коренных переворотов, какой произвела в экономике, государственном строе, в психологии советского народа Октябрьская социалистическая революция, наконец, знание и достоверности фактов. Об этом свидетельствует вздорность ряда утверждений автора, например о «плотности населения» в XVI в. (централизация была вызвана противоположными причинами: разбросанностью жителей, трудностями их мобилизации для общенациональных нужд, а присоединенные территории заселялись с большим трудом и крайне медленно), о «доминанции государства и бюрократии» — ни больше ни меньше как с периода раздробленности и войн между многочисленными княжествами. Серьезный и сложный вопрос об особой роли государства в истории России превращается под пером Р. Пайпса в плоский вывод о «рабской психологии» и т. д. и т. п.

Р. Пайпс продолжал развивать свои исторические аргументы и в работах, опубликованных в 80-е годы. В 1981 г. вышел его сборник, включивший восемь очерков, написанных в «десятилетие разрядки». Здесь он вновь возвращается к излюбленной теме о «постоянных факторах, которые образуют фундамент советской политики, ее психологические, исторические и культурные основы», указывая при этом в предисловии, что правильность его вы-

водов подтверждается... аналогичной оценкой курса СССР президентом Р. Рейганом!⁹¹

Приняв христианство не от Рима, а от Византии, Россия «отрезала себя от Европы», писал он, унаследовала «необычайно консервативный, антиинтеллектуальный и характеризующийся ксенофобией этос», ортодоксальность и «высокое мнение о себе». Неизменной чертой ее внешней политики стал «изоляционизм» вплоть до Петра I, но и дальнейшее «западничество» оказалось неглубоким (он ссылается на Р. С. Кэслри, который говорил об Александре I как о «калмыцком князе»). Октябрьская революция, по утверждению Р. Пайпса, «вновь отрезала Россию от Запада», причем «новая религия — коммунизм» — утвердила идею, что нечему учиться у Запада, кроме технологии.

Такого рода измышлениям о «самоизоляции» СССР (на деле речь шла о всем известном непризнании Советского государства Западом, о мерах против интервенции империалистических стран 1918—1920 гг.) и якобы присущей СССР «психологии превосходства» противопоставлялся умилительный образ США, в описании которых не было и помина о кризисах и безработице, жестокой дискриминации «цветных» и оскорбительном обращении с ними, о войнах и интервенциях типа вьетнамской, о всевластии монополий, значении военно-промышленного комплекса и других достаточно типичных чертах американского капитализма. Ссылаясь на присоединение к Русскому государству Новгорода в XV в., Казани в XVI в. и т. д., Р. Пайпс говорит, что «Россия имеет несравненный опыт в завоеваниях». Он путает с завоеваниями процесс собирания русских земель и пытается вести советскую политику от Ивана Грозного.

При этом Р. Пайпс «забывает» об истреблении индейцев в Америке, отторжении Соединенными Штатами почти половины Мексики, предательском захвате Филиппин и многом другом, характеризующем историческую традицию США. Основой американской внешней политики объявляется «моральность» как историческое наследие «отцов — основателей», а также стремление к равновесию сил как продолжение внутривнутриполитической системы «сдержек и противовесов». В отличие от советского «аграрного опыта» американский опыт — коммерческий, а он означает, заявляет Р. Пайпс, привычку к компромиссу, сделке, соглашению — некий «этос бизнеса». Презрение ко всему иностранному «известно в США», но «не характерно для правящих кругов», изоляционизм «имеет место», но он связан всего лишь с индивидуализмом и свободой воли.

Неправильно думать, декларирует Р. Пайпс, что США боятся за свои инвестиции и потому поддерживают консервативные режимы: они поддерживали «коммунистическую Югославию», «капиталистическую Индонезию», «прогрессивный Израиль против «консерваторов-арабов». Такая непоследовательность объясняется тем, что определяют американскую политику не политические силы или «социальная идеология» (слово «социальный» предпо-

чительно употребляется вместо «классовый»), не краткосрочный экономический расчет, а цель обеспечения стабильности: США всегда предпочтут более стабильное государство, даже если оно менее демократично, поскольку с ним «легче делать бизнес», его действия «можно предвидеть»⁹². В этих путаных рассуждениях, где сначала экономические интересы США отрицаются, а затем «стабильность для бизнеса» ставится на первое место, где борьба народов за национальное освобождение объявляется «консервативной», а Израиль — прогрессивным государством, четко видна предвзятость автора, присущий ему типично черно-белый подход.

Слабость и предвзятость аргументации характерны и для работы К. Глезера и С. Поссонн, сравнивающих решение национального вопроса в СССР и США. Изобретенному авторами «подавлению национальных меньшинств в СССР» здесь противопоставляется «режим свободы» в США, где «этнический вопрос» якобы потерял остроту, а привилегированные белые — ангlosаксы (протестанты) «утратили большей частью свое привилегированное положение». На первый план, утверждают авторы, выдвинулись итальянцы, славяне, армяне, евреи, и, таким образом, осуществляется «расовый и культурный плюрализм». Что же касается наиболее острой проблемы — негритянской, то красноречие сразу изменяет авторам, они ограничиваются беглым замечанием: «такая проблема существует»⁹³. Вряд ли есть необходимость доказывать, насколько, мягко выражаясь, необъективна картина, нарисованная К. Глезером и С. Поссонн.

К историческим обобщениям и сравнительному методу прибегает Э. Хоровиц. Говоря по принятой в настоящее время буржуазной литературе классификации о «трех мирах» (развитые капиталистические страны, социалистические и отсталые), он характеризовал «первый мир» как витрину демократии, законности, высокой вертикальной мобильности, массового образования, незначительной роли военщины. Относительно же «второго мира» подчеркивал такие «качества», как «тотальная централизация», господство «элиты» в области планирования, значительная роль военных, большие постоянные армии. В том же духе писали П. Мойнихен, Р. Сэгер и другие консерваторы, старые и новые⁹⁴.

В итоге общая концепция советско-американских отношений, разрабатываемая в консервативной литературе на базе сравнительного метода и исторических изысканий и тем самым претендующая на научность, но совершенно очевидно продиктованная эмоциями ненависти, вряд ли способна убедить непредвзятого читателя. Как отмечали З. Бжезинский и С. Хантингтон, слово «идеологический» американцы понимают в смысле «предвзятый, необъективный». Именно в этом смысле и был реализован консерваторами идеологический подход к анализу советской внешней политики. Консервативная концепция явилась шагом назад по сравнению с идеями либералов и «реалистов» о конвергенции, взаимозависимости и т. п. (тот же Р. Пайпс называл эти идеи «высокопарными банальностями»)⁹⁵.

На основе фальшивой посылки об «органическом экспансионизме» СССР расценивались в консервативной литературе конкретные события и этапы советско-американских отношений.

Р. Пайпс предложил следующую периодизацию этих отношений: первое семилетие после окончания второй мировой войны, 1946—1953 гг., когда главной целью СССР было якобы «искоренение» американского влияния и завоевание всей Европы, а США дали «решительный отпор» (такова трактовка автором развязанной Америкой «холодной войны»); 1954—1959 гг., когда СССР будто бы выдвинул задачу «подчинения третьего мира» под прикрытием лозунга мирного сосуществования с конечной целью «сдерживания и изоляции США»; с 60-х годов эта цель якобы «заменяется сдерживанием и изоляцией Китая» при постепенном переходе к разрядке с Западной Европой и США. В подобной «периодизации» СССР неизменно оказывался агрессором, а США — обороняющейся стороной⁹⁶.

С той же меркой подходили рассматриваемые авторы и к оценке разрядки. Курс США «на переговоры, а не конфронтацию» расценивался как ошибка со стороны Вашингтона, который не понял коварства русских. Р. Пайпс усматривал некий обман уже в самом термине «детант» («разрядка»). Лингвисты, писал он, употребляют название «ложные друзья» для обозначения одинаковых слов, имеющих в различных языках разное, а порой и противоположное значение (польское «zaropnił» означает «забыть»); термин «детант», по его оценке, «наиболее фальшивое из таких слов». Будучи пущено в ход Ш. де Голлем около 1958 г., оно понималось им как сотрудничество двух частей Европы, роспуск обоих военных блоков и тем самым обеспечение большей независимости Франции; для ФРГ это было прикрытие «восточной политики» В. Брандта; США же стремились использовать «наметившуюся в СССР оттепель ... в целях, гораздо более широких»: путем нормализации американско-советских отношений избежать ядерной катастрофы. Америка, будучи «коммерческой демократией и находясь под давлением избирателей», стремилась якобы уменьшить непроизводительные расходы на вооружения.

Что касается СССР, то неизменно одномерная направленность проводимого правыми анализа снова вступала в силу: советская страна рассматривала разрядку, по мнению Р. Пайпса, только как передышку для подтягивания своих вооружений, привлечения иностранного капитала и техники, развертывания «косвенной агрессии» в виде освободительных движений в «третьем мире», а также «безжалостного идеологического наступления» (никаких доказательств этих вымышленных советских целей, конечно, не приводилось). Р. Пайпс пошел еще дальше, утверждая, что тайным намерением СССР оставалось «ядерное превосходство», чтобы угрожать США и другим капиталистическим странам, а в подходящем случае и начать войну.

Разделавшись таким образом с «фальшивым словом разрядка» и «подлинными» целями СССР, американский советолог и исто-

рик обрушивается на правительства западных стран, которые, «как ни странно, согласились на эту игру» — снабжать СССР, «спокойно наблюдая», как он вооружается и проникает в развивающиеся страны. Американский бизнес, пишет Р. Пайпс, стремясь продвинуться на советские рынки, игнорировал долговременные последствия «снабжения СССР», а правительство США как некий наивный простак принимало за чистую монету «обещание постоянного мира». Лишь после целой серии успехов развивающихся стран — Египта в войне с Израилем 1973 г., Северного Вьетнама, включая объединение страны в 1975 г., революции в Анголе и особенно революции в Афганистане (все эти события Р. Пайпс без тени колебаний приписывает инспирации со стороны СССР) — в США возникло разочарование, стала осознаваться необходимость, «избегая неистовства сдерживания и миража разрядки», создать, наконец, «какое-то подобие глобальной великой стратегии», давно имеющейся у СССР.

Здесь и явился на авансцену Р. Пайпс, ранее «избегавший вовлечения в политику», но теперь обеспокоенный существующим в Америке «крайним непониманием природы советского режима», тем фактом, что Р. Никсон и Г. Киссинджер «даже не познакомились» с историей России и коммунистической теорией, «просто отбросили в сторону 600-летний русский опыт». Автор отказывался понять, что двигало Р. Никсоном и Г. Киссинджером при этом — «интеллектуальная лень, наивность, политический расчет или личное тщеславие».

На протяжении всей книги очерков Р. Пайпс не устает критиковать американские администрации 70-х годов, упрекая их прежде всего в забвении принципа антисоветизма. Понимание у одних, а власть у других, жалуется он. Власть, занимаясь непосредственным управлением, путями и средствами, командуя множеством людей, упускает из виду общую цель. Р. Пайпс ссылается на Сантаньяну: фанатизм — это удвоение усилий при забвении цели, давая понять, что разрядка была следствием слепой, граничащей с неразумием доверчивости США⁹⁷.

С тех же позиций, хотя и менее упрощенно, оценивали разрядку другие консервативные авторы, бывшие «реалисты». Они также доказывали, что для Москвы разрядка лишь временная передышка и что результаты ее односторонни, выгодны только СССР. Хотя разрядка стала «полезным дополнением» к военному сдерживанию, писал Р. Осгуд, она не только не изменила советскую политическую систему с присущим ей «экспансионизмом», но и затруднила «поддержание военного баланса». Расчет на разрядку оказался ошибочным, чрезмерно оптимистичным, утверждал Р. Такер: разрядка вылилась в «постепенные уступки русским в области наших интересов» — не сработали экономические методы влияния на СССР, «китайская карта» и другие «новые методы сдерживания». Разрядка — «неудача, если судить по результатам». Р. Сэгер писал: неоконсерваторы считают разрядку «гигантской неудачей», хотя и не ратуют за возвращение к «холодной

войне»⁸⁸. Эти авторы избегали неправдоподобной идеализации целей США, признавали, что в ходе разрядки Вашингтон стремился продолжать антисоветскую политику сдерживания, только новыми методами (в частности, «разыгрывая китайскую карту»), оговаривались о нежелательности возврата «холодной войны» и т. п. Однако подобные нюансы не меняли основного вывода о разрядке как политике, способствовавшей росту влияния социалистической идеологии и победам освободительных революций, а потому невыгодной США.

Среди ведущих консерваторов из числа «реалистов» 60-х — первой половины 70-х годов в защиту разрядки выступал лишь Г. Киссинджер, который, по выражению одного американского автора, в 80-е годы обрушивался на разрядку, но лишь в той ее форме, в какой она существовала после Киссинджера. Во втором томе своих мемуаров Г. Киссинджер полемизировал с преобладающей консервативной оценкой разрядки как «ошибки», но при этом достаточно резко отмежевывался от понимания ее либералами. Какова же оценка разрядки самим Г. Киссинджером?

Прежде всего он доказывал, что в условиях начала 70-х годов разрядка была нужна. Автор перечисляет «реальности того времени»: существовала крайняя необходимость кончить войну во Вьетнаме, поскольку велась «яростная атака» на нее внутри США, конгресс сокращал оборонные расходы, общественное мнение было настроено негативно; в конце 60-х годов Америка потеряла ядерное превосходство — СССР приближался к паритету в военном отношении; Европа и Япония продвигались к экономическому равенству с США; возникло множество проблем в связи с развивающимися странами. Если бы создалась коалиция всех этих сил против США, пишет автор, положение стало бы угрожающим: «мы действовали на краю пропасти... Будучи все еще сильнейшей нацией, но уже не преобладающей, мы должны были очень серьезно относиться к мировому балансу сил, потому что он склонялся не в нашу пользу и ситуация могла стать необратимой».

Автор негодует по поводу «коллективной амнезии», заставившей всех критиков позабыть об указанных обстоятельствах: либералы не хотят брать на себя ответственность за собственную политику, консерваторы «более заинтересованы в идеологическом антикоммунистическом походе, чем в геополитических столкновениях далеких стран», а многие из них «возрождают традиционный изоляционизм». Что же касается новых консерваторов, «которые после окончания войны во Вьетнаме перешли с либеральной стороны на консервативную... то они забыли, как сами же обвиняли в излишней воинственности ту внешнюю политику, которую сейчас осуждающе называют стратегическим отступлением» (почтенный журнал «Комментри», напоминает автор, нападал на Договор о ПРО 1972 г., на затягивание переговоров ОСВ и дошел «почти до пожелания поражения США во Вьетнаме»).

Далее Г. Киссинджер утверждал, что разрядка сопровождала-

лась немалыми достижениями США и была выгодна Америке: мощную поддержку, оказанную Америкой агрессивной политике Израиля, он называет «содействием миру» на Ближнем Востоке, соглашение 1973 г. о мире во Вьетнаме расценивает не как результат победы последнего, а как следствие того, что США «изолировали Ханой» и тем самым «заставили» его пойти на мировую. Поддерживая отношения и с Пекином, и с Москвой, писал Г. Киссинджер Р. Никсону, «мы сможем и продолжать потягивать наш maotai, и пить водку». «Разрядка скорее помогла, чем помешала американским оборонным усилиям»: конгресс перестал урезать военный бюджет и были разработаны программы МХ, Б-1, крылатые ракеты, «Трайидент». По сути дела, таким образом, «выгоду» Г. Киссинджер на деле видит не в укреплении мира, а в усилении позиций США.

Наконец, следует главный аргумент — о сути и целях разрядки, о ее замысле с точки зрения США. Нет никакого парадокса, пишет Г. Киссинджер, в том, что Р. Никсон, антикоммунист и один из вдохновителей «холодной войны», осуществил сближение с СССР. Это сближение не было «уступкой» Советам. «У нас, — пишет Г. Киссинджер, — были собственные причины. Мы не прекратили идеологической борьбы, но просто пытались — ввиду срочной необходимости — дисциплинировать ее на основе принципа национального интереса». Р. Никсон реалист, он не сводил сосуществование к психотерапии, к хорошим личным отношениям, не пытался «очаровывать советских лидеров» (здесь автор бросал камень, конечно, в либеральный огород). Либеральной была лишь тактика: Р. Никсон даже использовал фразеологию либералов, чем привел их в полное замешательство. Что же касается стратегической цели поворота к разрядке, то она оставалась полностью консервативной: этой целью было сохранение мирового лидерства США.

Первый срок президентства Р. Никсона, пишет мемуарист, характеризовался тем, что «администрация смогла доминировать над событиями и помогала формировать новую международную структуру отношений между сверхдержавами», второй же срок предъявил еще большие требования к Америке «как лидеру и защитнику демократий». При всем сложном балансировании Вашингтона требовалось, чтобы США «не уходили с мировой арены, не снижали свою оборону, не вели пассивной внешнеполитической игры». Необходимо было обеспечивать «мировую роль Америки». Это и делалось путем комбинирования в единую политику принципов «сдерживания» и «сосуществования». Именно так понималась в Вашингтоне разрядка. «Целью Америки было поддержание баланса сил... обеспечение зрелого лидерства в особо сложных условиях... Несомненно, разрядка опасна, если она не включает стратегию сдерживания... Путь к цели состоит не в том, чтобы избегать усилий по сосуществованию, он — в том, чтобы построить последнее на основе наших принципов и наших целей».

Итак, разрядка была вызвана ослаблением позиций США и задумана как продолжение антисоветской политики «сдерживания» и сохранения американского лидерства в осложнившихся условиях.

Все погубили Уотергейт, атака конгресса на Р. Никсона, неоднократно заявляет Г. Киссинджер в своих мемуарах. Это ослабило международный и внутренний авторитет американского правительства, США вынуждены были отступить во внешней политике, что «открыло дорогу советскому экспансионизму», «возобновившемуся» в 1975 г.: воссоединение Севера и Юга Вьетнама, новый строй Лаоса и Кампучии, события в Анголе, Эфиопии, Южном Йемене, Афганистане. Даже срыв ратификации договора ОСВ-2 Г. Киссинджер приписывает СССР. «Хотя,— пишет он,— и на нашу долю приходится определенная доля ошибок, основное нападение на разрядку исходило из Москвы, а не из Вашингтона». Но все же, если бы не Уотергейт, Р. Никсону удалось бы, считает Г. Киссинджер, «установить симметрию между сосуществованием и сдерживанием». Консерваторов он успокоил бы продолжением идеологической борьбы, либералов — урегулированием конкретных советско-американских споров. Отсутствие единства сорвало весь замысел разрядки».

Особая трактовка разрядки Г. Киссинджером, как видно, в принципе не так уж сильно отличалась от ее общеконсервативной оценки как в конечном итоге неудачной.

Что же предлагалось в анализируемой литературе на смену «ошибочному» курсу 70-х годов?

Поскольку надежд на эволюцию советского строя к капитализму нет, конвергенция, как детально доказывал З. Бжезинский, невозможна, а разрядка «выгодна только СССР» и освободительным силам в развивающихся странах, оставался лишь курс жесткой конфронтации, за который и ратовали консервативные авторы.

«Запад должен проявить твердую решимость» — вот что снизит международную напряженность, уверял У. Лакёр. Такую «решимость» предлагалось проявить в различных формах. Поставить условием возобновления разрядки ни больше ни меньше как изменение советской системы — такова была беспардонная позиция Р. Пайпса, высказанная не только в его книгах, но и в полемике с Дж. Кеннаном, в ответах английскому журналисту Дж. Эрбану. Однако среди этих последних, встречается такой ответ Пайпса на вопрос Дж. Эрбана о внутренних изменениях в СССР как условия сосуществования: «Я лично хотел бы, чтобы система изменилась, но это не та цель, которую страна может принять для своей внешней политики. Это было бы и преждевременно и безнадежно...»/.

Курс на изоляцию СССР отстаивал У. Бакли, призывая использовать для этого все доступные средства, в частности экономические. Зачем усиливать СССР продажей ему американских товаров, спрашивал он. Одновременно он критиковал недостаточ-

ную целенаправленность кампании о «правах человека», нарушения которых Дж. Картер «лишь оплакивает», не предпринимая никаких действенных мер, а также вялость пропаганды через ЮСИА, которое якобы недостаточно показывает преимущества американского строя и слабо анализирует внутреннюю политику СССР¹⁰⁰.

П. Мойнихен предлагал двойную тактику: продолжать технико-экономическое сотрудничество с социалистическими странами и одновременно усилить идеологическую борьбу с растущим влиянием социализма. В биологии, писал он, такое параллельное существование взаимоисключающих процессов имеет место, возможно оно и в политике. Особое внимание П. Мойнихен обращал на кампанию о «правах человека», полностью поддержав это начинание президента Дж. Картера и подталкивая его к ужесточению курса. Требуя объяснения, заявил он, не то, что США вообще начали такую кампанию, а то, что это сделано поздно! П. Мойнихен жаловался на растущую критику в адрес буржуазной демократии, благодаря которой происходит «финляндизация изнутри» — так оценивал он рост популярности социалистических идей, и призывал покончить с «обороной», развернуть начатую Дж. Картером кампанию в наступательном духе.

В рассматриваемой книге П. Мойнихен дал подробный обзор мероприятий США по проведению кампании «в защиту прав человека», критикуя лишь недостаточность предпринятого: в инаугурационной речи президент Дж. Картер посвятил данному вопросу лишь одну фразу, а его жесты в сторону «диссидентов», высланных из СССР, и беглое упоминание этой темы в послании к ООН от 17 марта 1977 г. не могут быть названы сформировавшимся курсом; хотя С. Вэнс в своей первой публичной речи в качестве государственного секретаря весной 1977 г. и избрал центральной темой «права человека», он представил их защиту не как политическую задачу, а как гуманитарное начинание, особую область международной социальной работы. Вызвав гнев Москвы, недовольство союзников, возражения латиноамериканских диктаторов, мы, как оказалось, требовали лишь помощи отдельным лицам, возмущенно восклицает автор.

Недооценка проблемы выразилась, по мнению П. Мойнихена, и в том, что вопрос был передан бюрократии — по линии созданной Дж. Картером должности помощника государственного секретаря, который занимался беженцами, иммигрантами, военнопленными и т. п. Однако ни С. Вэнс, ни Дж. Картер не сконцентрировали внимания прежде всего на СССР. Даже в наиболее полном изложении американской внешней политики (речь Дж. Картера в Нотр-Дам весной 1977 г.) «американское обязательство поддерживать человеческие права — одна из фундаментальных основ нашей внешней политики» — толковалось как помощь бедным странам, даже, возможно, совместно с СССР, вместо того чтобы поставить в центр внимания главное — борьбу «между демократией и тоталитарным коммунизмом». Кампания

о «правах человека» — вопрос «нашего выживания», самозащита, спасение от «финляндизации изнутри», провозглашал П. Мойни-хен: сдержать продвижение коммунизма надо прежде всего в идеологическом плане. Было бы настоящим бедствием, заключает автор, если бы у нас было отнято такое важное оружие, как борьба за «права человека»¹⁰¹.

К. Глезер и С. Поссонн, вынужденные признать, что кампания администрации Дж. Картера за «права человека» имела «очень малый успех» и велась «селективно», считали главным ее минусом непоследовательность и излишнюю уступчивость в отношении «коммунистических режимов». Они ставили под сомнение тот бесспорный факт, что право на труд, бесплатное здравоохранение и обучение следует включать в «права человека»: где границы этих прав, спрашивали они, является ли уровень жизни частью прав? Фактически они предлагали продолжать кампанию с еще большей антисоветской направленностью, но более ловко, убедительнее¹⁰².

Хотя вопрос этот оставался несколько спорным в среде консерваторов (Р. Такер, например, считал кампанию нереалистичной¹⁰³), в целом основная идея — интегрировать демонстративную борьбу за «права человека» в американскую внешнюю политику — получила одобрение в литературе правых.

Ряд авторов возлагал надежду на ослабление советского строя внутренними трудностями, предсказывая «протесты нацменьшинств», «расшатывание дисциплины», провозглашая, что без «плюрализма» при «тотальном планировании» нельзя создать современную экономику, и призывая не бояться соревнования с СССР. Но при этом предполагалось «помочь» росту трудностей. Так, один из авторов упомянутых расчетов, Р. Стаар, прямо предлагал «использовать временные слабости» социалистических стран, расширяя антисоветскую пропаганду, не предоставляя экономической помощи, содействуя «Пекину против Москвы», в целом «вести политико-экономическую войну». (Раздавались, однако, и более трезвые голоса. Так, У. Лакёр развенчивает «идею либералов» о внутренних трудностях в СССР, которые должны заставить его пойти по пути реформ, ведущих к плюрализму и в конечном счете к капитализму. Никакой распад не грозит СССР ни в связи с экономическими проблемами, ни в связи с национальным вопросом, отсутствуют «мятежные потенции» у советской молодежи — в общем, рассчитывать на изменение строя не придется¹⁰⁴.)

Как видно из приведенных высказываний, и традиционные консерваторы, и «новые консерваторы» предлагали под прикрытием идеологического соперничества прямое вмешательство в дела социалистических стран, сочетание подрыва их изнутри с курсом на экономическую и политическую изоляцию СССР. Но главное место в этом процессе ужесточения конфронтации должны были занять наращивание американских вооружений, создание позиции силы.

В трактовке проблемы ограничения вооружений консервативная литература отводила большое место голословным обвинениям в адрес СССР и полемике с оценками ревизионистов, а также с либеральными идеями «равной вины». Вопреки известным фактам о том, что в течение всего послевоенного периода все новые виды оружия, каждый новый виток военной гонки начинали США, эти авторы пытались свалить вину на СССР, усиленно создавая миф о «советской угрозе». Особенно старался в этом отношении новоконсервативный журнал «Комментри», в котором соответствующие статьи печатали Н. Лэтвак, У. Лакёр, А. Юлэм и др.

Разносной критике подверг Н. Лэтвак, старший научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне (филиал Стэнфордского исследовательского института), книгу Ф. Каплана, критически оценивавшую послевоенную политику США в области вооружений¹⁰⁵. Рецензент не постеснялся утверждать, будто бы Америка создала атомную бомбу «в чисто оборонительных целях»; в качестве особой заслуги Вашингтона выставлял он тот факт, что США не использовали свою атомную монополию 1945—1949 гг., чтобы «заставить СССР уйти из Восточной Европы». Рецензента привела в негодование вполне соответствующая действительности характеристика Э. Теллера как фанатика антикоммунизма (в противовес «почти святому» Р. Оппенгеймеру, иронизирует Лэтвак), а также критическая оценка принятых Вашингтоном решений о гонке обычных вооружений (директива Национального совета безопасности-68) и о создании межконтинентальных баллистических ракет (МБР) — (выводы комитета Д. Гэйтера) как прямого следствия истерических страхов либо манипулирования страхом; Н. Лэтвак защищает лозунг «массированного возмездия», развивает тезис о том, что гарантией мира является американское военное превосходство, возмущается критикой трудов таких воинствующих теоретиков из «Рэнд корпорейшн», как Б. Броди, Г. Кан, А. Волстед.

Характерно при этом, что рецензент мало заботится о доводах, чаще прибегая к безапелляционному приговору. Так, говоря о трактовке в книге Ф. Каплана разногласий среди американских физиков — создателей атомного оружия, он провозглашает: все это неверно, достаточно почитать Д. Ачесона! Говоря о том, что советская водородная бомба была взорвана в августе 1953 г., всего лишь через 11 месяцев после успешного испытания американской бомбы, он заявляет, что СССР нуждался в ней «меньше, чем США», и не должен был создавать ее, так как его экономика была разорена войной. В целом рецензент дает резко отрицательную оценку книге Ф. Каплана, поскольку тот не воплотил концепцию консерваторов о якобы «вынужденном» характере гонки вооружений, ведущейся США в течение всех послевоенных лет¹⁰⁶.

Не столь прямолинейно и бездоказательно пытается трактовать проблему У. Лакёр, который, однако, также исходит из основного тезиса всего правого лагеря о «советской угрозе». Этот автор отвергает наиболее нелепые и неправдоподобные оценки целей СССР. Он соглашается с либералами в том, что чисто военная угроза со стороны СССР была в США преувеличена. Он признает, что СССР не стремился вторгнуться в Западную Европу (тут же, однако, делая жест вправо: это результат существования НАТО, к тому же сохранялись другие, скрытые методы советской «инфильтрации»: пропаганда, использование «дружественных сил» и т. п.). В целом и этот автор провозглашает, что СССР «стремится расширить сферу своего влияния всюду, где возникает такая возможность».

Тезис о «советской угрозе» У. Лакёр развивает в полемике с авторами школы «реализма» и критическими выступлениями либералов в 80-е годы. Он отмечает заявления Дж. Кеннана о вреде «антикоммунистической истерии» и «демонизации» советского руководства, не находя, впрочем, достаточно убедительных аргументов (какая же истерия, спрашивает он, например, если Р. Рейган согласился на продажу зерна Советскому Союзу?). Главное же, он категорически отвергает «многие годы утверждавшийся» Дж. Кеннаном, Макнамарой и их последователями тезис о том, что в строительстве своего ядерного арсенала СССР преследует цель достижения паритета с США. Правда, У. Лакёр не соглашается и с Р. Пайпсом, утверждавшим, что советская цель — вести и выиграть ядерную войну. Более правильным он считает вывод А. Юлэма¹⁰⁷: цель — психологическое укрепление советского режима. Еще более верен, по мнению У. Лакёра, вывод Р. Лоуэнтола: ядерное превосходство для «укрепления советских политических фронтов», закрепления превосходства СССР в обычных вооружениях и запугивания. Общий же метод автора сводится к сваливанию с больной головы на здоровую: СССР, утверждает У. Лакёр, понимает безопасность как собственное превосходство; переубедить его может единственный аргумент — американская военная мощь¹⁰⁸.

С развиваемой консерваторами идеей «советской угрозы» было тесно связано их утверждение об «отставании» США в военной области, а также оценка ими договоров ОСВ-1 и ОСВ-2.

Несмотря на то что США начали новый виток в гонке вооружений еще в конце 70-х годов (решения о нейтронной бомбе, ракетах МХ и др.), тезис об «отставании» развивался в сборнике 1980 г. такими влиятельными авторами, как Э. Теллер и Ф. Икле, а вместе с ними «пишущей братией» в лице А. Хёбер, Дж. Дугласа, Р. Клайна¹⁰⁹. Эти пять авторов твердили, что американский арсенал все больше уступает советскому, что русские опередили США в ракетах, ядерных подводных лодках, противоспутниковой технике (Э. Теллер), что «ядерное отставание» сохранится и в 80-е годы, что в течение 15 лет Советы тратили на военные исследования и разработки «вдвое больше, чем

США», а на стратегические вооружения — «второе больше» (Ф. Икле), что НАТО стоит позади ОВД в обычных вооружениях, что Советы «имеют возможность нанести второй и третий удары» (А. Хёбер и Дж. Дуглас). Ко всем этим искажениям действительности добавлялась ожесточенная критика в духе покойного Джо Маккарти «упущений» администрации Дж. Картера, в частности «ослабления» ЦРУ, которое «управляется теперь 40 коммунистами» (А. Хёбер и Дж. Дуглас) и испытывает нехватку сотрудников, тогда как СССР «использует 500 тыс. разведчиков» (Р. Клайн).

Все это писалось в сборнике, имевшем вполне научный вид, снабженном ссылками на источники и литературу, явно претендующем на исследовательский уровень. Впрочем, из упомянутых выше авторов по крайней мере некоторые выступали под несомненным влиянием своих связей с Пентагоном и ЦРУ: Э. Теллер, известный физик, создатель американской водородной бомбы, член двух академий, сотрудник — исследователь Гуверовского института, в прошлом работавший в Управлении военной разведки; Ф. Икле, профессор политологии в Мичиганском технологическом институте, заведующий отделом социальных наук в «Рэнд корпорейшн», бывший директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, советник двух президентов на переговорах ОСВ; Р. Клайн, международник из Джорджтаунского университета, автор ряда книг, ранее заместитель директора ЦРУ и директор Бюро разведки и расследований госдепартамента.

Прикрывшись шумной кампанией о «советской угрозе» и «отставании» американских вооружений (что служило обоснованием требований о наращивании военной мощи США), реакционные силы вели параллельно курс на срыв переговоров об ограничении стратегических вооружений. И в этом отношении консервативная литература выполняла социальный заказ правящих кругов Америки, поставляя и развивая аргументы против договоров ОСВ-1 и ОСВ-2.

Истории переговоров об ограничении стратегического оружия посвятили большие разделы своих работ или специальные статьи многие консервативные авторы. В качестве примера как общего их подхода, так и отдельных нюансов могут быть взяты взгляды «новых консерваторов» П. Мойнихена и Н. Подгореца, умеренных консерваторов Р. Осгуда и Р. Такера, воинствующих Р. Стаара и Р. Пайпса.

П. Мойнихен не только изучал переговоры академически, но, будучи председателем сенатского специального комитета по разведке, летом 1978 г. отправился в Женеву и провел беседы с рядом причастных к ним лиц. Это, однако, не сделало его выводы более объективными. Как и все представители правых кругов США, он в своей (уже цитированной нами) книге отдал немалую дань демагогии, критикуя ОСВ-1 и ОСВ-2 как «недостаточные» с точки зрения подлинного разоружения: ОСВ-1 ограничил лишь пусковые установки, а не боеголовки (т. е., разъясняет автор,

шахты, «дыры в земле», а не то, что реально убивает); оба договора посвящены лишь ограничениям роста, в частности предельным потолкам для тех или иных видов оружия, а не сокращению стратегических вооружений. «Поддержание процесса и установление целей», создание форума для координации и сотрудничества — этого недостаточно, пишет он.

Однако его дальнейший анализ направлен не на большие и равные сокращения ядерных вооружений, а на требование предоставить преимущества США и ограничить советский потенциал. П. Мойнихен критикует существующую систему контроля, жалуясь, что вследствие иранской революции 1978 г. США утратили передовые станции прослушивания в Иране, с которых «велось наблюдение за районом Аральского моря и советской Центральной Азии». Он утверждает, что, заключая договоры ОСВ-1 и ОСВ-2, США оставили СССР возможность в дальнейшем превращать свои тяжелые ракеты в «контрсилковое» оружие первого удара (counterforce weapon) в отличие, как он пишет, от ракет, нацеленных на города (countervalue weapons). В этой связи он одобряет отнюдь не потенциальное, а вполне реальное и последовавшее немедленно за договорами наращивание Р. Никсоном и Дж. Картером вооружений Америки — развертывание программ создания системы «Трайдент», бомбардировщика В-1, ракет МХ и др. (Впрочем, несколько далее он признает, что ракета МХ, например, является именно оружием «первого удара».)

П. Мойнихен с правых позиций осудил и раскритиковал провозглашенную школой «реализма» и ставшую исходной позицией на переговорах ОСВ доктрину военного сдерживания (deterrence в отличие от containment Дж. Кеннана) путем гарантированного уничтожения (assured destruction (AD) или mutual assured destruction (MAD) — «сумасшедшую доктрину», как назвал ее в 1969 г. по созвучию с этой аббревиатурой профессор Гудзоновского института Д. Бреннан). Доктрина заключалась в том, что ни одна из сторон не решится напасть, если будет знать, что не менее 25% ее населения и 50% промышленного потенциала будут уничтожены ответным ударом ракет, нацеленных на города. При условии, если обе стороны сохраняют способность нанести подобный «второй удар», гласила доктрина, нападение становится самоубийством для агрессора.

Доктрина, писал П. Мойнихен, создавалась в академических кругах, людьми, оторванными от живой действительности (такими он объявлял физиков — Р. Оппенгеймера, Г. Бете, Л. Спиларда, а также социологов и политиков — А. Уолстеттера, Г. Кэнна, Ф. Икле, Э. Энтховена, Р. Роуэна, Г. Киссинджера). Нежизнеспособность этой доктрины проявилась, по мнению П. Мойнихена и ему подобных авторов, в том, что возможность нанесения «второго удара» была ликвидирована изобретением и развертыванием «контрсилкового» оружия. Здесь-то и начинается искажение подлинного положения дел: не гонясь каких-либо конкретных данных, ограничиваясь декларативными заявлениями о том, буд-

то бы русские, «считая победу в ядерной войне возможной», и строили свои ракеты, П. Мойнихен приписывает инициативу создания «контрсилового» оружия СССР, а появление американской ракеты МХ и т. п. систем «первого удара» изображает как «вынужденный ответ». США, абсолютно голословно пишет он, «отказывались» от своих собственных доктрин «гарантированного уничтожения» и военного сдерживания «в то время как Советы, крадучись, приобретали способность к первому удару». С помощью передержки — замалчивая нарушение Соединенными Штатами договоров и соглашений, их духа и целей путем создания все новых систем оружия, а также обзвывая с шовинистических позиций всю послевоенную историю переговоров о разоружении, П. Мойнихен делает вывод, что «русские стремятся к превосходству» и США должны обогнать их в этом отношении, а не заниматься бесперспективными переговорами типа ОСВ.

Не «сдерживание», но «превосходство» — это требование достаточно откровенно звучит со страниц книги П. Мойнихена. Еще в 1969 г. надо было, пишет он, предупредить СССР, что «мы будем увеличивать расходы на вооружения, пока русские не обанкротятся». В настоящее же время остается только развертывать «контрсловное» оружие (автор называет его к тому же «более гуманным»), развенчать идею «реалистов» о бессмысленности превосходства и объединить вокруг такой программы как либералов, так и консерваторов¹¹⁰.

Сходные идеи развивал и Р. Осгуд, который также писал о «тревожном нарастании советской военной мощи», якобы нацеленной на создание возможности «первого удара» и нарушение сдерживания, ранее достигшего (в 1947—1970 гг.), по мнению автора, определенного успеха. Для восстановления баланса «сдерживания» наилучший путь, по мнению В. Осгуда, военное превосходство США во всех опасных пунктах. В отличие от П. Мойнихена этот автор не призывал отказываться от ОСВ вообще, но развивал идею пресловутой увязки. Соглашения о контроле над вооружениями недостаточны, писал он. Они не умирят революции в Африке, Азии и Латинской Америке. Поэтому необходимо увязывать переговоры ОСВ с требованием уступок со стороны СССР в его политике помощи освободительному движению, содействовать модернизации Китая, используя этот курс, чтобы опять же «вырвать уступки» у СССР. «Увязывание полезно!» — провозглашал Р. Осгуд¹¹¹.

Н. Подгорец приветствовал «смелое решение» Р. Рейгана наращивать вооружения, невзирая на оппозицию в стране, так как СССР, «стремящийся к гегемонии», не хочет равновесия военной мощи и «никогда не подпишет» соглашения, не обеспечивающего ему военного превосходства, «не примет на деле» принципа равенства или паритета. Соглашение — «пустая надежда». Эти голословные утверждения, типичное для консерваторов отсутствие заботы о доказательствах, заменяемых громкими фразами и декларациями, автор сопровождал критикой либеральной по-

зии. «Американская банда четырех» — М. Банди, Дж. Кеннан, Р. Макнамара, Дж. Смит, писал он, своим предложением принять обязательство не употреблять ядерное оружие первыми (которое неожиданно поддержали Э. Кристол и Г. Кан), проявили себя как изоляционисты, С. Бялер и другие авторы, «закрывающие глаза на советскую агрессию», выступают как продолжатели политики умиротворения¹¹².

Образцом взглядов наиболее воинствующих консерваторов могут служить статьи Р. Стаара в уже упоминавшемся сборнике «Соединенные Штаты в 1980-е годы», изданном под редакцией П. Дуигнана и Э. Рэбашки. При всех оттенках и вариантах мнений среди приведенных выше консервативных авторов их работы в основе своей имели единое направление: все они требовали неограниченного наращивания вооружений США, отрицательно относились к переговорам в этой области и выдвигали лживые обоснования такой позиции, а именно «аргументы» о «советской угрозе» и «отставании» США, о новейших военных программах как условии «безопасности» Америки, о «срыве» возможных военных соглашений (ссылаясь на помощь СССР освободительным движениям), приводя при этом искаженные факты и данные по всей истории послевоенного периода.

С вопросом об отношении к СССР и проблемам ограничения вооружений тесно связаны и взгляды консерваторов на проблему политики США в Западной Европе. Конечные цели этой политики формулировались в консервативной литературе, по сути дела, так же, как и в либеральной. Констатировалась «жизненная заинтересованность» США в европейских делах, определяемая прежде всего как необходимость совместной борьбы против СССР и совместной защиты капиталистического строя («западных ценностей»).

Если США покинут Европу на произвол судьбы, утверждал Л. Ленковски в журнале «Комментри», всем европейским государствам угрожает «финляндизация». Долговременная цель Москвы в Западной Европе, писал, вновь не заботясь о доказательствах, Р. Пайпс, оторвать ее от США и «сделать ее зависимой от СССР»; сочетание советской военной мощи и европейской развитой экономики дало бы русским «бесспорную мировую гегемонию». Способы же «установления зависимости Западной Европы от Восточного блока» автор видел не только в таких взаимовыгодных начинаниях, как поставки нефти и газа, торговые соглашения с европейскими фирмами, но даже — выворачивая факты наизнанку — в определенной задолженности стран СЭВ Западной Европе¹¹³.

Методы, предлагаемые консерваторами в области европейской политики США (при общности конечных целей тех и других), значительно отличались от предлагаемых либералами, были более прямолинейными. Если прогрессисты склонялись к сокращению американского вмешательства в европейские дела (и постоянно обвинялись на этом основании в изоляционизме), а либералы от-

стаивали «равное партнерство», то консерваторы, как старые, так и новые, высказывались за американское *лидерство*. Европа, включая ее внутренние дела, подлежала, по их мнению, руководству со стороны США как «старшего партнера» в силу ее «жизненной важности» для Америки.

Встречались исключения националистического характера. Э. Кристол, например, заявлял, что его мало беспокоит, если параллельно с восхваляемым автором ростом национализма в США аналогичный ответный процесс будет развиваться в ФРГ: пусть ФРГ будет не проамериканским, не противоамериканским, а просто прогерманским государством. Р. Пайпс считал, что было бы хорошо «проучить» избалованную американскими благодеяниями Европу — лет на пять уйти из нее, лишить ее американской защиты — это был бы, по его мнению, «оздоровляющий шок». Он не соглашался и с тезисом, что США защищают в Европе свои, а не европейские интересы.

Однако в целом большинством консервативных авторов роль западноевропейских государств и НАТО толковалась не в смысле сотрудничества, как представляли дело либералы, а скорее в плане покорности и послушания стран Западной Европы (популярный у западноевропейских правых термин «атлантизм» не случайно не в ходу у американских консерваторов)¹¹⁴. В этой связи консерваторы критиковали ту часть «доктрины Никсона», в которой провозглашалось «равное партнерство». Р. Никсон в своих мемуарах «дикое преувеличивает» новизну и значение этого принципа, писал Р. Пайпс: он повторяет старую и не оправдавшую себя идею «европейского концерта наций»¹¹⁵.

Американо-европейские противоречия и акции, воплощавшие самостоятельность европейских стран, трактовались как возмутительный и гибельный для самой Европы «изоляционизм». В соответствии с общим духом сборника под редакцией П. Дуигнана и Э. Рэбашки, об этих фактах писали и западноевропейские его участники. «Хотя ФРГ в основном ориентируется на США, — отмечал, например, А. Гроссер, — она все более становится экономическим конкурентом Америки. Франция порой прямо поддерживает СССР против США и создает собственное ядерное вооружение. Европейско-американские столкновения возникают в области обороны, продажи ядерных реакторов и оружия третьему миру, нефтяного кризиса, инфляции, американского протекционизма». Все эти противоречия подрывают «жизненную заинтересованность» США в «обороне, процветании и самом существовании ЕЭС»¹¹⁶.

Датско-американский историк, сотрудник Гуверовского института Д. Гресс нападал на «национально-нейтралистскую чепуху», которая пользуется все большим признанием и в Западной Германии. Он называл «дурацкими иллюзиями» раздававшиеся в ФРГ призывы к отказу от односторонней ориентации на Америку, от «западного союза» во имя экономического союза с ГДР, к роспуску НАТО и ОВД, к переговорам с СЕПГ. Проповедуе-

мые в части западногерманской исторической литературы идеи независимости Европы, «германского пути» основаны, уверял автор, на нежелании видеть реальную обстановку. Д. Гресс осуждал всякие контакты ФРГ с ГДР, в том числе даже в области культуры, определяя их как «использование Советским Союзом порочной нейтралистской тенденции». Он с горечью констатировал, что люди, столь опасно настроенные, встречаются не только среди левых, в СДПГ, но и в ХДС, делая на этом основании пессимистический прогноз: «Перемена правительства в Западной Германии дает малую надежду на будущее единство западного альянса по сравнению с тем, на что рассчитывали многие в Соединенных Штатах, и особенно в рейгановской администрации»¹¹⁷.

Менее жестко, но, по сути дела, ту же мысль о необходимости руководящей роли США в Западной Европе сформулировал Г. Киссинджер. Под лозунгом «зрелого партнерства» предлагалась новая Атлантическая хартия, требовавшая уступок в пользу США в области экономических отношений, поддержки американской политики во всех внеевропейских регионах и т. п. Как известно, предложение Вашингтона потерпело провал. В ответной декларации «Облик Европы» западноевропейские лидеры подчеркивали самостоятельность ЕЭС, особые интересы их стран.

Вспоминая эти события, Г. Киссинджер признает, что США недостаточно учли тогда наступление новых времен (это не были «годы плана Маршалла», уже Ш. де Голль подчеркивал несоответствие французских интересов с американскими, ядерное превосходство США ослабевало). Г. Киссинджер снова ссылается на то, что помешал ему Уотергейт. «Год, которого никогда не было», показал, по его мнению, выдвижение западноевропейцами на первый план «второстепенных местных интересов», а не «более широких целей». Он предсказывал постепенное продвижение Европы к новой Атлантической хартии в дальнейшем¹¹⁸.

Требование послушной ориентации на Америку и фактического признания американского диктата пронизывало также отношение консерваторов к внутриполитическим проблемам европейских стран. Это прежде всего относилось к проблемам вхождения коммунистов в правительства. У. Бакли с порога отвергал рассуждения либералов о допустимости такого вхождения в расчете на «еврокоммунизм». Он развивал неоднократно опровергнутый послевоенной практикой затертый антикоммунистический тезис о том, что якобы коммунисты, придя к власти, «вытесняют все другие партии», нападал на государственного секретаря С. Вэнса, заявившего, что вхождение коммунистов в правительства Европы не составляет угрозы для США, высмеивал либералов, которые «занимают две противоположные позиции сразу»: говорят о взаимозависимости и предлагают не вмешиваться в европейские дела. Он в следующих словах сформулировал американское «право на вмешательство»: «Если судьба Вашингтона и Нью-Йорка может решаться в Париже и Риме, мы должны

участвовать в том, что происходит в Париже и Риме...». Какой-либо сдвиг в американской политике, основанный на «расчете атомизировать компартии», У. Бакли объявил «в высшей степени опасным» и доказывал, что подобные надежды никогда не сбылись.

Характерен последовавший за этими высказываниями диалог между У. Бакли и другим участником телевизионной дискуссии Р. Клэрменом:

«Пожалуйста, не берите нас на испуг...— заявил Р. Клэрмен.— Вы воздали вашу обычную дань либералам. Но нельзя ли все-таки... содействовать распаду коммунизма, поощряя, без особых иллюзий, национальный коммунизм? Я хотел бы спросить вас, какова альтернатива, если не делать этого,— прямое столкновение между монолитным коммунизмом и твердой системой частного предпринимательства?» На это Бакли отвечал, что можно пытаться воздействовать на отдельные социалистические страны... Но нельзя «ставить под угрозу судьбу союзников США», например «отдавать Италию» и «смотреть, что из этого произойдет». Р. Клэрмен добавил, что он не призывает поощрять «еврокоммунизм», но все же: «что с ним делать, м-р Бакли?». Тот в ответ призывал «использовать все средства»: экономические, пропагандистские. В частности (это было накануне муниципальных выборов 1978 г. во Франции), разъяснить, что победа коммунистов «пойдет вразрез с нашими идеалами», что США «дважды за столетие освобождали Францию и не хотят видеть, как она соскальзывает в ситуацию, которая потребует третьего освобождения». В конце диалога У. Бакли и Р. Клэрмен все же согласились, что, если к «европеистам» найти «правильный подход», они могут стать скорее друзьями, чем врагами США¹¹⁹.

Как указывалось выше, некоторых консерваторов пугало не только коммунистическое движение, но даже мирный британский фабианский социализм. Так, П. Мойнихен посвятил немало страниц критике лейбористского «антикапитализма» и связывал «разлагающее влияние» этих идей с ростом социальных расходов в США, ослабившим американскую оборону.

Аналогичные подходы, хотя и не сводящиеся к «британскому социализму», развивал Р. Пайпс. Западная Европа, писал он, пережила настоящую социальную революцию, которая имела самые отрицательные последствия: ранее это были страны с четкой социальной стратификацией, бесспорной властью элиты — потомков прежней феодальной аристократии, где низшие классы знали свое место; теперь это общество, где массы получили доступ к любым потребительским товарам, путешествиям, спорту, роскоши, что привело к падению престижа и влияния господствующего класса. «Западная Европа находится в разгаре потребительской оргии, что с каждым годом уменьшает ее желание вести активную внешнюю политику и предпринимать значительные оборонные усилия». Она предпочитает полагаться на американскую защиту. Военный щит США и американские инвести-

ции породили «недостаток решимости», а «социальная революция» усилила это иждивенчество. «Низшие средние классы и рабочий класс выдвинулись на позиции власти и влияния; обуржуазившись, они предпочитают скорее смотреть телевизор и заботиться о личном материальном благополучии, чем вмешиваться в политику; в результате — паралич национальной воли»¹²⁰.

Таким образом, Р. Пайпс обвинял европейские правительства в отсутствии воинственности, в недостаточной поддержке США. Говоря о «параличе национальной воли» в «оборонных усилиях», он требовал, как это ясно следует из контекста, активизации антисоветского курса, подчинения его милитаристской политике Р. Рейгана. Достаточно откровенно звучала при этом и нелюбовь к демократии, мечта об элитарном строе в Европе, с интересами которого цели правящих кругов США совпадали бы, по его мнению, более полно.

Вместе с тем в консервативной литературе как позитивное явление и обнадеживающая перспектива отмечался тот факт, что социалистические течения потерпели поражение на выборах в Англии, ФРГ и некоторых других странах, что идет процесс отказа от государственного регулирования, возврата к свободному предпринимательству, к идеям «новых философов из Общества Мон-Пелерэн». Эта тенденция объявлялась ведущей на 1980-е годы.

Претензия на роль старшего партнера, заявка на вмешательство во внутренние дела с целью поощрения и укрепления реакционных элементов дополнялись главным требованием консерваторов — об укреплении военного потенциала США в Западной Европе и более прочном привязывании западноевропейских стран к блоковой стратегии США. Консервативная литература осуждала настроения в пользу мира и невмешательства как «изоляционизм». Между тем, судя по опросам, писал А. Гроссер, лишь немногим больше половины американцев поддержали бы посылку войск в Европу для «защиты ее от СССР» — собственный «нап изоляционизм становится растущей опасностью»¹²¹. Консерваторы развивали тезис о том, что НАТО не является угрозой для СССР, что о нападении с ее стороны «нельзя и подумать». «Конечно, Советскому Союзу нечего бояться наступательных действий НАТО», — утверждал Р. Пайпс, довольствуясь в качестве аргумента фразой о том, что будто бы «прошлый опыт показывает нежелание НАТО пользоваться советскими трудностями»¹²².

Менее голословным стремился быть Т. Вулф, который в главе «Советские военные возможности и намерения в Европе» использует множество сравнительных цифр (на начало 70-х годов), характеризующих силы ОВД и НАТО. Автор приходит к выводу: хотя в Европе существует военное равновесие, оно очень непрочное, во всяком случае, НАТО, по его мнению, «не готово» к обычной войне с СССР¹²³.

Перед лицом неопровержимых фактов как Р. Пайпс, так и Т. Вулф признают, что «советское нападение на Западную Евро-

лу не является вероятным» (Р. Пайпс), что неспровоцированную атаку против НАТО «трудно предположить» (Т. Вулф). Последний даже набрасывает в своей работе несколько сценариев советского нападения на Западную Европу и приходит к выводу о их нереальности. Однако, делая подобные заявления, они все же изыскивают оправдания для нового рывка в наращивании вооружений НАТО. Так, Р. Пайпс объявляет «более вероятным» советское военное вмешательство «на периферии Европы — в Югославии, Греции». В качестве же главного аргумента оба автора измышляют некую «постепенную, по частям, терпеливую» советскую тактику «дезинтеграции Европы путем внутреннего и внешнего давления». Какие же действия СССР могут вести к «дезинтеграции Европы»? Р. Пайпс разъясняет: ставка в каждой европейской стране на партии мира, торговые сделки с отдельными странами ЕЭС, «ослабляющими единство» Атлантического сообщества. США не имеют стратегии против таких мирных методов, жалуется Р. Пайпс ¹²⁴.

Под требование наращивания американского военного потенциала в Европе подводили пропагандистскую и теоретическую базу и другие консервативные авторы. Р. Такер, анализируя события 1979 г., утверждал, будто бы в Западной Европе нарастает тревога относительно надежности опоры на США, растут опасения по поводу ослабления американской военной мощи в Европе, «уступок» Америки по договору ОСВ-2. Опасения правящих проамериканских группировок в Западной Европе он пытался выдать таким образом за «тревогу» наций в целом, игнорируя сильные антиамериканские настроения, оппозицию курсу НАТО, вылившемуся как раз с конца 70-х годов в мощное движение протеста против размещения американских ракет на европейской земле. Р. Огсуд пытался теоретически доказать реальную возможность ограниченной ядерной войны в Западной Европе и упрекал европейцев, что они не исходят из такой перспективы ¹²⁵.

Таким образом, ведущие консервативные авторы, исследуя проблему американо-европейских отношений, предлагали не «равное партнерство» и атлантизм, а подчинение американскому руководству, усиление вмешательства США во внутреннюю политику европейских стран с целью пресечения роста левых сил и вообще миролюбивых тенденций, наращивание военного потенциала НАТО. Степень прямолинейности и грубости этих требований была различной у разных авторов, но бездоказательность главного тезиса о необходимости американского руководства для борьбы с некоей, «возможной» в будущем «советской угрозой», а также потеря чувства реальности — общими.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС В ОТНОШЕНИИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Исследования консервативных авторов, касающиеся политики в «третьем мире», поражают примитивностью основной концепции. В конечном счете она сводится к тезису о «советском

проникновении» как причине национально-освободительных движений. Если прогрессисты сочувственно относились к этим движениям и провозглашали право бывших колоний на «свою Декларацию независимости», а либералы призывали учитывать серьезные внутренние причины революций в Азии, Африке и Латинской Америке, то консерваторы сосредоточили основное свое внимание на искаженно трактуемых ими действиях СССР.

В консервативной литературе содержалось немало жалоб на ослабление позиций США в развивающихся странах. Так, например, оценивая ситуацию за 1979 г., Р. Такер перечислял такие события, как революция в Иране, вновь обострившийся нефтяной кризис и американо-японские противоречия, возникшие на базе конкурентной борьбы на мировых рынках; неутраченное палестинское движение и всеобщая оппозиция Кэмп-Дэвиду в арабских странах, которая якобы «вынудила» Вашингтон добиваться сепаратного мира вместо всеобщего; советские действия в Афганистане, «не считающиеся с реакцией США»; продолжающееся пребывание кубинских сил в Анголе. В Юго-Восточной Азии, продолжал автор этот скорбный перечень, американо-китайское сближение «не оказало особого влияния на СССР». В Латинской Америке также США брошен «вызов» в виде «советской бригады на Кубе» и особенно сандинистской революции в Никарагуа. Влияние США падает, делал вывод Р. Такер¹²⁶.

Однако причины всех этих «потерь и неудач» консерваторы видели не в том, что США превратились в тормоз прогрессивных тенденций века, неодолимых в своем поступательном движении. Наоборот, они оценивали колониалистскую политику США как воплощение благородства. США «защищают свободу», писал П. Мойнихен, не только свою, но и других стран. Индии они помогали продовольствием в 50-е и 60-е годы не потому, что там были какие-либо их экономические или стратегические интересы, а стремясь «сохранить здесь демократический строй». (Индия отказалась от американской помощи в знак протеста против американской «защиты демократии» во Вьетнаме, признает автор, «но это уже другой вопрос».) Отказ «защищать демократию» означает, по мнению П. Мойнихена, приспособление к «тоталитаризму», на которое Америка никогда не пойдет. Обрушиваясь с резкой критикой на книгу С. Херша о политике Никсона—Киссинджера как на собрание предвзятых трактовок, сплетен и искаженных характеристик, «еще одну бесчестную атаку журналистов» на американскую политику, автор рецензии в «Комментри» некий М. Ледин возмущается осуждением вмешательства США в ход чилийской революции, считая такое осуждение «оправданием терроризма и антиамериканизма». С. Херш осмелился назвать С. Альенде умеренным социал-демократом, негодует рецензент. Он не критикует коммунистический Вьетнам! У него США виновны в любой войне!¹²⁷

Вьетнамская война, в которой, по признанию всего мира, США выступили как агрессор, по-прежнему привлекала особое внима-

ние консервативных авторов, стремившихся обелить и оправдать американский империализм. Либеральную оценку «не преступление, но ошибка» большинство этих авторов (в том числе и новых консерваторов) сдвигали еще дальше в сторону явной апологетики: «не ошибка, но неудача». Это была «война либералов», вызванная заботой о сохранении «либеральных ценностей за рубежом», писал П. Мойнихен: «Гордость вовлекла нас в эту трясину, почти фаустовское презрение к второму закону войны, сформулированному Монтгомери Аламейнским — „Никогда не посылай войска в континентальную Азию“» (Первый закон — «Никогда не предпринимай марша на Москву»). Но главное, по его мнению, не в этом. Беда была лишь в том, что американцы плохо понимали, за что они борются во Вьетнаме, идеологическая сторона проблемы была упущена. В ответ на аргумент о том, что Европа устала от войн, Р. Пайпс заявлял, что Америка тоже устала, десятилетиями неся бремя руководства, особенно во Вьетнаме, но она «высоко ценит свободу», рядовой американец сознает, «что Америка — благословенная страна, что он всем обязан Америке, и он готов сражаться за это»¹²⁸.

В чем же тогда причина неудач США, ослабления их позиций в развивающихся странах? Ответ консерваторов был заранее готов: советское «проникновение». Однако не было никаких доказательств военных планов СССР в отношении развивающихся стран. Даже шум, поднятый в связи с событиями в Афганистане, о предполагаемом походе советских войск к Персидскому заливу с целью «установления контроля над источниками нефти», Т. Вулф, проверивший этот пропагандистский вариант путем просчета специального сценария, признал надуманным и нереальным. Шире выдвигался тезис о «косвенных методах» подчинения развивающихся стран, о «скрытом проникновении».

Дж. Ганн и П. Дугнан рассматривали Африку как «новое поле борьбы с советским влиянием», которое распространяется через «дипломатию, прокоммунистические группы, ортодоксальные коммунистические партии, экономические контакты, экспансию на морях, освободительные войны, ведущие к «национально-демократическим» революциям — преддверию социализма».

П. Дугнан объявлял победу вьетнамской революции, имевшей, как известно, глубоко национальные исторические корни, «победой советского империализма». В перечень «косвенных методов» попадали буквально все формы отношений СССР с развивающимися странами. К ним была отнесена помощь законным правительствам и странам, подвергшимся агрессии (арабские страны Ближнего Востока, Северный Вьетнам, Ангола — Р. Пайпс); «советский фактор» трактовался как решающий в возникновении массовых движений и организаций ЗАПУ, ЗАНУ, СВАПО в Южной Африке (К. Глезер, С. Поссони). В «криминальном списке» были влияние марксистской идеологии, обучение иностранных студентов в СССР (те же К. Глезер, С. Поссони), «привязывание третьего мира к СЭВу» (Р. Пайпс). Движение неприсоединения

оъявлялось свидетельством «раболепия» перед СССР (П. Мойнихен о Гаванском конгрессе 1979 г., «осмелившемся» критиковать действия США), лозунг мирного сосуществования — «обходом с фланга» (Р. Пайпс) и т. д. и т. п.¹²⁹

В противовес прогрессистам, избличавшим террористическую политику США, консервативная литература твердила о «терроризме» освободительных движений. Типичны в этом отношении утверждения К. Глезера и С. Поссони: «Терроризм часто используется как добавление к партизанским войнам» (в качестве примера назывались Вьетконг, Патриотический фронт в Замбии и Мозамбике). «Позади этих террористических фронтов стоят манипуляторы. Один из удаленных контрольных центров находится в СССР, другой — это палестинцы. Есть и другие арабские вдохновители — в Ливии, Иране, Сирии и Южном Йемене»¹³⁰. Сложная проблема терроризма (многократно осужденного Советским Союзом), объективно проанализированная советскими учеными¹³¹, решается здесь просто — сваливанием вины на СССР, Кубу, Чехословакию, на «манипулирование» из-за рубежа.

В то время как американское вмешательство во внутренние дела развивающихся стран неизменно изображалось в привлекательном виде, цели советской помощи этим странам неизменно искажались и гиперболизировались. Так, признавая «заинтересованность» СССР в налаживании взаимоотношений с молодыми государствами — недавними колониями, тот факт, в частности, что южная длинная граница СССР «стратегически необычайно важна и уязвима», Р. Пайпс незаметно соскальзывает к утверждению, что все-таки «общая цель» советской политики — отрезать западные страны от источников сырья и дешевого труда, лишить их военных баз, в конце концов изолировать их от «третьего мира». «Мы должны сказать Советам, — призывал Э. Рэбашка, — что мы не будем терпеть прекращения поставок нефти из района Персидского залива или Саудовской Аравии и что мы не позволим им или их клиентам лишить нас доступа к минеральным запасам Африки или стратегическим пунктам, таким, как Ормузский пролив»¹³². Таким образом СССР приписывались никогда в действительности не выдвигавшиеся им цели. Естественно, никаких доказательств при этом не приводилось, да их и не могло быть. Отбрасывая всякую объективность, консервативные исследователи выступали здесь на уровне банальных измышлений антисоветской пропаганды в американских средствах массовой информации.

Большое место среди оценок консерваторов, относящихся к национально-освободительным движениям, занимали негативная характеристика этих движений, тезис об их бесполезности и даже отрицательном влиянии на судьбы «третьего мира». В то же время консерваторы вставали на защиту колониализма, доказывая, что он имел прогрессивное значение для бывших покоренных территорий и создал порядки, более благоприятные для населения, чем новые революционные национальные правительства.

В споре с Дж. Гэлбрейтом П. Дуигнан утверждал, что колониализм вовсе не был неудачной политикой. А североамериканские колонии? А Австралия? А Канада? — спрашивал он, делая вид, будто бы это все та же самая колониальная проблема. Вопреки общеизвестным фактам отсталости, нищеты, жестокой эксплуатации, ограбления народов бывших колониальных владений Запада этот профессор провозглашал: «Колониализм был чрезвычайно эффективен в распространении науки и техники в отсталых обществах», он создал там инфраструктуру дорог и портов, систему медицинского обслуживания и образования, современное сельское хозяйство и горное дело, музеи, библиотеки, университеты и школы. Наконец, колониализм добровольно, «почти без насилия и крови», отдал свои позиции, например «британцы ушли с тактом и достоинством из девяти африканских колоний. Конечно, признает П. Дуигнан, компании извлекали выгоду, но одновременно миссионеры и подвижники гуманизма распространяли христианство, боролись с рабством и племенными войнами (с каким результатом, автор не говорит, о колониальной политике натравливания племен и народов друг на друга он, естественно, также умалчивает). Колонии, утверждает П. Дуигнан, привлекали к себе не столько бизнес, сколько миссионеров. Барыши были невелики, даже добыча золота давала не более 6% прибыли. «В Африке и Азии приходилось не столько наживать богатство, сколько преодолевать бедность и отсталость. Всегда требовались большие затраты на то, чтобы управлять отдаленными землями и развивать их. Ни капиталисты, ни народ (западных стран) не стремились создавать империи»¹³³. Особое возмущение консерваторов вызывало то, что вина за политику колониализма возлагается и на США, хотя, заявляют они, «Америка не колониальная страна»¹³⁴.

Многие консервативные авторы использовали трудности перехода бывших колоний к самостоятельному существованию, преодоления той самой отсталости, неграмотности, племенной вражды (которые якобы были успешно ликвидированы колонизаторами) для доказательства того, что новые режимы хуже прежних порядков. После провозглашения самоопределения в результате деколонизации, освобождения, писали К. Глезер и С. Поссони, каким-то образом оказывалось, что «ни в чем не повинных» преследуют, изгоняют, заставляют голодать, даже убивают. В итоге, утверждали эти авторы, возникли еще большие нарушения прав человека, чем было ранее.

Тенденциозно сопоставив положение в Зимбабве и Намибии, авторы писали: «Совершенно ясно, что немедленный демонтаж белых режимов... имеет результатом не либеральные демократические системы, соответствующие тому образцу, который проектировался в Вашингтоне и Лондоне, но однопартийные диктатуры, отражающие племенную гегемонию». Другой результат — гражданские войны. Пришедшие на смену европейскому колониальному управлению местные диктатуры имеют антидемо-

кратический характер, утверждал П. Дунган. В другой своей работе, написанной в соавторстве, он развивал те же идеи на примере экономики африканских государств, уровень которой характеризовал как «плачевно низкий» — как если бы при колониализме он был выше. Ему вторил Н. Подгорец, взявший в качестве примера Центральную Америку. Он чернил революционные порядки на Кубе, освободительную борьбу в Сальвадоре («террористическую») и клеветнически утверждал, что положение здесь не лучше, чем при предшествовавших коррумпированных правительствах ¹³⁵.

Теоретическую базу под апологетику колониализма подвел и Э. Хоровиц. За последние 35 лет, писал он в 1982 г., в мире произошли две трансформации: крушение колониальных империй и появление «третьего мира». Серия революций в Азии, Африке, Латинской Америке поставила вопрос о двух путях дальнейшего развития: 1) «модернизации с помощью свободного рынка, многопартийности, ориентации на потребителя», 2) «индустриализации через централизованное планирование, однопартийность, ориентацию на производителя». Из определяемых таким образом путей, под которыми подразумеваются, по сути дела, капиталистический и социалистический, автор отдает явное предпочтение первому. Выступая против теории К. Маркса о классовых формациях, отбрасывая тезис о решающей роли религии и культуры в развитии всех стран, критикуя работу А. Дж. Франка о латиноамериканских революциях как написанную под влиянием ленинской теории империализма, Э. Хоровиц пытается опровергнуть тезис о необходимости и неизбежности антиколониальных революций, направленных на слом капитализма ¹³⁶.

В итоге можно констатировать, что с разных сторон и различными методами, от примитивной пропаганды до псевдонаучного теоретизирования, консерваторы в своих трудах отстаивают сохранение зависимости отсталых стран, их сохранение в рамках капиталистической системы. Фактически отрицается их право на самостоятельное развитие. Какие же рекомендации дают консерваторы для того, чтобы остановить грандиозный процесс освобождения и укрепить позиции США в «третьем мире?»

Вся консервативная литература требовала активизации американской политики в борьбе с национально-освободительными движениями. В этой связи как необоснованный упадок духа критиковался «поствьетнамский синдром», якобы и явившийся главной причиной ослабления позиций США. «Новые консерваторы, — писал Р. Сагер, — критически относятся к поствьетнамскому изоляционизму, сделавшемуся столь популярным в конгрессе...» События в Афганистане подтвердили, что изоляционизм опасен с точки зрения интересов США. Лозунг «Больше никаких Вьетнамов!», направленный против вмешательства в события за рубежом, работает против «необходимой обороны страны» ¹³⁷.

Новый оттенок придавал этой критике П. Мойнихен, отмежевывавшийся от «рузвельтовских» либералов и использовавший для

этого демагогические нападки на истеблишмент. Элита, писал он, — это по существу синоним истеблишмента, «Нью-Йорк — его столица, законодательная, юридическая и финансовая деятельность — его главные занятия», университеты и средства информации — его союзники и опора. Именно эта элита (преимущественно либералы) и наделала ошибок, начав войну во Вьетнаме, — правда, с благими целями, «во имя свободы». Они привели к тому, что флаг Вьетконга красовался на здании «корпуса мира». П. Мойнихен подчеркивал, что он и ранее не был согласен с критикой, изображающей защиту свободы как «убийство детей», ставящей под вопрос не только моральность, но и законность войны. Отрицание «достоинства и чести» войны, заявляет он, оказало опустошительное влияние, оппозиция все более перерастала в антимилитаризм вообще, в выступления против военных расходов и требования отказа от любой военной вовлеченности.

К этому добавилась еще одна непростительная ошибка — правительство начало лгать, что подрывало позиции руководителей страны, вызвало кризис доверия к внешней политике, развитие пацифистских настроений, даже, в частности, в католической иерархии, ранее столь воинственной. Опрос 1975 г. показал, что лишь 16% публики и 17% лидеров высказались за вмешательство США, если, например, «коммунистический Китай нападет на Индию». Началось безосновательное, по мнению Мойнихена, самобичевание. Президент Дж. Картер осудил «чрезмерный страх перед коммунизмом», который привел к Вьетнаму, а в июле 1979 г. назвал войну во Вьетнаме «аморальной». Даже на уровне такого высококвалифицированного, имеющего мировое значение учреждения, состоящего из бывших американских дипломатов как Совет по международным отношениям говорилось, что американцы должны перестать учить других морали, негодовал автор. Однако, описав этот «кризис духа», П. Мойнихен выражал уверенность, что он будет преодолен, что консенсус вокруг идеи о «вмешательстве во имя свободы» возродится¹³⁸.

Администрация Дж. Картера была нерешительна, конгресс чрезмерно остро реагировал на «имперское президентство» периода вьетнамской войны, развивал критику «поствьетнамского синдрома» Э. Рэбашка. По его мнению, «экспедиция» ЮАР в Анголу в 1975 г., «предприятая по просьбе США», могла бы увенчаться успехом. «Режим Луанды и кубинцев» мог быть свергнут при помощи УНИТА, если бы не американский конгресс, который воспрепятствовал решительным действиям Вашингтона под влиянием таких факторов, как поражение во Вьетнаме, «дезинформация американского народа» и проблема переизбрания президента, выражали запоздалое сожаление К. Глезер и С. Поссоли. Н. Подгорец критиковал настроения «умиротворения» и «изоляциизма» в связи с событиями в Латинской Америке. Думать, что победа коммунизма в Центральной Америке неизбежна, что это волна будущего, — значит, уверял он, «закрывать глаза на совет-

скую агрессию». И этот автор, подобно П. Мойнихену, закончил на оптимистической ноте: дух «умиротворения» будет изгнан «реализмом и патриотизмом», поднявшимися в связи с событиями в Афганистане, а также с проблемой заложников в Иране, что привело к власти Р. Рейгана¹³⁹.

Из критики такого рода, развернутой в консервативной литературе, при всех различиях во взглядах отдельных авторов (Р. Такер, например, критиковал тезис об ограниченных возможностях США, а Г. Кэмпбелл развивал его), вытекали рекомендации относительно необходимости ужесточения политики США в отношении развивающихся стран.

«Позитивные изменения должны быть постепенными в противоположность негативным и часто разрушительным последствиям войны и революционного переворота»¹⁴⁰ — такова была исходная позиция этих рекомендаций. Английский соавтор американского коллективного труда (США в 80-е годы), вышедшего из стен Гуверовского института, П. Т. Бауэр писал: «Менее развитые страны хотят модернизации и вестернизации, но не желают сопровождающей их быстрой трансформации, социального стресса и напряженности». Они стремятся сохранить свою национальную культуру, традиционную религию. «Панисламизм, несомненно, усилится в 80-е годы, и новые Хомейни могут прийти к власти». Колебания между западничеством и традиционализмом раздирают на части политическую жизнь многих стран. Где же выход? Модернизировать надо медленно, суперпланы отменить, массовые мобилизации на выполнение тех или иных задач ликвидировать, масштабные программы также. Следует посылать в слаборазвитые страны меньше специалистов, техники. «В развивающихся странах терпение, может быть, более важно, чем капитал и техника»¹⁴¹. Отрицание революций и сколько-нибудь существенных реформ, особенно проводимых средствами, типичными для стран социалистической ориентации (целевые программы, «массовые мобилизации» и т. п.), означало, конечно, ставку на длительное сохранение отсталости и зависимости, как бы ни прикрывалось это требование апелляцией к защите традиций и национальной культуры.

Исходя из этой посылки, консерваторы в отличие от либералов считали необходимым ограничить американскую «помощь», сократить соответствующие программы и ассигнуемые на них средства. Наряду с обычной демагогией аргументация здесь вновь была направлена на консервацию зависимости и защиту выгод западного бизнеса. Тот же П. Т. Бауэр писал, что помощь иностранным государствам фактически направляется небольшим группировкам политиков и бюрократов. Она идет за счет интересов «американских налогоплательщиков, потребителей, бедных». В то же время «она поощряет социалистические методы решения экономических трудностей и содействует усилению государственного вмешательства, централизованного планирования».

Запад может лучше способствовать процветанию «третьего

мира», утверждал этот автор, если «снизит свои тарифные барьеры, что будет стимулировать мировую торговлю». Некоторые фонды, в настоящее время предназначенные для помощи, могут быть использованы для того, чтобы «компенсировать западный бизнес, которому наносится ущерб импортом из третьего мира»¹⁴². Автор предлагал воздерживаться от займов развивающимся странам и, во всяком случае, предоставлять их лишь коллективно, совместно с другими государствами, а также вообще оказывать помощь только тем странам, «чья внешняя политика не противоречит нашим интересам, либеральной внешней торговле, гарантии частных инвестиций», странам, которые «не допускают государственного контроля над своей экономикой». США могут облегчить голод в развивающихся странах — с помощью своей техники, капиталов и знаний, научить их «быть самоснабжающимися», но сначала эти страны должны снизить прирост своего населения и «научиться управлять собой». Идею влияния на развивающиеся страны через «помощь» отвергал У. Гленн, который писал: «Помощь не может сама по себе излечить бедность. Модернизация не может быть проведена быстро»¹⁴³.

Против решения проблемы «Север—Юг» в духе либеральных предложений выступал в своей работе Р. Такер, который отмечал, что попытка администрации Дж. Картера по-новому подойти к определению главной линии внешней политики, а именно поставить на первое место не отношения Запад—Восток (т. е. с социалистическим миром), а отношения Север—Юг (т. е. с «третьим миром») оказались утопией (как и попытка заменить принцип «баланса сил» принципом «взаимозависимости»); в итоге вся «повизна» свелась к риторике, к морализированию. Идею «помощи» в сочетании с «перераспределением ресурсов» путем коллективного вмешательства развитых стран в экономику «третьего мира» — эту центральную идею в решении проблемы Север—Юг, отстаиваемую либералами, осуждал также Э. Хоровиц, который доказывал, что перераспределение богатства не содействует демократизации, улучшению качества жизни в отсталых странах, что если наблюдается постепенное выравнивание условий жизни в западных государствах, то его якобы нет внутри стран «третьего мира»¹⁴⁴. Таким образом получалось, что этим странам незачем становиться богатыми, достигать уровня Запада.

В рассматриваемых работах содержался и ряд конкретных рекомендаций по регионам Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока, которые еще более наглядно подтверждают стремление их авторов укрепить не столько неокOLONIALISTСКИЕ, сколько староколонIALISTСКИЕ методы в политике США.

Неправильно, провозглашал, например, Н. Подгорец, полагаться в «третьем мире» только на американские доллары, на экономическую помощь — надо прямо бороться против коммунистических режимов. Говоря о том же регионе, профессор из Орегона М. Фалкофф констатировал (в 1980 г.), что США за последние 15 лет проявляли «благожелательное игнорирование» латино-

американских проблем, в результате чего «Латинская Америка все более идет своим путем». Он призывал активизировать политику Вашингтона по всем линиям: больше помощи, но главным образом путем снижения тарифных барьеров, использование против Мексики иммигрантской проблемы, никаких экономических уступок Кубе без политических уступок с ее стороны и т. п.

Дж. Ганн и П. Дунган призывали не допустить потери Западом ценных стратегических материалов, имеющих в Африке (хром, кобальт, уран), не поддаваться «прогрессивной фразеологии» новых режимов, поддерживать «умеренные правительства», сотрудничать с ЮАР, содействовать «стабилизации режима в Запре». Они утверждали, что африканские государства жаждут американской помощи, американского оружия. Дж. Картер, по мнению консерваторов, отказывал в этом «третьему миру». Такое положение должно быть изменено: «Мы должны заменить риторику решимостью, разрядку — динамичной обороной», призывали они.

Те же два автора, оценивая ситуацию на Ближнем Востоке, объявляли: поскольку арабские государства «нуждаются в поддержке против СССР и его радикальных клиентов», США должны усилить свое военное и дипломатическое присутствие в регионе. Авторы рекомендовали продолжать камп-дэвидский «миротворческий процесс», делая ставку одновременно и на Израиль, и на «арабские прозападные режимы», навязывая ООП соглашение о создании «нейтрального Западного берега, возможно, связанного с Израилем договором о конфедерации», или о введении кантонального принципа, с тем чтобы «изъять палестинцев как политический и военный фактор в политике Ливана».

Консерваторы рекомендовали «быть готовыми к военному вмешательству совместно с НАТО» в районе Персидского залива; восстановить прочный союз с Турцией, предоставив ей экономическую и военную помощь, если необходимо, поддержав ее против Греции в кипрском вопросе; помогать Марокко против Алжира, Египту против Ливии¹⁴⁵.

Все эти рекомендации, подкрепленные ссылками на источники и предшествующие исследования вопроса, составили цельную консервативную программу в духе возврата к старому колониализму, направленную без дальнейших околичностей против всех передовых освободительных сил и движений. В своем ослеплении антисоветизмом консерваторы были явно не способны реалистически учесть глубокие внутренние причины грандиозного процесса деколонизации.

СТРАТЕГИЯ НА БУДУЩЕЕ

Консерваторы в своих работах утверждали и развивали идею мирового лидерства США, устанавливаемого путем сочетания военного превосходства и идеологической агрессии. Этим их позиция коренным образом отличалась от взглядов «прогрессистов», отвергавших существующий курс как империалистический

п ратовавших за демократизацию американской внешней политики путем развертывания массовых движений, установления контроля над монополиями, привнесения в политику значительных элементов изоляционизма. Имелись определенные отличия и от либералов, выступавших за более гибкий и реалистический курс, обеспечиваемый, как они предполагали, преобразованиями некоторых пнститутот страны. Курс на мировое лидерство означал конфронтацию с СССР, другими социалистическими странами, с национально-освободительным движением и ожесточенный антикоммунизм как ведущую тему в идеологии. Этим и определялась стратегия на будущее, которую отстаивали консерваторы.

В американской консервативной литературе содержатся прямые заявления о мировом лидерстве как главной стратегической линии. Так, например, Дж. Болл заявлял еще в 1976 г., что нельзя допускать «вакуума руководства»: если США не возьмут лидерство на себя, это сделает СССР¹⁴⁶. Принцип «ответственности» США за все мировые дела провозглашали авторы «Очерков о Хайеке», П. Мойнихен, Р. Огсуд, Р. Сегэр, Р. Такер и многие другие. Р. Огсуд поддерживал основную идею «доктрины Никсона», которую формулировал в следующих словах: «Соединенные Штаты должны и далее определять свою наиболее общую цель как достижение международного порядка, соответствующего американским идеалам»¹⁴⁷. Не делая прямого вывода о необходимости мирового лидерства США, З. Бжезинский и С. Хантингтон подводили к нему в упомянувшейся выше совместной книге¹⁴⁸.

Отвергая идеи либералов о возможности эволюции советской системы к капитализму и надежды консерваторов на ее «неизбежное крушение», они не предлагали какой-либо собственной альтернативы. Но вся тональность исследования названных авторов такова, что конфронтация мира социалистического во главе с СССР п мира капиталистического во главе с США представляется неизбежной¹⁴⁹.

Еще более откровенно невозможность мирного сосуществования провозглашается Р. Пайпсом, который сопровождает свои «научно-исторические» выводы о временном характере разрядки п необходимости возобновить «холодную войну» критикой политики президента Р. Никсона и идеи «мирового порядка», развивавшейся Г. Киссинджером. Р. Пайпс характеризует эту политику как отход от «сдерживания», практиковавшегося с 1948 г., признавая при этом, что пересмотр «сдерживания» в условиях конца 60-х п начала 70-х годов стал необходимым. Однако полный отказ США от «мировой ответственности» был бы совершенно неверен, подчеркивает он. Р. Никсон и Г. Киссинджер понимали это и повели политику более умело, чем их предшественники. Соответственно смысл идеи «нового мирового порядка», предложенной Г. Киссинджером еще в 1968 г., а затем нашедшей отражение в «доктрине Никсона», состоял, согласно Р. Пайпсу, в более равном распределении ответственности между капиталистическими державами («плюралистический мир», «мно-

полярность»), однако военное преобладание оставалось бы при этом «за двумя сверхдержавами». Предполагалось, что эта структура будет функционировать в интересах Америки.

Автор критикует «новый мировой порядок» не за его гегемонистские цели, а за *недостаточный* гегемонизм. Р. Никсон и Г. Киссинджер предстают в его работе наивными людьми, в силу поверхностности своего образования (Р. Никсон) не понимавшими «агрессивных устремлений» СССР, считавшими территориальные захваты анахронизмом (Г. Киссинджер: СССР был бы слабее, если бы завоевал Западную Европу, но не имел ядерного оружия). Идея «нового мирового порядка», считает Р. Пайпс, обречена так же, как в свое время потерпели крах идеи В. Вильсона и Лига Наций ¹⁵⁰.

Критика теорий либералов и политики реализма прокладывала дорогу конкретным предложениям консерваторов о путях и методах, которыми можно было бы изолировать СССР, добиться мировой гегемонии США. Такого рода предложения консервативных авторов о путях осуществления гегемонизма США сводились к трем основным вариантам: «мировой порядок» без СССР, сколачивание суперблоков, военные методы подавления освободительных движений и ставка на реакционные военные диктатуры в развивающихся странах.

За новый вариант «мирового порядка» ратовал З. Бжезинский. В статье 1983 г. он высказался за создание взамен погибшего во второй мировой войне европейского мирового порядка «более широкой международной системы», включающей «третий мир», с возможным привлечением к нему в той или иной форме стран Востока, Европы (опираясь на элементы, «восприимчивые к западным идеям»), но пока без СССР. Историческое сосуществование с Советским Союзом должно сводиться к стремлению избежать ядерной катастрофы ¹⁵¹.

Вариант оформления американского гегемонизма через «мировые партии» выдвигал П. Мойнихен. Он заявлял, что в процессе распада прежних империй (на очереди в этом процессе, утверждал он, выдавая желаемое за действительное, «русская империя») встал вопрос о каких-то новых формах управления миром. Лига Наций, Гаага и арбитражные договоры, конференции по разоружению и ООН — все это уже испробовано и, по мнению автора, провалилось. Пытаясь централизовать «управление миром», либералы выдвинули идею взаимозависимости, «сжатия земного шара», его «уменьшения». Однако, вопреки Орвелу, мир не замкнулся в трех крупных объединениях. Наоборот, возникла сильная тенденция создания все новых и новых государств, и если Лига Наций первоначально включала 41 государство, то ООН к 1979 г. — уже 150. Вместо централизации возникли анархия, межплеменная борьба и соперничество.

В целях достижения стабильности необходимо восстановить порядок, утвердив «единые идеалы» через мировые партии. Прообразом такой партии П. Мойнихен считал Международную орга-

низацию труда (МОТ), созданную еще в 1919 г. в Версале и состоявшую из трех частей: «партии рабочих, партии бизнеса и партии правительств». Другие необходимые предпосылки автор усматривает в лице «блока неприсоединившихся стран», региональных объединений (ОАЕ, ОАГ и др.), специализированных организаций ООН, а также «коммунистического и антикоммунистического блоков» в самой ООН, напоминающих, по его мнению, блоки при парламентских голосованиях.

«Не следует ли нам,— спрашивал Д. П. Мойнихен,— откликнуться соответственно, создав внутри многосторонних организаций блок Запада, который мог бы конкурировать с другими блоками?» Как именно «конкурировать», Мойнихен раскрывает в следующих строках, не упуская при этом случая повторить затасканную антисоветскую клевету. «Советы так и поступают», пишет он, в частности через компартии, кубинские войска и «террористические организации». США совершают огромную ошибку, не предпринимая никаких контрмер. Абсурдно, восклицает он, что со всей своей мощью Америка не контролирует подобные процессы!¹⁵²

Внешне миролюбивые предложения П. Мойнихена о «мировых партиях», о необходимости «торговаться и договариваться», в конечном счете сводились к усиленному расширению блоковой стратегии США и безусловно подразумевали при этом руководящую роль Америки в блоке Запада. Ту же идею, хотя и в иной форме (противопоставляя расширение НАТО европейской коллективной безопасности, отстаиваемой Советским Союзом), развивал Р. Пайпс.

«Невозможно понять цель европейского „пакта безопасности“, в котором Советский Союз был бы активным участником», — заявлял Р. Пайпс. «Либо Советский Союз является угрозой Западной Европе — тогда незачем пускать волка в «пакт безопасности» для овец, «либо он не является такой угрозой — в этом случае нет нужды в коллективной безопасности». Эту схоластику легко, конечно, обратить и против ее автора: пакт взаимной безопасности нужен, поскольку НАТО является угрозой. Столь же односторонне продолжает Р. Пайпс анализ «подлинных» целей борьбы СССР за всеобщую безопасность, которой объясняются в его книге следующим образом: непосредственная цель советских предложений о коллективной безопасности — надежно гарантировать западный фланг, чтобы развязать руки для возможных действий в Восточной Азии; долговременная же цель — знакомая нам «дезинтеграция Европы» путем поддержки миролюбивых сил и торговли с западноевропейскими странами.

Развивая идею создания в дополнение к НАТО антисоветского блока в Азии, Р. Пайпс наиболее откровенно очертил путь к мировому господству. Речь шла не только о наращивании вооружений НАТО, но о расширении блока до мирового, исключаящего и изолирующего СССР. «Предотвратить советские вторжения» в Европу и Азию, писал он, можно лишь «координацией усилий»

на Западе и Востоке, прежде всего привлекая к этим «усилиям» ведущие страны. Американо-европейские отношения должны быть расширены и охватить Японию, а возможно, и Китай¹⁵³.

Другие консервативные авторы выдвигали на первый план усиление идеологического наступления США в отношении развивающихся стран. Тот же П. Мойнихен, возмущаясь, что в результате «мягкости Картера» допущены такие факты, как принятие неприсоединившимися государствами документов, осуждающих «американский империализм, колониализм, милитаризм, расизм» и положительно характеризующих разрядку, писал, что США явно недооценивают значения идеологической борьбы. Следует ли капитулировать перед «советизацией новых государств», спрашивал он. Социализм, который провозглашается в этих государствах, отличаясь от советского, имеет свои специфические, «заслуживающие внимания» черты. Но он всюду без исключения является вариантом государственного капитализма, революционные доктрины не защищаются уже с прежней страстью, кроме как в самых отсталых странах, и американские дипломаты должны понимать это. «Мы пока еще мало занимались новыми государствами на уровне идеологии», — подчеркивал он¹⁵⁴.

Однако более типичным для консерваторов был не этот вывод, носивший на себе следы либерального прошлого П. Мойнихена, а прямой призыв к военному подавлению освободительных движений. «Твердый курс отпора советской экспансии!» — призывал Э. Рэбашка. «Мы допустили размывание нашей военной мощи, теперь надо действовать быстро», в частности срочно создавать «силы быстрого развертывания». Ориентироваться на применение военных методов рекомендовал и Р. Осгуд. Анализируя уроки Вьетнама, этот автор не соглашался с теми, кто считал, что нечего было вмешиваться, эту колониальную войну выиграть было нельзя. Он присоединялся к мнению, что поражение было результатом ошибок и специфических обстоятельств (слабость сайгонского правительства, неподготовленность к ведению противопартизанской войны, лишь постепенное, малоэффективное наращивание военных усилий, оправдание вьетнамской авантюры «национальными интересами» США не очень убеждало американцев). Урок, извлеченный рядом американских политиков и военных, — не надо втягиваться в подобные войны собственными силами — не обязателен, и вряд ли это убеждение будет долговременным. Не случайно стала возрождаться идея «ограниченной войны», которая возможна прежде всего в сфере колониальной — «сдерживание» следует вновь ввести во внешнюю политику США, причем в его расширенном толковании (применять не только в Европе)¹⁵⁵.

Э. Хоровиц положительно характеризовал процесс милитаризации отсталых стран, призывая всячески его поддерживать. Проанализировав военные режимы в Аргентине, Бразилии, Перу, он в работе 1982 г. сделал вывод, что эти режимы добиваются опоры на собственные ресурсы в экономике, принимают меры по

наведению порядка, успешно умирляют партизан и «новых левых». «Военные оказались в состоянии играть уникальную роль в подъеме экономики среднего класса, стабилизации парламентского механизма, организации современного общества», — писал Э. Хоровиц. Главное же, по его мнению в том, что военные диктатуры усиливают «национализм скорее, чем социализм», выдвигают вперед «организационные, иерархические ценности» скорее, чем классовые. Не доверяя «ни буржуазии, ни аристократии, ни пролетариату», они укрепляют государственную власть. Последующее развитие событий, в частности правление военных в Бразилии, Аргентине и других странах Латинской Америки, начисто отмело эти «оптимистические» прогнозы американского консерватора.

Э. Хоровиц утверждал далее, что США уменьшают продажу оружия Латинской Америке и вообще военную помощь ей, что влияние американского бизнеса преувеличивается, что американская поддержка смещается от режимов правого толка к центристским как в их военном, так и в гражданском варианте, к изоляции «наиболее грабительских представителей милитаризма», риторика антикоммунизма сменяется невоенной помощью США. При этом никакой зависимости Латинской Америки от США, утверждал он, не существует. «Самым большим мифом из всех является миф о том, будто бы американская внешняя политика контролирует военные режимы латиноамериканских государств»¹⁵⁶.

Фальшь и двойственность приведенных оценок, с одной стороны, укрепление военных диктатур — с другой, — якобы уменьшающаяся военная помощь США (утверждение явно недоказанное и чисто демагогическое) — не меняет того факта, что Э. Хоровиц защищает курс на «наведение порядка» военными средствами. Его симпатии к военным режимам Бразилии, Аргентины, Перу с очевидностью свидетельствуют о том, что «новый консерватизм» не отставал от «старого» в своей ставке на прямое подавление революционных освободительных движений.

Итак, «изоляционизму» радикалов, «реализму» либералов консерваторы противопоставляли гегемонизм. Требования установления мирового лидерства США путем создания мировых партий, суперблоков или любыми другими способами не были чисто теоретическими мечтаниями реакционных исследователей. Программа республиканской партии, принятая на ее съезде в августе 1984 г., отразила эти идеи в самой прямой форме. Таким образом, подтверждалось известное положение о роли интеллектуальной элиты в США как разработчика внешнеполитического курса, как определенного звена в процессе формирования империалистической внешней политики страны.

- ¹ *Saeger R. T. American Government and Politics: A Neoconservative Approach.* Glenview (Ill.), 1980. P. 39.
- ² См.: *Pines B. Back to Basics: Traditionalists Movement that is Sweeping Grass-Roots America.* N. Y., 1982; См. также рецензию А. Ю. Мельвиля в журнале «США: ЭПИ», 1983, № 1, С. 94–96; *Defending America: Toward New Role in Post – Détente World.* N. Y. 1977; *Beyond Containment: The Future of US – Soviet Relations // Policy Review*, 1985, Winter. N 31.
- ³ *Bethel T. Liberalism, Stanford-Style // Commentary.* 1984. Jan. P. 42–47.
- ⁴ *Ibid.* P. 46.
- ⁵ Hoover Institution Report, 1981. Stanford, 1981. P. 23.
- ⁶ Цит. по: *Bethel T. Op. cit.* P. 44–45.
- ⁷ В работах С. И. Аппатова, К. С. Гаджиева, Ю. А. Замошкина, А. Ю. Мельвиля, В. Ф. Петровского, С. М. Плеханова, Н. В. Сивачева, В. В. Согрина, Н. С. Юлиной и др.
- ⁸ *Гаджиев К. С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии.* М., 1982.
- ⁹ *Bailey T. A. American Pageant Revisited: Recollections of a Stanford Historian.* Stanford, 1982.
- ¹⁰ *Егорова Н. И. Советско-американские отношения послевоенного периода в буржуазной историографии США.* М., 1981. С. 38.
- ¹¹ *Mont Pelerin Society* – международная ассоциация ученых гуманитарного профиля, созданная в 1947 г. в Мон Пелерэн (Швейцария) с целью пропаганды превосходства капитализма над социализмом. Члены общества называли себя «классическими либералами» или либертарианцами, будучи на деле консерваторами – противниками социальных реформ, сторонниками индивидуализма и минимального вмешательства государства в дела частного предпринимательства.
- ¹² *Essays on Hayek/Ed. L. Machlup. Hillsdale (Mich.), 1976.*
- ¹³ См.: *Аппатов С. И. Американская буржуазная историография международных отношений: эволюция в 70-е годы // «США:ЭПИ», 1981. № 11. С. 122–123.*
- ¹⁴ См.: *Мизайлов Б. В. Современный американский либерализм: Идеология и политика.* М., 1983. С. 59. К либералам относили З. Бжезинского также авторы ряда авторефератов, опубликованных в 70-е годы.
- ¹⁵ См.: *Американская историография внешней политики США, 1945–1970/ Под общ. ред. и с предисл. Г. Н. Севостьянова.* М., 1972. С. 11–55 (раздел, написанный Г. А. Трофименко); *Современные внешнеполитические концепции/Под ред. Г. А. Трофименко.* М., 1979. С. 60–74 (раздел, написанный В. В. Шимановским); *Богданов Р. Г., Кокوشي А. А. США: информация и внешняя политика.* М., 1979. С. 35, 52.
- ¹⁶ *Гаджиев К. С. Указ. соч.* С. 62.
- ¹⁷ См., например, рецензию А. Ю. Мельвиля на книгу Филлипса («США: ЭПИ», 1983. № 11. С. 112–115).
- ¹⁸ *Гаджиев К. С. Указ. соч.* С. 286.
- ¹⁹ *Steinfels P. Neoconservatives: Men Who Are Changing America's Politics.* N. Y., 1979. P. 2.
- ²⁰ *Гаджиев К. С. Указ. соч.* С. 286.
- ²¹ Патрик Мойнихен не признавал себя «новым консерватором», но единодушно причисляется к таковым всеми исследователями. Ричард Сэгер прямо говорит о себе как о либерале, перешедшем к «новому консерватизму» (*Moynihan P. Op. cit.*)
- ²² *Podhoretz N. Breaking Ranks: A Political Memoir.* N. Y., 1979.
- ²³ *Steinfels P. Op. cit.* P. 5.
- ²⁴ *Ibid.* «Новые консерваторы» именуются также «пост-либералами» или «новыми либералами». См. напр.: *Butler S., Sanera M., Weinrod W. Mandate for Leadership: Continuing the Conservative Revolution.* Wash., 1984. Журнал «Policy review» (1985, Winter) называет эту книгу «манифестом нео-либералов».
- ²⁵ Вопрос о «новых правых» подвергнут систематическому анализу в работах С. М. Плеханова. См. статьи (США: ЭПИ), 1979. № 12; 1986. № 3), предисловие к кн. «Наследники Джозефа Маккарти» (М., 1984), глава

- в кн. «Современное политическое сознание в США» (М., 1979) и др. См. также работы А. Ю. Мельвиля — предисл. к кн. «США: консервативная волна» (М., 1984) и др.; С. Т. Колесниченко. «Новые правые»: тактика и стратегия. («США: ЭПИ», 1983. № 2. С. 100—109).
- ²⁶ Campbell G. Foreword // *United States in the 1980s*/Ed. P. Duignan, A. Rabushka. Stanford, 1980. P. VII—IX.
- ²⁷ Nuechterlein J. Republican Future // *Commentary*. 1983. Jan. P. 17—25; *Idem*. George Will and American Conservatism // *Ibid*. Oct. P. 35—49.
- ²⁸ Saeger R. T. Op. cit. P. 39, 46, 404.
- ²⁹ Steinfels P. Op. cit. P. 248, 262—269.
- ³⁰ Saeger R. T. Op. cit. P. 39, 399—401.
- ³¹ Phillips K. P. *Emerging Republican Majority*. N. Y., 1969.
- ³² Phillips K. P. *Post-Conservative America: People, Politics and Ideology in a Time of Crisis*. N. Y., 1982.
- ³³ А. Ю. Мельвиль в рецензии на книгу К. Филлипса («США: ЭПИ», 1983, № 11. С. 112—115) без достаточных оснований оценивает этого автора как сторонника праворадикальной альтернативы «рейганизму», дающего, «по сути дела, сценарий захвата власти в Америке ультраправыми силами и установления авторитарного режима наподобие фашистского». Справедливо в то же время его замечание о том, что К. Филлипс не видит левodemократической тенденции в популизме, вообще тех сил, которые сопротивляются сдвигу вправо. Однако Филлипс считал победу «радикального консерватизма» опасностью, «значительным риском» и выражал надежду, что «в США никогда не случится то, что последовало в Германии за Веймаром». (Phillips K. Op. cit., p. 156).
- ³⁴ Nuechterlein J. *Republican Future*. P. 17—25.
- ³⁵ По-видимому, следовало бы точнее определить термины «социальная база» и «социальная опора». В данной работе первый употребляется для обозначения того сравнительно узкого слоя «верхов», интересы которого выражает рейганизм, второй — для обозначения довольно широких масс избирателей, поддержавших Р. Рейгана на выборах, но имеющих иные классовые интересы и в конечном счете демократические, антимонополистические цели.
- ³⁶ Hoover Institution Report, 1981. P. 37—58.
- ³⁷ *Ibid*. P. 11, 23—27.
- ³⁸ Ушел в отставку 4 января 1982 г. в связи с расследованием взяточничества, официально «не подтвердившегося».
- ³⁹ Hoover Institution Report, 1981. P. 11—13.
- ⁴⁰ *Ibid*. P. 15.
- ⁴¹ *Ibid*. P. 53.
- ⁴² В число сотрудников института зачислялись люди той же категории. Так, в 1981 г. были зачислены: отставной адмирал Стокдейл, бывший вице-президент «Банк оф Америка» Хоудли, бывший руководитель радио «Свободная Европа» Микельсон. Доходы института в 1981 г. лишь на 6% составлялись за счет публикаций и продажи микрофильмов, львиная же их доля (43%) шла за счет пожертвований корпораций, фондов и индивидуальных лиц. Среди наиболее видных исследователей отчет института называется следующих авторов.
- Гленн Кэмпбелл, директор Гуверовского института с 1959 г. (до этого директор по исследованиям в Торговой палате), член различных комиссий при президенте Р. Рейгане, один из руководителей Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, член совета директоров Общества Мон-Пелерэн, руководства Комитета по существующей опасности и ряда других реакционных организаций. П. Стейнфелс, говоря о близости Кэмпбелла к Рейгану, отмечает, что портреты президента украшают кабинет директора на одиннадцатом этаже Гуверовской башни.
- Сеймур Мартин Липсет, президент Американской ассоциации политических наук в 1981—1982 гг., один из руководителей Американской академии искусств и наук, член Национальной академии и многих других

научных организаций, одновременно член Комитета по существующей опасности.

Элвин Рэбашка и Питер Дуигнан, активные участники избирательной кампании Р. Рейгана в 1980 г., Рэбашка — один из составителей программы «Общества Мон Пелерэн».

Ричард Стаар, представитель США на переговорах по сокращению вооружений в Вене, разработчик республиканской программы по вопросам военной политики и отношений с СССР в 1980 г.

Эдвард Теллер, известный физик-ядерщик, член многих академий, участник президентских целевых групп и комиссий по делам науки и техники.

Альберт Уолстеттер, советник помощника военного министра США, консультант различных ведомств и правительственных агентств по вопросам ядерных вооружений.

Милтон Фридман, известный экономист, нобелевский лауреат 1976 г., один из советников Рейгана по экономическим вопросам, вел специальную программу по телевидению.

Этот небольшой список достаточно красноречиво свидетельствует о влиянии Гуверовского института в правительстве и бизнесе. Неудивительно, что масштабы работы института в исследуемый период быстро росли. Все это было поставлено на службу интересов истеблишмента. См. цитированный выше отчет института (Р. 15—16, 70 etc.).

⁴³ Yearbook on International Communist Affairs/Ed. R. Staar. (Издается с 1968 г.).

⁴⁴ Статьи Р. Стаара в «Лос-Анджелес таймс» от 1 мая 1981 г. и в «Сан-Хосе меркьюри» от 12 апреля 1981 г.

⁴⁵ Essays on Hayek/Ed. F. Machlup. Hillsdale, 1976. P. XII—XVI.

⁴⁶ Galbraith Viewpoint in Perspective: Critical Commentary on «The Age of Uncertainty». Television Series/Ed. G. Musgrave. Stanford, 1974.

⁴⁷ Essays on Hayek. P. 95—106.

⁴⁸ Galbraith Viewpoint... P. 67—69.

⁴⁹ Essays on Hayek. P. 73—93.

⁵⁰ Roche G. G. Relevance of Friedrich A. Hayek // Essays on Hayek. P. 1—11.

⁵¹ Moynihan P. Counting Our Blessings: Reflection on the Future of America. Boston, 1980. P. 41—55.

⁵² United States in the 80s. P. XIX—XXI; Moynihan P. Op. cit. P. 48.

⁵³ Galbraith Viewpoint... P. 7—9.

⁵⁴ Hessen R. Big Corporation // Galbraith Viewpoint... P. 49—50.

⁵⁵ Saeger R. T. Op. cit. P. 340.

⁵⁶ Kristol I. // Neue Konservatismus in den Vereinigten Staaten und seine Auswirkungen auf die Atlantische Allianz. Bonn, 1982. P. 69—73.

⁵⁷ Steinfels P. Op. cit. P. 249.

⁵⁸ Ibid. P. 248.

⁵⁹ AMA — организация врачей, препятствующая любому прогрессивному законодательству по здравоохранению во имя поддержания высокой платы за медицинское обслуживание. См.: Saeger R. T. Op. cit. P. 243—268.

⁶⁰ Ibid. P. 300—332.

⁶¹ Подробнее см.: Богданов Р. Г., Кокошин А. А. США: информация и внешняя политика. М., 1979; Кокошин А. А. США: за фасадом глобальной политики. М., 1981.

⁶² Moynihan P. Op. cit. P. XIV.

⁶³ Podhoretz N. Appeasement by Any Other Name // Commentary. 1983. July. P. 27—34.

⁶⁴ Glynn P. Anti-Nuclear Phantasies // Commentary. 1983. Jan. P. 50—53.

⁶⁵ Brodie B. Fatal Competition // Galbraith Viewpoint... P. 43—44.

⁶⁶ Lacqueur W. What We Know about Soviet Union // Commentary. 1983. Febr. P. 13—21.

⁶⁷ Tucker R. America in Decline // Foreign Affairs. 1979. N 3; P. 477.

⁶⁸ Pipes R. US — Soviet Relations in the Era of Detente. Boulder, 1981. P. 61, 113.

⁶⁹ Nuechterlein J. Op. cit. P. 17.

- 70 *Saeger R. T. Op. cit. P. V.*
- 71 *Neue Konservatismus... P. 73.*
- 72 *Glaser K., Possony S. Victims of Politics. N. Y., 1979. P. 71—73.*
- 73 *Ibid. P. XIII—XX.*
- 74 *Moynihan P. Op. cit.*
- 75 *Pines B. Op. cit. P. 254—273.*
- 76 *Campbell G. Op. cit. P. XIII.*
- 77 *Pipes R. Op. cit. P. 61, 113.*
- 78 *Ball G. Diplomacy for a Crowded World. Boston, 1976. P. 324—325, 328—329.*
- 79 *Kristol I. What is a Neo-Conservative? // Newsweek. 1976. Jan. 19.*
- 80 *Steinfels P. Op. cit. P. 67.*
- 81 *Saeger R. T. Op. cit. P. 45—46.*
- 82 *Buckly W. What's Up with Eurocommunism? Wash., 1977. P. 11. См. также: Essays on Hayek. P. 95—102.*
- 83 *См.: Brzezinski Z., Huntington S. Political Power: USA — USSR. N. Y., 1968.*
- 84 *Kissinger H. Years of Upheaval. Boston, 1982. P. 241—242.*
- 85 *Osgood R. Limited War Revisited. Boulder, 1979. P. 33—49.*
- 86 *Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technotronic Era. N. Y., 1978. Книга выдержала за 1969—1978 гг. десять изданий без каких-либо изменений. Термин «технотронный» З. Бжезинский объясняет так: технология и электроника — отсюда неологизм технотроника (Op. cit. P. XIV).*
- 87 *Brzezinski Z., Huntington S. Op. cit.*
- 88 *Ibid. P. 29—30, 68, 367—388, 410, 415.*
- 89 *Brzezinski Z. Tragic Dilemmas of Soviet World Power // Encounter. 1983. Dec. P. 10—17.*
- 90 *Pipes R. Moscow's View // Soviet Strategy in Europe/Ed. R. Pipes. N. Y., 1976. P. 1—12.*
- 91 *Pipes R. US — Soviet Relations... P. III—V. Эти очерки, как подробно описывает Р. Пайпс, привлекли внимание сенатора Генри Джексона, «который почти в одиночку вел кампанию против просоветской политики Р. Никсона», а также Национального совета безопасности. Все это обеспечило автору известность и карьеру.*
- 92 *Ibid. P. 6—7, 15—16.*
- 93 *Glaser K., Possony S. Victims of Politics. N. Y., 1979.*
- 94 *Horowitz I. L. Beyond Empire and Revolution. N. Y., 1982. P. XIV—XXVII; Moynihan P. Op. cit. P. 50—52; Saeger R. T. Op. cit. P. 45.*
- 95 *Pipes R. US — Soviet Relations... P. XV.*
- 96 *Ibid. P. IX—XII.*
- 97 *Ibid. P. XII—XV, 31, 47—48.*
- 98 *Osgood R. Op. cit. P. 87; Tucker R. America in Decline // Foreign Affairs. 1979. N 3. P. 459—461; Saeger R. T. Op. cit. P. 46.*
- 99 *Kissinger H. Years of Upheaval. Boston, 1982. P. XIX, 70—71, 235—238, 240—245, 1030.*
- 100 *Lacqueur W. Op. cit. P. 21; Encounters with Kennan: The Great Debate. L., 1979. P. 165—168; Pipes R. US — Soviet Relations... P. XII, 107—121; Buckley W. Op. cit., P. 9—11.*
- 101 *Moynihan P. Op. cit. P. 61—64, 85—91, 95—105.*
- 102 *Glaser K., Possony S. Op. cit. P. XXII, 3—48, 115—133.*
- 103 *Tucker R. Op. cit. P. 465—466.*
- 104 *United States in the 1980s. P. XXXVI, 735—756; См. также: Kissinger H. Op. cit., P. 243—245; Lacqueur W. Op. cit.*
- 105 *Kaplan P. Whizzards of Armageddon: Strategists of the Nuclear Age. N. Y., 1983.*
- 106 *Commentary. 1983. Aug.*
- 107 *Ulam A. Dangerous Relations: the Soviet Union in World Politics, 1970—1972. Oxford, 1983.*
- 108 *Lacqueur W. Op. cit., P. 21.*
- 109 *См.: United States in the 1980s.*
- 110 *Moynihan P. Op. cit. P. 277—286, 290, 303—308, 317—318, 326—328.*

- 111 Osgood R. Op. cit., P. 87—101.
- 112 Podhorez N. Op. cit., P. 25, 29—32.
- 113 Commentary. 1983. Aug. P. 82—84; см. также: Soviet Strategy in Europe. P. 23—24.
- 114 Neue Konservatismus... S. 74—75; Soviet Strategy... P. 118.
- 115 Soviet Strategy... P. 49—50.
- 116 Grosser A. Western Europe // United States in the 1980s. P. 707—734.
- 117 Gress D. What the West Should Know about German Neutralism? // Commentary. 1983. Jan. P. 30—31.
- 118 Kissinger H. Op. cit., P. 131—195.
- 119 Buckley W. Op. cit., P. 6—9.
- 120 Pipes R. US — Soviet Relations... P. 59—60, 115—119.
- 121 См.: Grosser A. Op. cit.
- 122 Pipes R. US — Soviet Relations... P. 58.
- 123 Wolfe Th. Soviet Military Capabilities and Intentions in Europe // Soviet Strategy in Europe. P. 133—158.
- 124 Pipes R. US — Soviet Relations... P. 56; Wolfe Th. Op. cit. P. 163—167.
- 125 Tucker R. Op. cit., P. 456; Osgood R. Op. cit., P. 32, 53—66.
- 126 Tucker R. Op. cit. P. 453—454, 467, 477—484.
- 127 Moynihan P. D. Op. cit. P. 24—25, 26, 29; Commentary. 1983. Sept. P. 76—79.
- 128 Moynihan P. D. Op. cit. P. 30—31, 46, 100—102; Pipes R. US — Soviet Relations... P. 117; Podhorez N. Why we were in Vietnam. N. Y., 1982.
- 129 Lacqueur W. Op. cit. P. 13—21; United States in the 1980s. P. XXXVIII; Glaser K., Possony S. Op. cit. P. XXI—XXIV, 41—44; Soviet Strategy in Europe. P. 24—25; Moynihan P. D. Op. cit. P. 55—56; Pipes R. US — Soviet Relations... P. XIII—XIV, 41—44.
- 130 Glaser K., Possony S. Op. cit. P. XX—XXI.
- 131 Арбаров Г. А., Олманс В. Вступая в 80-е... М., 1983. С. 248—253, 300—302; Моджорян Л. А. Терроризм: правда и вымысел. М., 1983; см. также статьи в «США: ЭПИ», 1981, № 6, 7, 8 и др.
- 132 Soviet Strategy in Europe. P. 24—25; United States in the 1980s. P. XXIX.
- 133 Galbraith Viewpoint... P. 19—21.
- 134 Moynihan P. D. Op. cit. P. 66—68.
- 135 Glaser K., Possony S. Op. cit. P. XIII, XXIII; Galbraith Viewpoint... P. 21; United States in the 1980s. P. XXXIX.
- 136 Podhorez N. Op. cit., P. 34.
- 137 Horowitz I. Op. cit., P. 74—85; Saeger R. T. Op. cit. P. 41—46.
- 138 Moynihan P. Op. cit. P. 30, 40, 100—102.
- 139 United States in the 1980s. P. XXIX; Glaser K., Possony S. Op. cit. P. XXIII; Podhorez N. Op. cit. P. 34.
- 140 Campbell G. Op. cit., P. VII.
- 141 Bauer P. Foreign Aid and the Third World // United States in the 1980s. P. XXXIII.
- 142 Ibid.
- 143 Ibid. P. VII.
- 144 Tucker A. Op. cit. P. 462—465; Horowitz I. Op. cit. P. 2—13.
- 145 Podhorez N. Op. cit. P. 34; United States in the 1980s. P. 757—858.
- 146 Ball G. Diplomacy for a Crowded World. Boston, 1976. P. 313—315, 331—332.
- 147 Osgood R. at al. Retreat from Empire. Baltimore, 1973. P. 173—206.
- 148 Авторы указывают, что книга была написана в начале 60-х годов, а затем апробировалась на семинарах и встречах в США, Японии, Индии, СССР, западноевропейских странах.
- 149 Brzezinski Z., Huntington S. Op. cit. P. 10—17, 413—418, 423—432.
- 150 Pipes R. US — Soviet Relations... P. 48—56.
- 151 Brzezinski Z. Tragic Dilemmas of Soviet World Policy // Encounter. 1983. Dec. P. 17.
- 152 Moynihan P. Op. cit. P. 72—82.
- 153 Pipes R. US — Soviet Relations... P. 58—60.
- 154 Moynihan P. Op. cit. P. 55—57.
- 155 United States in the 1980s. P. XXIX; Osgood R. Revitalization of Containment // Foreign Affairs. 1982. N 3. P. 32—53, 67—86.
- 156 Horowitz I. Op. cit., P. 85—109, III.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ американской политологии и историографии послевоенной внешней политики США, проведенный в основном на литературе 1976—1983 гг. издания, приводит к выводу о значительном сдвиге вправо большинства историков и политологов в указанные годы. Этот сдвиг — результат общего наступления реакции в США, консервативной волны, инспирированной американскими правящими кругами. Появление «нового консерватизма», внедряющего идеологию «рейганизма» и в историографию, включение в это течение многих бывших «реалистов» — умеренных консерваторов и правых либералов, количественное уменьшение работ прогрессистского направления и неблагоприятные отзывы на них в крупных научных журналах, возрождение моды на прямолинейный антикоммунизм и шовинизм — таковы признаки этого «поправления».

Тем не менее различия между основными направлениями в американской буржуазной историографии сохранились, что ясно доказывает их долговременность. Особенно важно подчеркнуть, что сохраняется порой игнорируемое некоторыми советскими авторами «третье направление» — прогрессизм (мелкобуржуазный радикализм), соответствующий в политике таким известным в истории США течениям, как «разгребатели грязи», движение Лафоллета, «сторонники панацей» в 30-е годы, прогрессивная партия Г. Уоллеса 1948—1952 гг., «новые левые» 60-х годов, «консьюмеристы» и «энвайронменталисты» 70—80-х годов.

Для установления различий между основными направлениями буржуазной политологии и историографии были взяты, как уже указывалось, в качестве основных параметров пять позиций: социальное лицо авторов, относящихся к данному направлению; оценка ими внутренних факторов внешней политики; оценка отношений с СССР, с Западной Европой и вопросов разоружения; точка зрения по проблемам политики в развивающихся странах; предложения относительно внешнеполитического курса в будущем. Исследование американской немарксистской литературы по внешней политике США показало, что различия вкратце сводятся к следующему.

1. *Социальный статус.* «Прогрессистские» авторы: Г. Колко, У. Уильям, Г. Зинн, Т. Хейден — это исследователи, большей частью «выбывшиеся в люди» собственными усилиями и не связанные тесно с истеблишментом, участники антивоенного и сту-

денческого движения 60-х годов, в своих книгах разоблачавшие захватническую политику американского империализма. Примыкали к ним в рамках «ревизионизма» и менее радикальные авторы, такие, как Д. Ергин, Р. Барнет (последний был советником госдепартамента в период президентства Дж. Кеннеди, консультантом министерства обороны).

Либеральные авторы представлены именами Дж. Кеннана, Г. Моргентау, С. Хофмана, А. Шлезингера, М. Шульмана и др. Их положение в системе власти, их социальные связи, фонды и «мозговые центры», в которых они состоят, с несомненностью свидетельствуют об их принадлежности к истеблишменту. В этом отношении они заметно отличаются от «прогрессистов» (радикалов). Либералы — часть *правящего класса*. Не случайно многие из них выдвигаются на правительственные посты. Многие авторы, объявлявшиеся либералами в 60-е годы, в конце 70-х — начале 80-х годов перешли на позиции «нового консерватизма» (З. Бжезинский, Д. Белл, У. Росту, П. Мойнихен, С. Липсет и др.). Но особенностью социальной характеристики либералов вообще является то, что среди них большую, даже главную роль играет высшая интеллигенция. Соответственно, либеральная историография в большей мере, чем консервативная, отражает специфическую общественную роль интеллигенции — учет общенациональных интересов, международной ситуации, требований низов.

Консервативные авторы различных школ и течений: Г. Кэмпбелл, У. Бакли, Р. Пайпс, Б. Пайнс, К. Филлипс, С. Поссони, С. Хантингтон, К. Киссинджер и др., — представляют ту часть истеблишмента, которая влиятельна в монополистических кругах, связана с богатыми и наиболее реакционными «мозговыми трестами» и администрацией Р. Рейгана. Попутчиками консерваторов являются «новые правые», иными словами, правое течение популизма. Как отмечалось, к консервативному течению присоединились многие бывшие либералы, получившие в литературе наименование «новых консерваторов». В группировке «нового консерватизма» участвует и ряд бывших леваков, однако не они составляют главных идеологов в области историографии, где тон задают «респектабельные и престижные».

Конечно, консервативные авторы по роду своих занятий тоже интеллигенты. Очевидно также, что личный выбор — быть ли либералом или консерватором — зависит от рождения, воспитания, характера и тысячи других факторов индивидуальной биографии, от «состояния души», по выражению профессора В. И. Лукина. Однако в итоге возникают две группировки правящего класса, соответствующие объективно имеющейся альтернативе двух возможных политических курсов, что и отражается в двух историографических течениях. При таком не индивидуальном, а «статистическом» подходе выявляются определенные различия в социальных связях авторов того и другого направления.

2. Внутривнутриполитические факторы. Прогрессисты считают главной силой империалистической внешней политики США монопо-

лии, антимонополизм является их центральной идеей, исходной базой — всех их подходов к различным сторонам внешнеполитического курса страны. Прогрессисты многое сделали для разоблачения роли монополий, особенно ТНК, для критики теорий плюралистической демократии в США, построив модели олигархической структуры власти. С другой стороны, они указывают на массовые демократические движения как на фактор, способный оказать существенное влияние на внешнеполитический курс страны (массовые выступления против войны во Вьетнаме).

Либералы, отвергая значение решающей роли монополий и провозглашая ТНК двигателем прогресса в мировой экономике, во второй степени силой во внешней политике, ставят на главное место среди внутривнутриполитических факторов государственную структуру, плюралистический характер американской системы. Институционалистский подход явился продолжением идеи государственного регулирования — центральной концепции современных либералов во внутренней политике. Отсюда — повышенное внимание к психологии стоящих у власти администраторов, к процессу принятия решений, появление теории бюрократического компромисса и, в то же время, преуменьшение значения массовых движений.

Консерваторы считают решающим фактором идеологию, пропагандирующую капитализм, рассчитывая с помощью повинизма, антисоветизма и антикоммунизма создать в средних классах опору для агрессивной политики, обеспечить достаточно широкий консенсус, оправдать навязывание американского образца «свободы и демократии» другим народам. Отсюда вытекает их резко негативное отношение к массовым демократическим движениям, якобы идущим вразрез с интересами США в мире, положительная оценка роли монополий как во внутренней, так и во внешней политике страны. Характерно, что консерваторы решительно выступили против лозунга о «конце идеологии», выдвинутого ранее школой «политического реализма», которая призывала к прагматизму в международных делах.

3. Оценка отношений с СССР, Западной Европой и проблема разоружения. Прогрессисты, многие из которых знакомы с работами К. Маркса и В. И. Ленина, провозглашали право русского народа на свою революцию, положительно оценивали преобразования, проведенные в Советском Союзе, осуждали антисоветизм в политике США. Будучи сторонниками капиталистического строя и буржуазной демократии, они, однако, призывали не вмешиваться в дела социалистических стран и выступали против консервативного тезиса о возможности мирного сосуществования только в случае изменения политической системы в СССР и других странах социализма. Значительные элементы изоляционизма содержали предложения прогрессистов относительно политики в Западной Европе. Несколько односторонне трактуя разрядку, видя только сопровождавшие ее отрицательные моменты (попытки Вашингтона разыграть «китайскую карту», конечная цель установления

«нового мирового порядка», означающего гегемонию США во всем несоциалистическом мире), прогрессисты одновременно горячо поддерживали переговоры об ограничении вооружений, выступали за всеобщее разоружение как их конечную цель, ярко критиковали милитаризм США, увязывая его с прибылями военных монополий.

В то же время прогрессисты показали, что сдвиг США к военным приоритетам был в значительной мере продиктован появлением контрсилowego оружия и расчетами на «первый удар». Они справедливо утверждали, что кампания «за права человека» была вызвана стремлением восстановить международный престиж США, подорванный Вьетнамом и Уотергейтом, причем впечатляюще разоблачали нарушения этих прав самими правящими кругами США, проводимую Америкой политику государственного терроризма.

Позиция прогрессистов не была последовательной. Они нередко отдавали дань антисоветской пропаганде, в ряде случаев капитулируя перед ней (в вопросе о «диссидентах», теории «двух сверхдержав»). Однако в целом прогрессистская историография развернула серьезную критику антисоветской и милитаристской политики США с позиций демократического изоляционизма.

Либеральная историография советско-американских отношений в целом может быть охарактеризована как сочетающая «морализм» (этим эвфемизмом фактически маскировался антикоммунизм) и «реализм» (признание неизбежности сосуществования с социалистическим миром в силу ограниченности американской мощи). Первый преобладал в либеральной литературе в годы холодной войны, второй вышел на первый план в 60-е — начале 70-х годов и начал отступать в последующее время, по крайней мере в работах части либеральных авторов.

Признав неизбежность сосуществования с социализмом и нереальность требования изменить советский строй как условия для установления нормальных отношений, эти авторы все же продолжали высказывать иллюзорные надежды на «либерализацию» советской системы, в частности под влиянием торговых, научно-технических и других связей с Западом. Они оценили кампанию «за права человека» как ошибочную и провалившуюся, но призывали вести ее и дальше, только в меньшем масштабе, осторожнее там, где она сулит успех, на общественном, а не на государственном уровне.

Либералы осудили срыв разрядки, в частности брюссельское решение НАТО 1979 г., как исходящее из узковоенных соображений, не учитывающее более важных и долговременных последствий (массовое антиядерное движение в Европе, углубление противоречий между США и их союзниками, нарастание опасности ядерной катастрофы). Но при этом проводилась идея «равной вины обеих сторон». Длительная дискуссия в литературе о «доктрине Кеннана» доказала, что, выступая против идеи превосходящей мощи США и «контрсиловой» стратегии первого удара, ли-

либералы отстаивали политику «сдерживания» с помощью «равновесия страха», «взаимного гарантированного уничтожения».

Марксистскому тезису об империалистических противоречиях противопоставлялись утверждения либералов об «атлантизме» как «основе американско-западноевропейских отношений», базирующихся на общности целей, духа, культуры и т. п. Либералы ставили «европоцентризм» на первое место, противопоставляя его чрезмерному глобализму в политике США. В то же время признавалось наличие серьезных разногласий в НАТО. Однако считалось возможным устранить их с помощью большей гибкости в политике, демонстраций «равноправия», улучшения процесса консультаций и координации, создания для этого новых механизмов (в чем проявился привычный институционалистский подход либералов).

Консервативная историография развивала идеи прямолинейного, нередко «пещерного» антисоветизма. Идеологический подход, который был ее исходной базой, подтвердил американское понимание слова «идеологический» как «предвзятый», «необъективный». Свой основной тезис о том, будто бы агрессивность органически присуща советскому строю, а миролюбие — американскому, они пытались подкрепить, сравнивая историческое развитие двух стран — роль государственной централизации и войн в развитии России и «коммерческую демократию» в США (в последнем случае «забывая» о завоеваниях и захватах). Все этапы советско-американских отношений трактовались как неизменное наступление СССР и «оборона» США, разрядка — как неоправданная американская «уступка» Советам. Выводом было требование ужесточить курс, в частности интегрировать в него кампанию о «правах человека», но главное — наращивать вооружения, создать позицию силы, под прикрытием тезиса об «отставании» США и раздувания мифа о «советской угрозе» фактически готовить «первый удар».

В отношениях с Западной Европой отстаивалась идея «руководства», «старшего партнера» и борьбы с демократическими тенденциями вплоть до прямого вмешательства во внутренние дела западноевропейских государств.

4. *Отношения с развивающимися странами.* Прогрессисты уделяли большое внимание критике колониализма США и защите национально-освободительных движений в Азии, Африке, Латинской Америке, показав, что агрессия во Вьетнаме была не ошибкой, а преступлением, что «кровавые деяния ЦРУ» являются источником государственного терроризма, гораздо более опасного, чем терроризм индивидуальный, что вся эта политика ведется в интересах монополий, прибылей ТНК. В их работе дан яркий разоблачительный материал, противостоящий пропагандистским утверждениям апологетов монополистического капитала о «защите демократии», «помощи экономическому развитию» и т. п. Однако у прогрессистов можно встретить и выпады против советского влияния в развивающихся странах, сочетаемые с призывом

к нейтрализму и упованиями на местные националистические силы.

Либеральные авторы, признавая, что политика СССР не является причиной революции в «третьем мире», утверждают, что эти последние «используются» социалистическими странами для расширения своего влияния. Вместо признания права народов освободившихся стран на независимость и самоопределение они выдвигали лозунг «реформы против революции». Либералы решительно восставали против тезиса об ответственности империалистических государств за отсталость бывших колоний и предлагали содействовать прогрессу методами американской экономической помощи, регулирования рынка с целью более равномерного распределения ресурсов, создания — на американский манер — «нового экономического мирового порядка». Все это должно было способствовать капиталистической ориентации развивающихся стран. Они осуждали военные методы как в форме прямой интервенции, так и в виде подрывной практики ЦРУ против Кубы, в Чили и др. Однако главной бедой они считали не агрессивность американского курса, а его неэффективность, неспособность остановить «восстание третьего мира». В либеральной литературе постоянно подчеркивались ограниченность мощи США, необходимость более реалистической оценки глубинных причин национально-освободительных движений, необходимость решения проблемы «Север—Юг» невоенными методами.

Консервативные авторы в большинстве случаев без дальнейших околичностей объявляли причиной грандиозного процесса деколонизации «советское проникновение». Американская политика, в том числе и агрессия во Вьетнаме, на Гренаде, расценивалась как «защита демократии», лишенная каких-либо корыстных целей. В сочинениях даже солидных и известных авторов подхватывалась клевета о «терроризме» национально-освободительных сил, а трудности переходного периода использовались для доказательства настойчиво проводимой идеи, что новые порядки в получивших независимость странах хуже старых, колониальных. Консерваторы нападали на нерешительность либералов, на якобы проповедуемый последними изоляционизм в отношении развивающихся стран и требовали в интересах модернизации «Юга» развертывать не столько помощь, сколько экспансию американского бизнеса.

5. *Альтернатива на будущее.* Прогрессисты указывали на необходимость резкого изменения американской внешней политики и условием этого считали ограничение власти монополий в стране. Путь к этой цели рисовался им в виде утопического идеала — постепенного переустройства государственной структуры США на началах коммунизма, а движущей силой такого переустройства призваны были стать разнообразные демократические движения, постепенно добивающиеся ограничения произвола монополий. При всей утопичности подобной альтернативы она отражала назревший протест против политики государственно-мо-

нополистического капитализма, против агрессивного курса США.

В либеральной литературе выдвигались рекомендации по перестройке тех или иных учреждений, связанных с внешней политикой (ЦРУ, Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, Комиссии по атомной энергии и др.), по пересмотру полномочий президента и его взаимоотношений с конгрессом, деятельности администрации и средств массовой информации и т. п. Все эти меры предлагались как способ повышения эффективности внешней политики США. Выдвинутые школой «политического реализма» идеи установления «нового мирового порядка» на основе принципов «национального интереса» и «взаимозависимости» (при этом подразумевалось главенство США) поддерживались либералами и в 70—80-х годах, хотя и не столь энергично. «Новый мировой экономический порядок» рассматривался как путь к решению проблемы «Север—Юг» (в американском варианте). Либералы таким образом стояли за гегемонизм США, но устанавливаемый преимущественно невоенными методами.

Консерваторы более откровенно заявляли о необходимости обеспечения руководящей роли Америки, об «ответственности» Вашингтона за мировые дела. Идею установления «международного порядка» они подправляли заявлениями о том, что этот порядок должен соответствовать «американским идеалам», т. е. аппетитам монополий США. Что же касается социалистических стран, то конфронтация с ними рисовалась как неизбежность, «мировой порядок» предполагалось установить на основе их изоляции. Пути при этом намечались разные: создание мировых партий, использование противоречий между государствами, установление зависимых военных диктатур в развивающихся странах, расширение блоковой стратегии. Но цель мировой гегемонии США оставалась неизменной.

Перечисленные различия были наиболее серьезными между прогрессистами, с одной стороны, консерваторами и либералами — с другой. Между двумя последними расхождения сводились чаще к методам, чем к целям. В общем же при всей неопределенности границ и возникновении тех или иных, нередко промежуточных, школ все три направления отличались большим постоянством, характеризуя историографию США не только в периоды стабильности, но и в годы поворота политики, пересмотра внешнеполитического курса, как это имело место в обстановке сдвига вправо на рубеже 70—80-х годов.

- Агнью С. 133
 Адамс Дж. К. 39
 Александр I 158
 Аллен Р. 140, 141
 Аллпсон Гр. 58
 Алпровид Г. 9, 11, 27, 44, 50
 Альеде С. 26, 178
 Андерсон Дж. 129
 Алпатов С. И. 6, 8, 43, 49, 74, 119, 120, 192
 Арбатов Г. А. 6, 48, 69, 70, 88, 118, 121—124, 196
 Ачесон Д. 18, 21, 27, 28, 62, 167
- Бадилю Г. 24
 Бай Б. 33
 Бакли У. 129, 130, 133, 140, 143, 145, 151, 154, 164, 174, 175, 195, 196, 198
 Банди М. 18, 52, 55, 70, 82, 84, 85, 87, 116, 120, 172
 Барнет Р. 11—13, 16, 28, 31, 32, 34, 36—39, 44—46, 52, 130, 198
 Баталов Э. Я. 47, 48, 119
 Бауэр П. Т. 184, 196
 Бейли Т. А. 50, 130, 192
 Белл Д. 52, 53, 120, 132, 136, 152, 198
 Белоголов А. М. 121
 Бемис С. 50, 119
 Берджер П. 133
 Берковиц М. 12, 44
 Бернштейн Б. 45, 46, 50
 Бете Г. 170
 Бжезинский З. 4, 17, 18, 52, 76, 131, 132, 140, 143, 155, 156, 159, 164, 187, 188, 192, 195, 196, 198
 Бпнен Х. 103, 104, 125
 Бирд Ч. 7, 11, 13
 Бирнс Дж. 123
 Бисмарк О. Э. 89
 Блекмен Б. М. 52, 58, 64, 82, 85, 121, 123
 Блументол М. 18
 Блумфилд Л. М. 52, 56, 110, 112—115, 118, 125, 126.
 Богданов Р. Г. 6, 48, 118, 121—123, 192, 194
 Бок П. 12, 44
 Болен Ч. 21
 Болл Дж. 130, 140, 154, 187, 195, 196
 Болховитнов Н. Н. 6, 7
 Боун Р. 75
 Боулс Ч. 112, 120, 125
 Брандт В. 80, 160
 Браун С. 49, 97, 100, 103, 124, 125
 Бреннан Д. 170
 Броди Б. 151, 167, 194
 Бурстин Д. 49, 133
- Бэрнхэм Дж. 50, 133
 Бэрч Ф. 15, 16, 44, 45
 Бялер С. 172
- Ван Клив У. 142
 Ватануки Дж. 146
 Вебер М. 152
 Вильсон В. 15, 29, 57, 110, 153, 188
 Волстед А. 167
 Вулф А. 52
 Вулф Т. 142, 176, 177, 179, 196
 Вэнс С. 18, 46, 76, 165, 174
- Гаджиев К. С. 6, 49, 50, 119, 130—132, 192
 Галкин И. С. 3, 119
 Гальперин М. 52, 58
 Ганди М. 26
 Ганн Дж. 179, 186
 Гарднер Р. 9, 45
 Гарриман А. 18
 Геддис Дж. 45, 52, 96, 99, 120, 121, 124
 Геевский И. А. 2
 Гитлер А. 111, 129
 Глезер К. 152, 153, 159, 166, 179, 180, 181, 183, 195, 196
 Глейзер Н. 53, 132
 Гленн У. 185
 Глинн П. 150, 194
 Голдуотер Б. 131
 Голль Шарль де 80, 160, 174
 Горвиц Д. 32
 Грамши А. 129
 Гресс Д. 173, 174, 196
 Гриффитс У. 90, 91, 123
 Громыко Анат. А. 44, 121
 Гроссер А. 173, 176, 196
 Гувер Г. 28, 39, 128
 Гугенхейм Х. С. 140
 Гэйтер Д. 67, 122, 167
 Гэлбрэйт Дж. 52, 55, 143, 145, 151, 181
- Давыдов В. Ф. 74
 Давыдов Ю. П. 74
 Дай Т. 17, 18, 30, 44—46
 Даллес Дж. Ф. 18, 62, 70, 89, 123, 162
 Даренхоф В. 153
 Дауд М. 33
 Дементьев И. П. 3, 7, 43, 49
 Деннич Б. 37
 Дестлер Э. 53
 Джефсон Г. 134, 195
 Джервази Т. 23, 25, 26, 33—35, 44—46
 Джервис Р. 70, 122
 Джефферсон Т. 21, 144
 Джонс Д. 82, 83
 Джонсон Л. 28, 97, 123, 124, 147

Джонсон Р. 64, 67, 122
Диболд У. 76, 78, 112, 114, 115, 118,
122, 123, 125, 126
Дитце Г. 130
Дойч К. 52
Домхоф У. 11, 13
Дракер П. 133
Дрейпер Т. 127
Дуарте Х.-П. 26
Дуглас Дж. 168, 169
Дупгнан П. 129, 130, 133, 142, 172,
173, 179, 181, 182, 186, 193, 194
Дьем Н.-Д. 22
Дэвис Дж. 89
Дюркгейм Э. 152

Егорова Н. И. 6, 9, 44, 49, 50, 119,
192
Ергин Д. 11, 29, 52, 198

Журхун Э. А. 120

Замошкин Ю. А. 48, 119, 192
Зинн Г. 9—11, 14, 16, 19, 20, 24, 25,
30, 36, 39, 41, 44—47, 50, 197

Иван IV Грозный 158
Иванов Ю. А. 121
Иванова И. М. 74
Иванян Э. А. 121
Икле Ф. 71, 168—170
Иноземцев Н. Н. 35, 46

Йорк Г. 32

Кайзер К. 75
Кан Г. 167, 170, 172
Кантор Р. Е. 7
Каплан М. 50
Каплан Ф. 167, 196
Каренш А. А. 121
Картер Дж. 15, 16, 18, 24, 30, 31, 33,
34, 66, 71, 76, 84, 104, 123, 134, 139,
147, 165, 166, 169, 170, 183, 185, 186,
190
Кастро Ф. 26, 28, 94, 101, 150
Катценбах Н. 18
Кеннан Дж. 4, 27, 28, 49, 50, 52, 53,
55, 61—65, 67, 68, 70, 74, 75, 79,
82—85, 87, 89, 90, 91, 96, 101—103,
105, 106, 109—111, 120—125, 151,
154, 164, 168, 170, 172, 198, 200
Кеннеди Д. 142
Кеннеди Дж. 11, 18, 28, 31, 37, 44, 52,
57, 58, 70, 97, 103, 123, 124, 128, 147,
198
Кеннеди Р. 52, 58, 93, 97
Кеннеди Э. 52, 139
Киллиан Дж. А. 67, 122
Кинтнер У. 130
Киркпатрик Дж. 133, 140, 150
Киссинджер Г. 4, 18, 29, 36, 39, 50,

52, 53, 58, 64, 97, 98, 100, 103, 107—
109, 116, 117, 130, 140, 155, 161—
164, 170, 174, 178, 187, 188, 195, 196,
193
Клайн Р. 168, 169
Клеменс У. 45
Клинберг Ф. 110, 125
Клэрмен Р. 175
Кобер С. 82, 83
Кокошин А. А. 6, 48, 118, 121—123,
192, 194
Колдуэл Л. 52, 132
Колесниченко С. Т. 193
Колко Г. 9, 13, 15, 27, 44, 49, 50, 197
Колумб Х. 10
Конквест Р. 127, 133
Конкин П. 45
Кристол Э. 53, 132, 133, 136, 140, 145,
146, 152, 154, 172, 173, 194, 195
Крознер М. 146
Кронкайт У. 141
Кунина А. Е. 48
Кургинян Э. А. 44
Кэмпбелл Г. 133, 135, 141, 142, 154,
184, 193, 195, 196, 198
Кэслери Р. С. 158

Лакёр У. 132, 133, 151, 164, 166—168,
195, 196
Лафебер У. 45, 50, 52, 74, 121
Лафоллет Р. 197
Ледд Э. 120, 132
Ледин М. 178
Леммин Дж. 49, 50
Ленин В. И. 40, 42, 199
Ленковский Л. 172
Ленс С. 32, 45, 46
Липпман У. 50, 52, 74, 96, 120
Липсет С. М. 53, 152, 193, 198
Лиска Дж. 130, 133
Лодж Г. К. 129
Лоуэнтон Р. 168
Лукин В. И. 198
Лумумба П. 107
Лэнс Б. 46
Лэтвак Н. 109, 167
Льюс Г. 28

Магдоф Дж. 45
Макартур Д. 96
Магговерн Дж. 139
Маккарти Дж. 63, 169
Макклой Дж. 18, 50
Макнамара Р. 69, 70, 82, 84, 85, 87,
168, 172
Малик Я. А. 96
Мао Цзедун 26
Марзанн К. 50
Маркс К. 40, 42, 128, 129, 152, 182,
199
Мартин А. 145

Маршалл Дж. К. 18, 27, 62, 63, 74, 90, 174
 Махлуп Ф. 130, 143
 Мельвиль А. Ю. 48, 192, 193
 Меттерних К. Л. 39, 116
 Миллс Р. 12, 13, 32, 44, 45
 Михайлов Б. В. 49, 119, 120, 131, 192
 Мишин А. А. 121
 Моджорян Л. А. 196
 Мойнихен П. Д. 52, 53, 92, 132, 140, 144, 149, 153, 154, 159, 165, 166, 169—171, 175, 178—180, 182—184, 187—190, 192, 194—196, 198
 Монтгомери Б. Л. 179
 Моргентгау Г. 14, 49, 50, 52, 55, 96, 100, 101, 119, 120, 125, 198
 Моро А. 153
 Моссаддык М. 107

Най Дж. 52
 Невинс А. 49, 145
 Нерон К.-Ц. 129
 Нибул Р. 96, 116
 Никифоров А. С. 121
 Никифоров Б. С. 121
 Никсон Р. 14, 15, 29, 64, 97, 93, 109, 116, 117, 123, 133, 139, 161, 163, 164, 170, 173, 178, 187, 188, 195
 Нил Ф. 44, 52, 64
 Нинич М. 19, 45
 Нитце П. 116, 127
 Нкрума Кваме 94
 Новак М. 133
 Нойштадт Р. 58
 Норман Т. 133
 Ноулан Дж. 58, 121, 123
 Нейдер Р. 11, 32, 147
 Нюхтерлейн Дж. 132, 137—139, 152, 193, 195

Олтманс В. 6, 118, 121, 122, 123, 124, 196
 Оппенгеймер Р. 167, 170
 Осгуд Р. 50, 52, 53, 119, 130, 132, 140, 143, 155, 161, 169, 171, 177, 187, 190, 195, 196
 Остин П. 18
 Оуэн Г. 79, 123

Пайнс Б. 127, 130, 133, 137, 138, 140, 154, 192, 195, 193
 Пайнс Р. 4, 130, 133, 152, 154, 157—161, 164, 168, 169, 172, 173, 175—177, 179, 180, 187—189, 195, 196, 198
 Паренти М. 45
 Пелипась М. Я. 50, 119
 Перкинс Д. 119
 Петр I 158
 Петровский В. Ф. 6, 48, 49, 118, 121, 131, 192
 Пиночет У. 22

Плеханов С. М. 192
 Подгорец Н. 53, 132, 140, 149, 150, 169, 171, 182, 183, 185, 192, 193, 196
 Подлесный П. Т. 43, 48, 119, 121
 Попов А. А. 120
 Попова Е. И. 121
 Поссонн С. 130, 133, 152, 153, 159, 166, 179—181, 183, 195, 196, 198

Равенал Э. 83, 123
 Рамсей П. 71
 Раск Д. 18
 Рассет Б. 19, 45
 Раткенс Дж. 39
 Рейган Р. 15, 30, 32—35, 42, 58, 69, 71, 73, 77, 78, 80, 82, 85, 97, 105, 127—129, 131, 135—143, 146, 147, 152, 158, 168, 171, 176, 184, 193, 194, 198

Рейшауэр Э. 52
 Рестон Дж. 21
 Рознфелд С. 64, 73, 77, 78, 80, 97, 100, 120, 123, 124
 Рокфеллер Д. 18, 30
 Ростю У. 52, 53, 116, 130, 140, 198
 Ростю Ю. 58, 67, 116, 127
 Роуч Д. 130, 144, 194
 Роуэн Р. 170
 Рузвельт Т. 57, 110
 Рузвельт Ф. 16, 28, 52, 54, 57, 58, 110, 120, 127, 131, 139, 152
 Рэбашка Э. 130, 133, 142, 144, 172, 173, 180, 183, 190, 193, 194
 Рэдош Р. 45

Савельев В. А. 121
 Салвадорн М. 50
 Севостьянов Г. Н. 121, 192
 Сибэри П. 52, 127, 133
 Сивачев Н. В. 51, 192
 Сквилл Г. 32, 64, 71, 122
 Смит Дж. 70, 82, 84, 85, 87, 172
 Согрин В. В. 6, 7, 192
 Стаар Р. 141, 142, 166, 169, 172, 194
 Стейнбрунер Дж. 52, 64, 71, 122
 Стойнфелс П. 120, 132, 133, 134, 136, 143, 192—195
 Степанова О. Л. 44
 Стивенсон Э. 52, 120, 124
 Стил Р. 27, 52
 Стимсон Г. 50
 Страус-Хьюпе Р. 50
 Сукарно А. 107
 Сунь Ятсен 26
 Сцилард Л. 170
 Сэгер Р. 127, 132, 135—137, 145, 147, 148, 152, 154, 159, 161, 182, 187, 192—196

Тагвел Р. 52
 Такер Р. 50, 53, 130, 132, 152, 161, 166,

169, 177, 178, 184, 185, 187, 195, 196
Теллер Э. 142, 167—169, 194
Тойнби А. 111
Томпсон К. 52, 53, 74, 120, 123—126
Тоффлер Э. 11, 47
Триллинг Л. 53
Трофименко Г. А. 6, 48, 49, 119, 192
Трумэн Г. 27, 28, 62, 110
Тучилло В. 12
Тэрнер Р. 142
Тэтчер М. 42, 65

Уилсон У. 16
Упльямс У. Э. 9, 11, 13, 19—21, 23,
25—29, 32, 33—40, 44—47, 50, 197
Ульман Р. 52
Уолл Дж. 145
Уоллес Г. 28, 50, 114, 197
Уоллес Дж. 139
Уолстеттер А. 170, 194
Уорбург Дж. 50
Уорнке П. 18, 32
Уткин А. И. 6, 48, 74, 118

Фалкофф М. 185
Филлипс К. 130, 133, 137, 138, 192, 193,
198
Фишер А. 32
Флеминг Д. 44, 45, 50, 52
Форд 17, 140
Форд Д. Р. 139
Форд Дж. 123
Фостер Р. 133, 195
Франк А. Дж. 182
Фридман М. 129, 130, 137, 140, 141,
143, 194
Фулбрайт Дж. У. 52

Хабиб Ф. 141
Хайек Ф. 49, 130, 140, 143, 144, 187
Халле Л. 52, 111, 118
Хантингтон С. 30, 52, 53, 130, 132,
136, 140, 143, 146, 147, 155, 156, 159,
187, 195, 196, 198
Харрингтон М., 11, 45, 49
Хартуэлл Р. 144
Хафнер Д. 82
Хёбер А. 168, 169
Хейден Т. 10, 32, 36, 44, 46, 197
Хейлбронер О. 39
Херман Р. 22
Херш С. 178
Хессен Р. 133, 145, 194
Хиллс Б. 139
Хилсмен Р. 58

Хозин Г. С. 47
Холл Г. 45
Хоровиц Э. Л. 9, 44, 45, 143, 159, 182,
185, 190, 191, 195, 196
Хо Ши Мин 20, 21
Хоудли 193
Хофман С. 52, 56, 57, 64, 66, 70, 71,
82, 85, 88, 89, 90, 92, 93, 96, 98, 100,
106—108, 112—118, 120—126, 198
Хофстеттер Р. 49, 52, 120, 149, 152
Хэммонд П. 50
Хэмптон Ф. 30
Хэррис П. 30

Чавес С. 11
Чендлер А. 145
Четвериков С. Б. 121
Чомский Н. 12, 14, 16, 17, 20—24, 26,
30, 31, 35, 36, 41, 44—47

Шамберг В. М. 43
Швабе Ч. 145
Шведков Ю. А. 121
Шейдина И. Л. 6, 120, 121, 131
Шеннон У. 14
Шиллинг У. 58
Шимановский В. В. 192
Шлезингер А. 14, 21, 31, 32, 49, 52,
54, 55, 58, 64, 66, 68, 70, 71, 73, 93,
96, 97, 110, 111, 116, 120, 122, 124,
125, 198
Шлессинджер Дж. 69, 127
Шульман М. 52, 55, 56, 64, 68, 69, 72,
78, 83, 84, 88, 94, 95, 100, 101, 103,
120—125, 198
Шульман Ф. 52
Шульц Дж. 77, 80
Шуман Ф. 50, 120

Эбрахамс Ф. 56
Эделман К. 59
Эйзенхауэр Д. 28, 31, 58, 110, 123,
151
Эмброуз С. 98, 99, 101
Энгельс Ф. 129
Энтховен Э. 170
Эрбан Дж. 164

Юдина Т. Н. 121
Юпина Н. С. 192
Юлэм А. 52, 132, 167, 168, 196

Яковлев А. Н. 6
Яковлев Н. Н. 121
Янг Э. 30

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
---------------------------	---

I

ПРОГРЕССИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ	7
Роль мелкобуржуазного радикализма в историографии и политологии США	7
Экономический детерминизм и антимонополизм	11
Проблема отношений с развивающимися странами	20
Советско-американские отношения и политика в Европе. Проблема разоружения	27
Прогрессистская альтернатива	37

II

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США	48
Либерализм как направление в американской историографии. Социальный статус либералов	48
Отношения с СССР и проблема вооружений	60
Подход к Западной Европе	74
Политика США в развивающихся странах	93
Стратегическая задача внешней политики США	108

III

ЛИТЕРАТУРА КОНСЕРВАТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ	127
Социальные связи консервативных авторов	134
Подход к внутренним факторам внешней политики	148
Концепция американско-советских отношений	155
Проблема вооружений и политика в Западной Европе	167
Политический курс в отношении развивающихся стран	177
Стратегия на будущее	186
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	197
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	204